Элизабет Вернер

Заклятое золото

Элизабет Вернер
Заклятое золото

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22552497

Аннотация

«– Итак, это – твоя родина, и ты действительно провел целых десять лет жизни в этом забытом Богом захолустье? Я даже и представить себе не мог, что дело обстоит так скверно!

– Богом забытое захолустье! Если бы это слышали наши гейльсбергцы, которые так гордятся своим городом и его «историческим прошлым», то осудили бы тебя на изгнание!..»

Содержание

1	4
2	20
3	28
4	41
5	51
6	67
7	78
8	89
9	107
10	119
11	129
12	136
13	148
14	165
15	168
16	184
17	194
18	199

Эльза Вернер
Заклятое золото

1

– Итак, это – твоя родина, и ты действительно провел целых десять лет жизни в этом забытом Богом захолустье? Я даже и представить себе не мог, что дело обстоит так скверно!

– Богом забытое захолустье! Если бы это слышали наши гейльсбергцы, которые так гордятся своим городом и его «историческим прошлым», то осудили бы тебя на изгнание!

Двое мужчин, между которыми происходил этот разговор, сидели в маленьком садике, вокруг которого теснились высокие дома с островерхими крышами. Один из говоривших был высокий, стройный мужчина с темными волосами и бородой и серьезными темными глазами. Другой был немного меньше ростом, но обладал красивой, сильной фигурой. Его густые белокурые волосы очень шли к его загорелому лицу. Он со смехом пожал плечами.

– Все милые гейльсбергцы – порядочные филистеры[1], а достопочтенный и глубокоуважаемый нотариус Раймар, к

---

[1] Филистер – самодовольный и ограниченный человек с узким, обывательским, мещанским кругозором и ханжеским поведением.

сожалению, также уподобился им.

Раймар усмехнулся. Во всей его фигуре чувствовалось утомление, да и в самом тоне слышалась усталость, когда он возразил:

– Ты имеешь полное право шутить, Арнольд. Положение гейльсбергского нотариуса, разумеется, не из завидных. А как тебе нравится местоположение нашего городка?

– Очень красиво и очень идиллично, но, мне кажется, я сошел бы с ума, если бы мне пришлось в продолжение многих лет наслаждаться этой идиллией, любоваться тихими, залитыми солнцем улицами и ограничиваться обществом милых гейльсбергцев.

– Вначале и я так думал, – спокойно ответил Раймар, – но, в конце концов, ко всему привыкаешь.

– Вот именно в том-то и несчастье, что ты привык! Что из тебя вышло, Эрнст? Подумать только, каким ты был прежде, когда мы с тобой только познакомились, и когда ты на всех парусах выходил в море жизни… чтобы причалить здесь к берегу.

– Или, вернее, потерпеть здесь крушение, – добавил Эрнст. – Но ведь не всякому суждено сделать такую карьеру, какую сделал майор Гартмут, читающий мне здесь нравоучения.

– Но, черт возьми, у тебя было все, что нужно для карьеры, – перебил его майор. – Я присутствовал на твоем первом испытании, когда ты, совсем еще юный, защищал свою

диссертацию, и понял, что уже тогда в тебе сказывался прирожденный оратор. И каким успехом увенчалось тогда твое первое официальное выступление!

– Оно оказалось и последним, – с грустью заключил Раймар. – Вскоре разразилась катастрофа. Ты ведь знаешь, что помешало моей карьере.

– Да, знаю, – банкротство твоего отца. Это была пренеприятная история, однако тебе не следовало так скоро складывать оружие. Ты должен был остаться на своем посту. Это было бы нелегко, но на карту было поставлено будущее.

– Мое будущее все равно навсегда было разбито. Можно бороться с изменившимися материальными обстоятельствами, но не с позором.

– При чем тут позор? Все отлично знали, что ты решительно ни в чем не виноват. Ты не имел никакого отношения к делам отца.

– Но я носил его имя, а это имя с тех пор было опозорено. Неужели ты думаешь, что у меня хватило бы смелости защищать честь и права других, в то время когда каждый имел право заявить мне прямо в лицо, что моя собственная честь запятнана, что мой отец – вор? Этому раз и навсегда надо было положить конец.

– Да, главная беда заключалась в том, что была обнаружена недостача доверенных ему денег, – вполголоса проговорил майор. – Банкротство – не позор, а вот злоупотребление доверием… Но ведь ты никогда не верил в виновность сво-

его отца.

– Нет! – последовал мрачный, но твердый ответ. – У него была крупная растрата, а в таких случаях человек быстро теряется, – продолжал Гартмут. – Он твердо верил, что успеет вернуть взятое, но катастрофа разразилась так внезапно.

– Да нет же! – перебил Эрнст. – Уходя из этого мира, он оставил мне несколько строк, а в такой путь не уходят с ложью на устах. Человек, обремененный долгами, не обращается к сыну с последней, отчаянной просьбой: «Спаси мою честь и память, если можешь!». А я не мог! – Раймар глубоко вздохнул и встал с места. – Оставим этот разговор. Но теперь ты видишь, Арнольд, что мне подрезало крылья. Я никому не смел тогда смотреть в глаза, да и теперь не смею, и мне во что бы то ни стало, надо было уехать из Берлина.

– Но почему же именно в Гейльсберг? На твоем месте я уехал бы куда глаза глядят – в африканские степи, в австралийские девственные леса или в другую, нуждающуюся в культуре страну, но только не в гейльсбергскую канцелярию!

– А моя мать? – серьезно возразил Раймар, – а Макс, который был тогда почти ребенком? Разве я мог заставить их терпеть нужду и вести непривычный им образ жизни, что непременно случилось бы, если бы я не остался с ними? Для меня не оставалось выбора, и я должен был еще радоваться, что устроился здесь.

– Но твои милые родные даже не были благодарны тебе

за это. Ведь твоя мамаша постоянно мучила тебя, оплакивая свою роскошную прежнюю жизнь. Она всегда предпочитала тебе своего любимчика Макса. Из него, во что бы то ни стало, надо было сделать великого художника, и ты должен был выделять на это средства. Она находила совершенно в порядке вещей, чтобы ты надрывался над работой ради нее, и ее возлюбленного Макса. Ну, да Бог с ней! Теперь ее уже нет на свете, а твой брат, благодаря Богу, окончил, наконец, курс. Надеюсь, что теперь ты навсегда развяжешься со всей этой глупой историей.

– С какой это историей? – с удивлением спросил Эрнст.

– Ну, с твоей достойной высшей похвалы канцелярщиной, со всеми ее писарями и актами. Или ты всю жизнь просидишь здесь, удостоверяя, что Гинце или Кунце продал десятину земли и тому подобные сногсшибательные факты? Теперь ты свободен; сбрось же с себя всю эту гейльсбергскую мертвечину и вперед, к новой жизни!

Раймар устало, безнадежно улыбнулся и спросил:

– Теперь? В мои-то годы? Слишком поздно!

– Глупости! – резко перебил его майор. – В твои годы! Разве ты уже старик в тридцать семь лет? Да посмотри на меня! Я на целых три года старше тебя, а кто посмеет назвать меня стариком?

Он встал и вытянулся перед своим другом. В его статной фигуре, действительно, не было и намека на старость, а в густых белокурых волосах не видно было ни одной серебряной

нити. Раймар посмотрел на него долгим, мрачным взглядом.

– Да, ты – совсем другое дело. Ты и душой, и телом всегда отдавался своему призванию, жил полной жизнью. А я целых десять лет должен был тратить все свои силы на удовлетворение будничных потребностей; в таких случаях для жизни уже ничего не остается.

– Эрнст, пожалуйста, не смотри на меня с таким самоотречением! – возмутился Гартмут. – Уж лучше злись на судьбу, сыгравшую с тобой такую скверную шутку! Я просто не могу выносить такую грустную мину и готов применить против нее силу.

К счастью, это обещание осталось не выполненным, так как в эту самую минуту из дома вышел молодой человек и, подойдя к собеседникам, с довольно сонным видом пожелал им доброго утра.

– Здравствуй, Макс, – обернулся к нему Раймар. – Наконец-то ты явился!

– Да, уже одиннадцать часов, – подтвердил майор. – Неужели молодой человек до сих пор валялся на перинах?

Макс пододвинул себе стул. Он был значительно моложе своего брата и поразительно хорош собой, что он, по-видимому, прекрасно и осознавал. Во внешности Макса, как и в его изысканном костюме, проглядывало что-то величавое, с оттенком театральности, но это шло ему. Во всяком случае, молодой человек был тем, что в гостиных принято называть «интересным мужчиной».

– Я так устал от вчерашнего путешествия! – произнес он. – Пришлось так долго ехать из Берлина по железной дороге, потом еще три часа в экипаже. Это до смерти утомительно, и мои нервы не выдержали.

– Ты привез с собой и свои нервы, Максль? – спросил Гартмут. – По-видимому, ты стал вполне современным человеком. Дай-ка посмотреть на тебя! Ты, действительно, малость поосунулся.

– Господин майор! – негодующим тоном остановил его молодой человек.

– Ты сердишься? Может быть, господина художника и восходящего Рафаэля уже нельзя называть по имени?

– Пожалуйста! – Макс слегка поклонился, – старому другу моего брата я охотно позволяю подобную фамильярность.

– Ты позволяешь? Сердечно рад этому и немедленно воспользуюсь столь милостивым разрешением. Но ты свалился к нам как снег на голову; чему же мы обязаны честью видеть тебя? Что-нибудь случилось?

– О, нет, решительно ничего особенного! Я только чувствую потребность в отдыхе. Ты, конечно, не поймешь этого, Эрнст. Благодари Бога, что ты можешь спокойно сидеть в своем тихом Гейльсберге, не зная столичной сутолоки. Эта ежедневная мучительная борьба за существование, эта вечная травля!

– Неужели и тебе от нее достается? – насмешливо спросил майор. – А я-то думал, что это – удел твоего брата!

– Я скоро перестану обременять собой Эрнста, – с оскорбленным видом произнес молодой человек. – Я надеюсь, что очень скоро сам стану на ноги.

– Давно бы пора, Макс! – серьезно, но без малейшего упрека в тоне заметил старший брат. – Шесть лет я оплачивал все твои расходы в Берлине, что мне порой было очень нелегко, – ты ведь тратил очень много. Но я хотел дать тебе возможность совершенствоваться на свободе. Теперь дорога перед тобой открыта. Покажи, на что ты способен.

– Если бы только не было такой массы специалистов по этой части! – самым прозаичным тоном возразил Макс. – Теперь все стремятся к искусству, и для отдельных талантов совсем не остается места. Притом эта вечная зависть при малейшем успехе, а главное – критика с вечными придирками. Вообще, жалкое существование!

– Так вот как ты восторгаешься своим искусством! – сказал Эрнст, сдвинув брови.

– Восторгаешься! – Макс принял трагичный вид. – О, как скоро разучиваешься восторгаться! Искусство, слава – это, в сущности, химера. Осознавать это страшно, но, несомненно, это так. У меня вообще нет больше идеалов – их поглотила жизнь. Мне иногда кажется, что я – потухший кратер.

– Очень красиво сказано! – иронически произнес майор. – «Потухший кратер»… Красивое выражение, но, спрашивается, было ли там чему выгорать? А ты, Эрнст, что скажешь о своем брате с душой вулкана?

– Мы с Максом уже давно перестали понимать друг друга, – холодно ответил Раймар. – Мне только хотелось бы знать, как он думает добиться самостоятельности с подобными взглядами.

– Это выяснится с течением времени. Я еще сам не вполне уяснил свои планы, но надеюсь скоро добиться этого. Ты ничего не имеешь против того, чтобы я провел здесь несколько недель?

– Родной дом всегда для тебя открыт, ты это прекрасно знаешь; но что ты будешь так долго делать в Гейльсберге? До сих пор ты каждый свой приезд сюда считал жертвой и по возможности сокращал его.

– На этот раз я ищу отдохновения, – пояснил молодой художник. – Кроме того, я надеюсь встретить здесь знакомых. Ты ведь бываешь в Гернсбахе у госпожи Мейендорф?

– Изредка и почти исключительно по делам, – последовал холодный ответ. – Я – ее поверенный.

– Это безразлично, мы должны на днях съездить туда. Я познакомился с этой дамой в Берлине, в доме ее родственников, которых она теперь ждет к себе в гости. Это Марлов с дочерью.

Эта новость, по-видимому, нисколько не интересовала нотариуса, а Гартмут задумчиво повторил:

– Марлов! Это глава банкирского дома в Берлине?

– Да, и при этом миллионер. Это старая, очень солидная фирма, пользующаяся большой известностью в финансовых

кругах. Я часто бывал в доме Марловых. Несколько лет тому назад скончался их сын, и теперь осталась одна единственная дочь, очень красивая девушка, за которой все сильно ухаживают как за единственной наследницей. Это – блестящая партия!

Раймар окинул брата удивленным, испытующим взглядом.

– Ты, по-видимому, собрал очень точные сведения, – начал он, но майор перебил его громким смехом и словами:

– Да помилуй, Эрнст! Неужели ты не понимаешь, что задумал гениальный Максль? Он хочет жениться на наследнице и продолжать борьбу за существование уже миллионером. Поэтому-то он и свалился сюда как снег на голову. И это-то он называет «становиться на ноги»!

– Я не понимаю, что вы находите во всем этом удивительного! – с оскорбленным видом заговорил Макс. – Я часто бывал в доме Марлова и вскоре по настоятельной просьбе его дочери начну писать ее портрет. Мне кажется, она ко мне неравнодушна, но в Берлине у них бывает столько титулованного и знатного народа, что трудно выделиться. Здесь же, в Гернсбахе, это гораздо легче; здесь можно очутиться на первом плане.

– Как ты ни красив, Максль, но ты вовсе не в моем вкусе, – сухо заметил майор. – Впрочем, о вкусах не спорят, и даже миллионерша может оказаться очень нетребовательной в некоторых отношениях.

Макс счел ниже своего достоинства отвечать на этот выпад и обратился к молчавшему до сих пор брату.

– Разумеется, мне нет ни малейшей надобности, скрывать от тебя свои желания и надежды, но это, конечно, останется между нами. Еще ничего не решено, но я думаю, что имею основание надеяться. Тогда мне больше не придется утруждать тебя – ты и так достаточно многим пожертвовал для меня.

– Я приносил тебе жертвы как будущему художнику, – остановил его Раймар, – но, судя по твоим словам, ты отвернешься от искусства, едва только женишься на миллионерше.

Молодой человек на мгновение смутился от этих резких слов, но тотчас же небрежно пожал плечами.

– Ты, кажется, упрекаешь меня в том, что я везде умею быть счастливым. Не обижайся на меня, Эрнст, но ты уже десять лет сидишь в Гейльсберге, а что могут знать в этом захолустье о свете и его требованиях? Ты знаешь свет по прошлым воспоминаниям, когда он еще сохранял романтический оттенок, а мы, дети настоящего, не тешимся больше иллюзиями. Мы видим жизнь такой, какова она есть на самом деле, и считаемся с этим; поэтому будущее принадлежит нам, а ты со своим будущим уже покончил.

С этими словами он встал, подошел к клумбе и, сорвав цветок, воткнул его в петлицу.

– Послушай, Эрнст, – вполголоса проговорил майор, не в

силах скрыть свое раздражение, – если ты позволишь этому глупому мальчишке читать тебе нравоучения и обращаться с тобой как с прадедушкой, то я сам скажу ему всю правду.

Раймар сделал отрицательный жест и также встал.

– Макс!

Молодой человек с удивлением оглянулся. Лицо брата было спокойным, но в его голосе слышались глубокая горечь и презрение.

– Желаю тебе осуществления всех твоих планов, но прошу оставить меня в покое и избавить от твоих мудрых поучений. Ты в первый раз позволил себе со мной такой тон, но я желаю, чтобы это был и последний; у себя в доме я его не потерплю. Ты, очевидно, совершенно позабыл, что именно удерживало меня в Гейльсберге. Я хотел избавить тебя и мать от нужды, старался открыть перед тобой широкую дорогу, навсегда закрытую для меня; теперь же, когда ты уже стоишь на этой дороге, ты начинаешь охотиться за богатой женой, к которой, по-видимому, не питаешь никаких чувств. Ты готов выбросить за борт и талант, и искусство, и все свое будущее, чтобы на деньги этой женщины купить то, что ты называешь наслаждением жизнью, – жизнь без труда, без цели и смысла, ленивое прозябание среди богатства, заработанного другими. Скажу тебе прямо, что все твои мудрые расчеты я нахожу жалкими и достойными презрения, да и тебя таким же!

– Аминь! И да будет тебе стыдно, Максль! – заключил

майор, следуя за своим другом, направившимся в дом.

Макс с удивлением смотрел им вслед, абсолютно не понимая, чего ему надо стыдиться. Однако мало-помалу он начал осознавать, что с ним, не признающим никаких авторитетов, поступили как со школьником, да вдобавок еще выбранили. Хотя он и был возмущен до глубины души, но и не думал об отъезде из Гейльсберга. Ему надо было, во что бы то ни стало остаться здесь, чтобы сблизиться с молодой миллионершей; следовательно, необходимость требовала подчиниться брату. Да, давно пора было освободиться от этой зависимости!

Между тем майор Гартмут, войдя в дом, дал полную волю своему гневу:

– Недурненький субъект вышел из Максля! Вот тебе и награда за все твои жертвы! Этот молодец до тонкости изучил современную манеру общения и трещит, как сорока, конечно, не понимая ни бельмеса. Кажется, сегодня ты впервые увидел его во всем великолепии.

Эрнст пожал плечами. Лицо его все еще сохраняло горькое и презрительное выражение.

– Макс лишь изредка и ненадолго приезжал сюда, – сказал он, – и всегда бывал настолько умен, что до известной степени церемонился со мной, пока нуждался во мне; теперь же он, по-видимому, находит это совершенно лишним.

– Да, миллион, которого он еще не получил, совсем затуманил ему голову, – насмешливо произнес Гартмут. – Жаль, что этот болван так поразительно красив! Но миллионерши

обычно не отличаются духовным богатством, и его глупость при совершении сделки, пожалуй, не будет принята в расчет. Во всяком случае, ты был еще слишком мягок; я бы совершенно иначе говорил с ним. Если он еще раз посмеет при мне упомянуть об «уже законченной карьере», то да хранит его Господь!

Раймар собирался что-то возразить, но в эту минуту открылась входная дверь, и в комнату влетел пожилой господин, второпях едва успевший поздороваться.

– Что же это значит, Эрнст? – с упреком воскликнул он. – Добрая половина города уже знает, что Макс здесь, а я только что узнал об этом от бургомистра; он слышал это от докторши, а той сказал аптекарь, видевший, как Макс проезжал по улице. Почему ты сразу же не послал его ко мне?

– Макс совсем неожиданно приехал вчера поздно вечером, – ответил Эрнст, – и, наверное, побывал бы сегодня у тебя, дядя Трейман.

Нотариус Трейман был маленьким подвижным старичком лет за шестьдесят, но еще живым и крепким, с седыми волосами и острыми серыми глазами.

– Мое почтение, господин майор! – обратился он к Гартмуту, с которым уже познакомился. – Ну, как вам нравится наш Гейльсберг? Интересен, не правда ли? Но вы еще не осмотрели важнейших достопримечательностей. Вы должны побывать в ратуше, где у нас целая коллекция исторических документов, оружия, орудий пыток, относящихся к процес-

сам о ведьмах. Мы восстановили целую камеру пыток, и вы непременно должны ее посмотреть.

– Благодарю, меня не тянет в камеру пыток, – сухо ответил майор. – Вот если бы вы нашли старинный монастырский подвал, конечно, не пустой – это было бы интересно.

– К сожалению, у нас такого нет. Но вы найдете недурное винцо в «Золотом льве»; там мы собираемся по вечерам на заседания исторического кружка. Приведи к нам своего друга, Эрнст!

– Извини меня, дядя, – отозвался Эрнст, – Арнольд приехал только третьего дня, и нам хотелось бы…

– Как, ты опять не придешь на заседание? Но ты уже два раза не был и потому сегодня мы непременно ждали тебя. Впрочем, ты не интересуешься ни историей, ни Гейльсбергом; Макс всегда больше тебя любил свою родину. Представьте себе, – с торжествующим видом обратился старик к майору, – он выставил в Берлине свои гейльсбергские этюды, и об этом писали газеты. Да, наш Макс большой талант и сделает честь своему имени. Но где же он?

– Ваш семейный гений сидит пока в саду, – ответил майор.

– Тогда я сейчас же пойду к нему. Итак, в семь часов в «Золотом льве»! Сперва доклады, а потом непринужденная беседа. Мы устроим Максу овацию за его гейльсбергские этюды; я уже обо всем условился с бургомистром.

С этими словами Трейман торопливо направился в сад. Гартмут с досадой посмотрел ему вслед.

– По-видимому, почтеннейший дядюшка продолжает дело, начатое твоей матушкой, – заметил он. – Та ведь вся предавалась обожанию своего гениального сына.

– Да, Макс пользуется расположением дядюшки, – ответил Эрнст.

– Что случилось?

Последние слова относились к появившемуся из канцелярии писарю. Тот монотонным голосом стал докладывать:

– Господин нотариус, пришли Антон Лехнер и Иоганн Обермайер и хотят заключить договор относительно участка земли. А в двенадцать часов придет аптекарь относительно наследства…

– Хорошо, я знаю, – устало проговорил Эрнст. – До свиданья, Арнольд!

– И он выдерживает такую жизнь изо дня в день! – сердито проворчал майор, поднимаясь по лестнице. – Земляные участки, наследство аптекаря… Удивительно, как Эрнст не помешался!

2

Гейльсберг был настолько старым городком, что мог даже похвалиться некоторым историческим прошлым. В средние века он играл значительную роль в междоусобицах аристократических родов. Уцелевшие городские укрепления, ратуша и несколько частных домов относились к давно прошедшим временам, а на ближайшем холме виднелись развалины древнего графского замка. Все это было забыто неблагодарными современниками, так как Гейльсберг лежал в стороне от всех путей сообщения. Красивая местность не привлекала приезжих, и городок наслаждался идиллическим покоем и уединением, очень редкими в наши дни. Однако с этим уединением гейльсбергцы никак не могли примириться; оно казалось им тем более обидным, что Нейштадт, где была железнодорожная станция, давно опередил Гейльсберг. Там в непосредственной близости находились Штейнфельдские шахты, которые приносили городу огромные выгоды.

Это крупное коммерческое предприятие за несколько лет достигло таких размеров и такого значения, каких другому не добиться и за десятки лет. К услугам владельца предприятия были и средства, и влияние, обеспечивавшие результаты его трудов. Феликс Рональд играл видную роль в финансовых кругах и считался одним из крайне смелых, но и гениальных спекулянтов. Десять лет тому назад он занимал

незначительное место в банкирской конторе, потом, благодаря удачной игре на бирже, приобрел небольшое состояние, а затем организовал предприятия, очень быстро достигшие огромных размеров. Его успехи оправдали пословицу: не рискуя – не выиграешь. По-видимому, Рональд обладал секретом притягивать к себе счастье и успех. Они никогда не изменяли ему, хотя он иногда отчаянно рисковал. Теперь с его влиянием считались не только биржа и пресса, но даже и правительство. Он умел все использовать для своих целей и с изумительной энергией лично руководил своими предприятиями.

На Штейнфельдском заводе дело велось на широкую ногу. Нейштадт вскоре стал предместьем Штейнфельдской колонии, но некоторые служащие и рабочие, которых было огромное множество, жили в городе, другие – постоянно в нем бывали. Находясь на железнодорожной линии, Нейштадт играл важную роль в провинции. Об этом все говорили, и все это знали, а про Гейльсберг знали только, что он существует, и то лишь его ближайшие соседи, а между тем это ведь был исторический город!

Вокруг него можно было встретить в основном крестьянские фермы. Единственным настоящим господским поместьем был Гернсбах, находившийся на расстоянии часа езды от города. Это имение принадлежало вдове фон Мейендорф, жившей там со своей маленькой дочерью в огромном, несколько старомодном, уютном доме, к которому прилегал

большой тенистый парк, вся же земля была отдана в аренду.

В одно солнечное майское утро на террасе помещичьего дома за завтраком сидели две дамы, а девочка лет семи играла тут же в мячик, прыгая по каменным ступеням лестницы.

– А я уже боялась, что ты не приедешь сюда, – сказала старшая из дам. – Ведь, в сущности, что я могу предложить тебе, избалованной принцессе, в тиши и уединении деревенской жизни?

– Ты не можешь представить себе, Вильма, как благотворно действует на меня эта тишина! – возразила младшая. – Если бы ты знала, чего мы только не проделали в этот сезон! Это просто выше человеческих сил!

– Да, я не выдержала бы этой вечной сутолоки, – заявила Вильма. – Ты-то, конечно, уже привыкла к этому, Эдита. После смерти матери ты взяла на себя обязанности хозяйки и с шестнадцати лет отлично справлялась с такой тяжелой задачей.

– Этому можно научиться, но все-таки это очень утомительно. Лица все новые, а люди одни и те же, одни и те же разговоры, одни и те же комплименты! Редко встретишь человека, с которым стоит поговорить, да и то интерес быстро пропадает, потому что и он оказывается похожим на остальных.

Этот суровый приговор был произнесен устами красивой двадцатилетней девушки с правильными, немного холодными чертами лица и умными карими глазами. Выдающей-

ся чертой ее внешности было холодное, немного надменное спокойствие с оттенком снисходительности ко всему, что она считала недостойным ее. На ней был светлый пеньюар, темные волосы были причесаны просто, но даже и в этой непринужденной обстановке Эдита Марлов сохраняла вид настоящей светской дамы.

Вильме фон Мейендорф было уже около тридцати лет, но выглядела она очень моложаво. Ее фигурка с белокурыми волосами не отличалась красотой, но в мягких чертах и ясных глазках была какая-то особенная прелесть.

– Ты здесь очень удобно устроилась, – сказала Эдита. – Гернсбах – хорошенькое летнее местечко; но как ты можешь выдержать здесь целый год?

– Я ведь каждый год бываю в Берлине, – возразила Вильма.

– Всего на полтора-два месяца, а потом сидишь здесь в снегу и одиночестве. Для чего это? Твои средства позволяют тебе проводить каждую зиму в Берлине. Папа думает, что тебе следовало бы снова выйти замуж. Ты ведь уже пять лет как вдова, и за тобой многие ухаживали, только ты никогда не допускаешь никаких признаний и предложений.

– Потому что я всегда сомневаюсь в том, делают ли предложение мне лично или же Гернсбаху.

– Вероятно, обоим! В наше время нельзя поступать иначе. Да и твои родители также руководствовались расчетом, выбрав тебе в супруги Мейендорфа. Сам он не был расчетли-

вым, так как состояние принадлежало ему, но разве ты была особенно счастлива с ним, женившимся на тебе ради тебя самой?

Вильма ничего не ответила. Действительно, ее короткий брак был не из счастливых. Грубый помещик оказался деспотичным супругом. Он проводил время за вином и картами и, когда прошел влюбленный пыл, совершенно не заботился о жене и ребенке. Молодая женщина переносила все молча, без жалоб, но это не осталось тайной для ее родных, и воспоминание о супружеской жизни всегда заставляло ее страдать.

Эдита заметила это и переменила разговор:

– Прости, я не хотела огорчать тебя, но ведь тебе всего двадцать восемь лет, и ты имеешь право на жизнь и счастье.

– Разве я могу дать моей Лизбете отчима, который не будет любить ее и которому она, может быть, встанет поперек дороги со своими правами на Гернсбах? – взволнованно проговорила Вильма. – Да ни за что на свете! Но я знаю, что твой отец желает мне добра. Значит, он приедет послезавтра?

– Да, а пока он поехал с Рональдом в Штейнфельд, разумеется, по делам. Предприятие Рональда должно превратиться в акционерное общество, и папа берет на себя финансовую сторону. Рональд, может быть, тоже заедет в Гернсбах; по крайней мере, он так говорил перед отъездом. Он нанесет тебе визит.

– Мне? – улыбнулась молодая женщина. – Нет, Эдита, я

не настолько тщеславна, чтобы поверить, что человек, занимающий такое видное положение и не имеющий свободной минуты, захочет навестить меня в моем скромном уголке. Зато ты здесь, и это меняет дело.

– Папа уже намекнул тебе? – спросила Эдита.

– Нет, но я сама видела, как Рональд относится к тебе, да и дядя, по-видимому, влюблен в него.

– Он ценит его энергию и трудоспособность и считает его гениальным человеком с блестящим будущим. До сих пор Рональд был только смелым и счастливым спекулянтом, но, может быть, его можно побудить добиться больших успехов.

– И этим рычагом будешь ты? – поддразнила ее Вильма. – Я думаю, дядя очень желает этого брака.

– Но тут главное дело *в моем* желании. В этом отношении я не позволю ничего себе предписывать, и отец знает это. Впрочем, Рональд еще не объяснялся, по крайней мере, со мной.

– А он действительно такой «Крез»? – спросила Вильма. – Говорят, у него невесть сколько миллионов?

– Неужели ты думаешь, что это может повлиять на мое решение? Я вовсе не хочу быть женой только богатого человека. Тот, имя которого я буду носить, должен быть выше толпы и меня вознести на ту же высоту. Рональд стал величиной, перед которой преклоняются; пожалуй, стоит разделить его судьбу.

– А любишь ли ты его? – наивно спросила Вильма.

– Мы до сих пор не были знакомы, – спокойно ответила Эдита. – У такого человека, как Рональд, нет времени для ухаживанья, но вместе с общностью интересов появится и привязанность; это часто бывает в супружестве.

– Нет, этого может и не случиться, – тихо проговорила Вильма. – Люди могут остаться чужими друг другу, и эта отчужденность может все возрастать. Если бы у меня не было моей девочки… Лизбета, поди ко мне!

На ее зов прибежала веселая розовая малютка с такими же светлыми глазами, как у матери, и бросилась в ее объятия.

– Видишь, Эдита, у меня не было недостатка в любви: моя ненаглядная шалунья заменила мне решительно все!

Девочка отвечала матери бурными ласками.

– Ты портишь ребенка чрезмерной нежностью, – сказала Эдита с упреком. – Я только здесь познакомилась с этой резвушкой; в Берлине она всегда казалась робкой и застенчивой. Это происходит от воспитания в уединении. Лизбета никого не видит, кроме тебя. Что будет с ней, когда она вступит в жизнь? Ну, а теперь я переоденусь и пойду погулять в лес. До свиданья!

Она встала, холодно-приветливо поцеловала ребенка и вышла из комнаты. Маленькая Лизбета с благоговением прослушала прочтенную ее матери нотацию. Красивой важной тети она серьезно побаивалась и самым почтительным тоном спросила:

– Мама, тетя Эдита очень умная?

Вильма рассмеялась свежим, почти детским смехом и, обняв белокурую головку, крепко поцеловала ее.

– Да, Лизбета, – ответила она, – тетя гораздо умнее нас с тобой, но от этого ума становится холодно. Тебе незачем быть такой холодно-умной, да и мама у тебя не такая.

3

Окрестности Гейльсберга не могли похвалиться живописностью, но зато лес в этой местности поражал своей редкой красотой. Этот великолепный старый сосновый бор тянулся на много верст, и в его тихой глуши легко можно было заблудиться.

Был ясный майский день; под большими елями царили прохлада и тишина, а на густом мшистом ковре еще блестела утренняя роса, когда Эдита Марлов шла по узкой тропинке. Для нее было совсем новым ощущением идти одной по пустынному лесу. Лето она обычно проводила на море или на курортах, где ее всегда окружала целая толпа, и теперь эта лесная тишь приятно удивила ее прелестью новизны и влекла все дальше и дальше.

Тропинка вдруг окончилась у низкой, полуразрушенной каменной ограды, за которой опять расстилалась зеленая глушь. Молодая девушка остановилась в изумлении; за оградой не было видно ни дома, ни какой-либо постройки; небольшой участок земли был со всех сторон обнесен оградой с железными воротами, едва державшимися на проржавленных петлях. Слегка толкнув калитку, Эдита проникла внутрь ограды и очутилась на маленьком заброшенном кладбище. Густая трава покрывала низкие могильные холмики, а над ними возвышались могучие темные ели, и разросся це-

лый лес сирени и бузины. Простые деревянные кресты давно упали и сгнили, железные покрылись ржавчиной, и лишь каменные плиты смеялись над временем и бренностью всего земного. Дальше под елями виднелась обвалившаяся каменная стена, прежде принадлежавшая, очевидно, часовне.

Подойдя к ней, Эдита вдруг поняла, что на кладбище она не одна. У стены стоял высокий мужчина, внимательно разглядывавший какую-то надпись и теперь обернувшийся на звук шагов. Он казался сильно удивленным, но, увидев девушку, слегка приподнял шляпу и отошел в сторону, чтобы дать ей дорогу. Поблагодарив его легким поклоном, Эдита хотела пройти мимо, но ее платье зацепилось за колючий куст ежевики, а сделанное нею при этом нетерпеливое движение еще больше запутало юбку. Незнакомец вежливо предложил свои услуги, но прошло несколько минут, прежде чем ему удалось справиться с ежевикой.

– Благодарю вас, – сказала девушка своим обычным холодным и снисходительным тоном, но все-таки сочла необходимым прибавить несколько слов. – Какое странное место это уединенное кладбище в самой глубине леса!

– Да, но красивое место! Сюда не долетает ни один звук повседневной жизни, ничто не нарушает святого покоя усопших.

Эдита с удивлением взглянула на говорившего. Ее поразили и сами слова, и грустный голос незнакомца, и она внимательно пригляделась к нему. Он был средних лет, благо-

родной внешности, высокий и стройный, с серьезными темными глазами и грустным взглядом. Его поклон и манера, с какой он оказал ей маленькую услугу, свидетельствовали о его принадлежности к высшему обществу. В душе девушки невольно шевельнулось легкое любопытство.

– Я совсем нечаянно забрела сюда, гуляя, – сказала она, – вероятно, и вы также?

– Нет, я направляюсь в Штейнфельд, но хотел избежать езды по пыльному шоссе, и послал экипаж вперед. Эта лесная тропинка так красива, что соблазнила меня, – просто ответил он.

Присутствие незнакомца объясняло близость Штейнфельда. Тамошние заводы повсюду имели связи и поддерживали постоянные отношения с Берлином.

Однако если Эдита и была в недоумении относительно личности своего собеседника, то Эрнст Раймар давно понял, с кем свел его случай. Хотя на молодой девушке и были совсем простое летнее платье и скромная соломенная шляпа, тем не менее, вся ее внешность ясно указывала, к какому обществу она принадлежала. В окрестностях Гейльсберга не встречались подобные личности; это могла быть только гостья Мейендорф.

При других обстоятельствах молчаливый и сдержанный Эрнст, наверное, прекратил бы разговор и удалился бы; на этот раз он остался. Ему хотелось поближе познакомиться с девушкой, представляющей цель смелых планов его брата.

Бесспорно, она была красива, но действительно ли он имел основание надеяться? Надо было непременно выяснить этот вопрос.

– Это очень старое кладбище, – начал он. – Но кое-где на надгробных камнях можно еще различить даты. Это остаток исторического прошлого, которым гордится Гейльсберг.

– Гейльсберг? Но ведь вы родом не из этого провинциального городка?

В вопросе слышались недоверие и удивление.

– Нет, я – уроженец Берлина.

– Ну, конечно! – Полученный ответ, по-видимому, удовлетворил молодую девушку, и она продолжала слегка насмешливым тоном:

– Гейльсберг – давно забытая достопримечательность, но теперь в Берлине, по крайней мере, хоть знают о его существовании. Несколько месяцев тому назад на одной выставке появились прелестные акварели: ратуша в Гейльсберге, древние городские ворота и несколько других сюжетов.

– Работы Макса Раймара?

– Да! А вы его знаете?

– Он в настоящее время в Гейльсберге, а я еду оттуда. Кажется, на будущее этого молодого человека возлагают большие надежды – в нем признают талант.

– У него несомненный талант, и надо надеяться, что с его помощью Раймар завоюет себе будущее. Но когда молодому художнику в течение многих лет самому приходится проби-

вать себе дорогу, трудиться, не покладая рук, чтобы заплатить за свою учебу, бороться с неприязненным отношением семьи, с несправедливостью и угнетением, – то это, разумеется, сильно тормозит развитие его таланта.

– Угнетение? Неприязненное отношение? – переспросил Раймар. – Но ведь этому молодому человеку были предоставлены средства для поддержания и поощрения его таланта. По крайней мере, я так слышал.

– До вас дошли ложные слухи, – уверенно возразила Эдита. – Я лично слышала от самого Раймара, чего ему стоило вырваться из семьи, не имевшей ни малейшего понятия об искусстве и призвании художника, и желавшей во что бы то ни стало удержать его в своем мещанском кругу. Твердость его характера доказывается уже тем, что он имел мужество разорвать эти оковы и вступить в борьбу со всеми неприятностями жизни, чтобы, встав на ноги, всецело отдаться своему призванию.

На губах Эрнста промелькнула горькая усмешка – он, наконец, понял, каким способом его брат «заинтересовывал» берлинское общество. Борющийся с жизнью гений, разбивающий недостойные оковы, чтобы собственным трудом завоевать себе будущее, возбуждает общий интерес и даже восхищение. Очевидно, Макс понял даму своего сердца, и его маневр удался как нельзя лучше; это доказывала ее горячая защита.

– Этого я, действительно, не знал, – медленно проговорил

Раймар. – Я слышал только, что у молодого художника есть брат, отчасти и воспитавший его. Вероятно, этот-то брат и был «преградой» на его пути?

– Вероятно! Это старый, сухой холостяк, совершенно не понимающий жизни, живущий в Гейльсберге и собирающийся там же умереть; если не ошибаюсь, он работает там нотариусом. От него нельзя и ожидать, чтобы он понял высокие побуждения. Действительно, в таком местечке можно почувствовать себя заживо погребенным!

– Заживо погребенным? Совершенно верно! Там человек умирает для жизни и света!

Девушка снова окинула говорившего удивленным взглядом. Его слова подтверждали только что сказанное нею, но в них чувствовалось глухое раздражение, а в темных глазах вспыхнуло что-то, похожее на угрозу. Всякая другая девушка нашла бы это неприятным, но Эдите это показалось заманчивым. Этот человек интересовал ее. В его манере держаться и во всем его облике было что-то, придававшее самому обычному разговору характер чего-то из ряда вон выходящего. Или, может быть, окружающая обстановка отнимала у разговора всякий будничный оттенок?

Старый лес молчал; высокие ели сплошной, стеной окружали кладбище, словно хотели скрыть эту всеми забытую Божью ниву; но на высокой траве и на могильных холмиках играли веселые лучи солнца. В воздухе носились пестрые бабочки; около цветов и кустарников жужжали дикие пчелы,

и все кладбище казалось одним цветущим садом. От прежней часовенки остались лишь наружные стены; древний каменный памятник, вделанный в стену и уцелевший от разрушения, весь оброс мхом и потрескался, но на нем еще можно было различить крест и надпись. По некоторым уцелевшим буквам можно было понять, что здесь было высечено какое-то библейское изречение. На темно-сером камне было ясно видно только одно слово: «Пробуждение».

Среди царившей тишины вдруг раздалась громкая песня дрозда. В ней слышались радостное ликование, наслаждение ясным майским днем. Эдита не двигалась с места, внимая никогда не слышанным ею звукам. Песня дрозда звучала в тишине и уединении, а ни того, ни другого никогда не было в ее блестящей, шумной жизни. Настоящее казалось ей какой-то сказкой.

Наступила короткая пауза. Эдита чувствовала, что незнакомец не отрывал от нее взгляда, и поспешила прервать тяжелое молчание небрежно брошенным вопросом:

– Вы и раньше знали о существовании этого кладбища?

– Разумеется, – спокойно ответил он. – Я пытался разобрать вот ту старую надпись, но это оказалось невозможным. Я смог прочесть только одно слово.

Эдита невольно посмотрела в указанном направлении.

– «Пробуждение», – вполголоса прочла она. – Это многозначащее слово.

– Для мертвых – разумеется! – мрачно добавил Раймар.

– Не только для мертвых! Ведь тот, кто жив, должен постоянно бодрствовать.

– Но есть много людей, стоящих вне жизни, как например те, кого судьба забросила в такое «забытое Богом» место, как Гейльсберг.

– Я говорю о людях, которые хотят оставить след и быть кем-нибудь в жизни, – перебила его Эдита, – остальные в счет не идут.

– Совершенно верно, они не идут в счет. Но воля не всегда всемогуща, и не каждый достигает намеченной цели. Вы, может быть, стоите на высоте и видите оттуда лишь победителей, а не побежденных в борьбе. Мрак поглощает их, и они гибнут.

– Пусть, кто хочет, мирится с подобной судьбой, – гордо подняв красивую голову, произнесла Эдита. – Я ведь говорю о тех, которые умеют или победить в жизненной борьбе, или пасть в ней. Но кто робко покидает поле битвы до выяснения окончательного результата, тот – трус!

Раймар слегка вздрогнул, как будто позорное слово относилось именно к нему, и взглянул на девушку с упреком.

– Вы судите слишком сурово, – вполголоса произнес он.

– Я сужу по своему собственному чувству, а оно говорит мне, как бы я поступила, если бы была мужчиной. Энергичная воля всегда сумеет проложить себе путь в жизни. Вы идете в Штейнфельд; вот там вы увидите пример того, на что способна подобная воля.

– Вы говорите о Феликсе Рональде?

– Разумеется! Теперь это имя у всех на языке, благодаря его головокружительному обогащению и таким невероятным успехам.

– Да, о таком безграничном счастье у нас действительно никто не слышал.

– Здесь дело не только в поразительном счастье, – возразила Эдита, раздраженная тоном собеседника, в котором сквозило презрение. – Рональд был беден, не имел никаких связей и своим успехом обязан исключительно своей неустанной энергии. Разумеется, для этого надо быть не только энергичным, но и гениально одаренным человеком.

– Или же… – начал Раймар, но вдруг круто оборвал свою речь и плотно сжал губы, словно испугавшись, что и без того сказал слишком много.

– Что «или»? Почему вы не продолжаете?

– Извините меня, но мы уже перешли на личные интересы. Вы лучше меня знаете господина Рональда, восхищаетесь им и его успехами, и у меня нет ни права, ни желания навязывать вам свои суждения, да они и не могут интересовать вас, так как мы совершенно не знаем друг друга.

Теперь Эрнст снова говорил с той же вежливой и холодной сдержанностью, как и в начале их встречи, и это рассердило Эдиту; под его недомолвками она почувствовала что-то оскорбительное.

Слова незнакомца о человеке, искавшем ее руки, оскор-

били ее, но в то же время имели какую-то особенную прелесть.

– Вы – противник Рональда? – спросила она. – Может быть, даже… враг?

Эрнст заметил презрительную усмешку на губах девушки и прочел на ее лице убеждение в том, что он не посмеет объявить себя врагом человека, которого многие считали всесильным. Это положило конец его колебаниям. Он выпрямился, и твердо и решительно произнес:

– Да!

Эдита с удивлением взглянула на человека, с каждой минутой становившегося для нее все более загадочным. Теперь он уже казался ей совсем другим; но это «да» относилось к человеку, имя которого она собиралась носить, и потому она почувствовала себя задетой.

– Очень откровенное признание! – сказала она холодно с тем высокомерием, которым всегда пользовалась, когда хотела поставить кого-либо в рамки приличия. – Но у человека, занимающего такое положение, как Рональд, всегда найдутся враги и противники, и против открытой, честной вражды нельзя и протестовать; однако большей частью вражда возникает по другим причинам: человеку не могут простить, что он вышел победителем из борьбы, в которой гибнут другие, исчезая во мраке неизвестности. Конечно, зависть…

– Эти слова должны относиться ко мне? – с негодованием

спросил Раймар. – В таком случае заявляю, что они несправедливы. Вы не имеете ни малейшего права обвинять в низости и подлости незнакомого человека, побудительных причин которого вы не знаете, обвинять только за то, что он назвал себя врагом другого! У меня есть основание так говорить. И что знаете вы о борьбе за существование? Вы всегда были далеки от нее. Кто счастлив и свободен, тому легко судить других, которые не смогли бороться потому, что у них были связаны руки. Сперва научитесь понимать, что значит «судьба», выпадающая на долю человека и делающая его бессильным против врагов, а потом уж судите!

Эдита словно окаменела от этого резкого отпора. Кто же был этот незнакомец, говоривший о жизни так мрачно, словно его личная жизнь уже давно была прожита? Теперь в его усталых глазах засверкали молнии, и он заговорил языком, какого избалованная девушка никогда не слышала от своих поклонников. И странно: несмотря на испытываемое нею негодование, она не могла заглушить в душе что-то, похожее на восхищение. Однако гнев быстро взял верх над прочими чувствами.

– Я нахожу, что нам лучше прекратить этот разговор – он завел нас слишком далеко, – ледяным тоном произнесла она, уничтожающим взглядом окидывая своего собеседника, но его темные глаза спокойно выдержали этот взгляд и продолжали по-прежнему сверкать.

После минутного молчания Эдита едва заметно кивнула

головой и с видом разгневанной королевы направилась к выходу.

Раймар не тронулся с места. Когда она исчезла в лесу, он глубоко вздохнул и провел рукой по лбу. Только теперь он опомнился и понял, что зашел слишком далеко.

Так вот какова была благодарность брата, для которого он принес столько жертв! Вот каким он был в глазах девушки, к богатству которой стремился Макс! «Старый, сухой холостяк, которому недоступны высшие побуждения и который желал, во что бы то ни стало, удержать молодого художника в мещанском кругу!» Еще вчера Эрнст отнесся бы к подобному известию с горькой усмешкой, теперь же он крепко стиснул зубы и глядел вслед молодой девушке, грозно нахмурившись.

– Между ней и Рональдом что-то есть! – пробормотал он. – За посторонних так горячо не заступаются. Впрочем, какое мне до этого дело? Если я осмелюсь сделать то, что должен сделать всякий человек, дорожащий незапятнанным именем, на меня накинутся со всех сторон. Кто-нибудь должен заговорить первым, и так как на это нет охотников, – он выпрямился, словно сбрасывая с плеч давнишний груз, – то я покажу, что я – не трус, который «гибнет во мраке». Вопрос решен, а там – будь, что будет!

В ту минуту как Раймар собирался уходить, снова прозвучал веселый призыв дрозда, вылетевшего из развалин и понесшегося в тенистый лес. На маленьком кладбище снова во-

царилась тишина, и солнечные лучи по-прежнему обливали горячим золотом старую, выветрившуюся от непогоды плиту с многозначительной надписью: «Пробуждение».

4

Нотариус Трейман в Гейльсберге был самой популярной личностью. Уже давно сложив с себя свои обязанности, он все еще продолжал играть видную роль в городе. Старик скопил себе небольшое состояние и, будучи холостяком, жил теперь в свое удовольствие на попечении старой экономки.

Добродушие Треймана и готовность услужить всем и каждому снискали ему всеобщую любовь. Но эти похвальные качества мгновенно изменяли ему, как только кому-либо приходило в голову недостаточно почтительно отозваться о Гейльсберге. Нотариус любил свой родной город и скорее готов был простить личную обиду, чем дурной отзыв о нем.

Когда в семью его сестры пришло горе, Трейман сделал все, что было в его силах. Он сразу увез сестру из Берлина в Гейльсберг вместе с ее младшим сыном Максом, а старшего племянника Эрнста оставил там закончить необходимые дела, связанные с их разорением. Это была очень трудная задача для молодого человека, и он, примирившись с мыслью о полном крахе отца, приложил все усилия к тому, чтобы спасти его честное имя. Не меньше труда представляла для него и другая задача – создание более или менее сносного существования для матери и брата.

В последнем Эрнсту пришел на помощь дядя Трейман. Он передал ему должность нотариуса в Гейльсберге, посвя-

тив его при этом во все тонкости своих обязанностей. Старый нотариус и не подумал о том, что молодой юрист, мечтавший о блестящей карьере адвоката, смотрел на свое новое положение как на умственную смерть. Поэтому, заметив пренебрежительное отношение Эрнста к своему новому образу жизни в Гейльсберге и постоянно видя его мрачным и необщительным, Трейман счел его неблагодарным и недостойным его любви. Эрнсту ведь доставили спокойное и обеспеченное положение, чего же ему еще надо было?

Тогда Трейман перенес свою любовь на младшего племянника, балуя его при этом не меньше своей сестры. Он возлагал на него огромные надежды и считал его будущей знаменитостью.

Максу, конечно, это было весьма по душе, и в качестве «наследника» он все чаще и чаще злоупотреблял щедростью дядюшки. Ввиду этого он старался, во что бы то ни стало сохранить благорасположение старика.

Эрнст уехал на два дня в Нейштадт, и Трейман счел своим долгом показать его другу Гартмуту все достопримечательности Гейльсберга. Он таскал майора по всему городу и как председатель исторического общества повсюду давал необходимые объяснения. Поднялись они и на крепостной курган, где находились развалины замка. Трейман до мелочей знал всю родословную графского семейства и, рассказывая ее, так углубился в средние века, что не знал, как и выпутаться из них. Тогда он закончил, сделав торжественный

жест рукой:

– Да, мы стоим здесь на историческом месте! Каждый камень, каждый клочок земли в Гейльсберге повествуют о великом прошлом! Вот именно это и возвышает его над другими городами провинции. У нас история…

– А в Нейштадте – железная дорога, – словно поддразнивая Треймана, перебил его майор, – и к тому же штейнфельдские заводы дают ему немалые преимущества над Гейльсбергом. Хорошенький город!

– Вы такого мнения о Нейштадте? – раздраженно заметил старик. – Ну, а восемь лет тому назад там было лишь жалкое местечко, вовсе и не заслуживающее названия города. Но тут всемогущему Рональду пришло в голову построить там свои заводы и провести железную дорогу. Да и теперь там одни рабочие, везде угольная пыль, постоянный шум машин и вечно серые будни. Вот что представляет собой Нейштадт!

Гартмут улыбнулся. Он знал, что жители Нейштадта высмеивали «исторических гейльсбергцев», а те презирали «современный Вавилон», как они прозвали соседний город за его быстрый рост. Между тем нотариус продолжал:

– Эрнст опять уехал туда «по делам»! Хотелось бы мне знать, что это за дела! У них ведь там свои нотариусы и свои судебные власти. Скоро у этих господ нейштадтцев будут и свои законы. Но от Эрнста не добьешься ни одного слова.

– Вероятно, это частные дела, а, может быть, и служебная тайна. Он ведь сегодня вернется. А вы читали в газетах, что

Рональда со дня на день ожидают на заводах?

– Разумеется, читал. Газеты сообщают об этом, словно речь идет о приезде какого-то знатного князя. Да и он сам ведет себя здесь как настоящий набоб[2]. Неделями приходится, например, добиваться у него всемилостивейшей аудиенции и по целым часам высиживать в его приемной, чтобы затем быть попросту выгнанным вон. Меня он тоже раз выгнал!

– Да как же он мог сделать это? – изумленно спросил майор.

– Это случилось в прошлом году и произошло из-за Гейльсберга. Видите ли, в нашей земле, несомненно, находится много исторических сокровищ. Следовало бы произвести раскопки, а у нас нет денег. Тогда у меня появилась мысль обратиться к Рональду, для которого необходимая нам сумма ничего не составляет. Я попытался, было убедить его, что этим он мог бы принести много пользы обществу и науке, но он не дал мне и слова выговорить.

– Могу себе представить! – сухо заметил Гартмут.

– Он коротко заявил мне, что у него попросту нет денег для подобных глупостей. Для него любая торфяная яма стоит выше всей исторической почвы Гейльсберга, и через десять лет Нейштадт будет большим промышленным городом, а Гейльсберг останется все тем же жалким городишкой. Да, да, он посмел сказать мне это! – Старик чуть не задыхался

---

[2] Набоб – титул индийской знати; богач, жизнь которого отличается восточной пышностью.

от сильного волнения. – А ведь десять лет тому назад он был лишь простым конторщиком у Раймара. Вы знаете это?

– Да, знаю, – равнодушно ответил майор. – Ведь там я и познакомился с ним, но с тех пор не видел его ни разу. Покойный Раймар очень высоко ценил коммерческий талант Рональда, хотя, конечно, никогда не ожидал, что тот сделает такую карьеру.

– Мошенническую карьеру, – презрительно поддакнул Трейман. – Честным путем не добудешь из земли миллионов и не создашь в течение нескольких лет десятка предприятий, каждому из которых необходимо посвятить целую жизнь. Ах, чего только не шепчут о нем повсюду! Вся эта история добром не кончится. Я уже не раз предупреждал об этом Эрнста, но это его нисколько не интересует. Да, впрочем, Эрнста и вообще ничего больше не интересует.

Майор вдруг вздрогнул и перегнулся через перила, возле которых они стояли. Снизу послышался детский крик. Гартмут шагнул через перила и скрылся в кустах обрыва.

– Держись крепче! Я сейчас приду, – раздался оттуда его голос, а через несколько минут он снова появился с маленькой девочкой на руках. Донеся ее до развалин, он поставил ее на ноги и проговорил: – А ведь это могло скверно окончиться! Ты ушиблась?

Малютка была бледной от испуга, но не плакала, а только внимательно осматривала руку, на которой виднелась большая царапина. Она взглянула на майора и храбро прогово-

рила:

– Мне вовсе не больно.

– Молодец, девочка! – похвалил майор. – Ну, покажи-ка! Да, это – простая царапина, о которой и говорить не стоит.

Он вынул носовой платок и вытер им несколько капель крови, выступивших на руке малютки. В это время к ним подошел Трейман и удивленно воскликнул:

– Да это Лизочка из Гернсбаха! Как ты туда попала?

– Я хотела взобраться вот сюда, – ответила девочка, указывая рукой на крутой обрыв, – а камни упали, и я вместе с ними…

– И повисла на кусте сирени, за который, к счастью, и удержалась, – добавил Гартмут, все еще возясь с ее рукой.

Однако девочка вырвалась от него и с громким криком: «Мама, мама!» побежала навстречу даме, показавшейся на горе. Дама задыхалась и едва держалась на ногах от волнения; она порывисто прижала девочку к своей груди.

– Успокойтесь, пожалуйста, ничего не случилось, – старался утешить ее нотариус.

Следовавшая за ней дама тоже вполголоса уговаривала ее:

– Успокойся, Вильма! Мы ведь еще снизу видели, как вот этот господин подхватил Лизбету…

– Майор Гартмут, – представил майора Трейман. – К счастью, он был поблизости, когда малютка сорвалась и упала.

Молодая женщина молча протянула руку спасителю ребенка.

– Что вы, об этом не стоит и говорить! – отклонил Гартмут ее немую благодарность. – Да и сама малютка проявила столько мужества, не выпустив из рук куста, на котором повисла.

Это заявление заметно успокоило Вильму; она познакомила обоих мужчин со своей кузиной Эдитой Марлов и пояснила, что шла сюда с ней, чтобы показать крепостной курган.

При слове «Марлов» майор насторожился, а Трейман почтительно раскланялся; услышав, что она желает познакомиться с историей старого замка, он быстро вернулся к своей любимой теме средневековья и повел Эдиту осматривать развалины.

Между тем Вильма устало опустилась на каменную скамью; майор предпочел присоединиться к ее обществу и вступил в милую беседу, так что, когда Эдита со своим гидом снова вернулась к ним, они уже успели стать добрыми друзьями.

Дамы стали прощаться. Гартмут, разумеется, получил приглашение побывать в Гернсбахе. Такое же приглашение в качестве старого друга дома получил и Трейман.

Кузины с девочкой направились тропинкой в лес, где оставили свой экипаж, а мужчины возвратились в город.

– Так, значит, это – молодая миллионерша? – спросил Трейман, весьма довольный этой встречей. – У Марлова тоже миллионы, но под ними уже более солидная почва, чем

под Рональдом. Старинный банкирский дом Марловых основан еще его прадедом. Макс отлично знает об их состоянии. Какого вы мнения об Эдите Марлов? Не правда ли, красавица?

– Да, красивая девушка, – довольно равнодушно согласился майор. – Госпожа Мейендорф не может поспорить в отношении внешности со своей кузиной, но зато гораздо симпатичнее.

– Да, это верно, – подтвердил Трейман. – Но с Эрнстом ничего не поделаешь… Хоть бы вы как-нибудь уговорили его!

– Я? Почему? – удивленно спросил Гартмут.

Нотариус уже давно собирался излить душу другу своего племянника и решил воспользоваться удобным случаем.

– Я уже сделал все, что мог, передав Эрнсту свою нотариальную контору и практику, но не получил от него за это никакой благодарности. У него ведь в голове было совсем другое – блистать ораторским талантом в качестве защитника, стать знаменитостью, попасть в рейхстаг, добиться министерского портфеля… Увы! Не всякому это доступно…

– У Эрнста были для этого все данные, – сухо произнес майор. – Для него было несчастьем, что его оторвали от его любимого дела и… «забросили в эту нору», – хотел добавить он, но вовремя спохватился, подумав о том, что старый нотариус сделал это только по доброте своей души.

Последний решил, что Гартмут хотел намекнуть на банкротство, и поспешил выразить свое согласие:

– Да, это было, действительно, несчастьем, но ведь против этого ничего нельзя было предпринять. Единственным якорем спасения для семьи Эрнста была моя нотариальная контора. Мне отлично известно, что это занятие Эрнсту не по душе, но пусть он тогда откажется от него и разыгрывает роль важного барина. Счастье у него, можно сказать, под носом, а он не хочет воспользоваться им. Видите вот там крышу среди деревьев? Ведь это – Гернсбах, великолепное, доходное имение. Эрнст – поверенный молодой вдовы, отлично знает все ее дела и, по-моему, пользуется ее благосклонностью. Другой на его месте уже давно сделал бы ей предложение, но ему, конечно, не до того. Я попробовал, было, намекнуть ему на это, но совершенно напрасно. «Я не продаю себя, дядя! Я не хочу жить на иждивении богатой жены. Это недостойно!» – ответил он мне. А когда я после этого побывал с ним в Гернсбахе, то он представлял собой статую командора и еле-еле раскрывал рот.

– И он прав! – воскликнул Гартмут.

– Как? Неужели вы станете упрекать свою жену за ее богатство?

– Упрекать? Нет, не стану! Во-первых, за богатство нельзя упрекать, а во-вторых, оно вовсе и не несчастье. Но жертвовать призванием ради богатства жены и играть в браке жалкую роль прихлебателя, на это ни Эрнст, ни я не способны… разве вот Макс…

– Ого! – воскликнул нотариус. – Макс – большой талант!

Он принесет в приданое своей жене славу художника, которой добьется в недалеком будущем. Впрочем, он предпочитает бывать у Марловых, и уже сообщил мне по секрету, что юная миллионерша к нему весьма благосклонна. Черт возьми! Макс ведь хорош, как картинка, и имеет ошеломляющий успех у женщин!

– Весьма возможно, – сухо возразил Гартмут, – но миллионов ему не видать. Ведь он слишком глуп! Эдита Марлов более требовательна и не станет довольствоваться тем, что ее муж напишет несколько картин и выставит их в художественных салонах. Что же касается гениальности Макса, то этого качества в одном мизинце Эрнста больше, чем во всей красивой, но глупой голове его брата. Но вот мы уже у городских ворот. Честь имею кланяться, господин нотариус!

Гартмут свернул в сторону, оставив старика в совершенном недоумении. Последний до сих пор был очень хорошего мнения о друге своего старшего племянника, но теперь, оскорбленный его суждением о Максе, присоединился к мнению последнего, при первом же его визите заявившего, что майор просто несносен.

5

На террасе господского дома в Гернсбахе стояли банкир Марлов и его дочь. Он только что прибыл из Штейнфельда и теперь просил принять его друга, Феликса Рональда, который должен был сегодня приехать сюда, а завтра вечером уехать. Хорошо зная, что означает этот визит, Вильма Мейендорф с удовольствием согласилась на прием гостя и занялась хозяйственными хлопотами.

Воспользовавшись свободным временем перед обедом, Марлов пригласил дочь на террасу и завел с ней деловую беседу:

– Рональд хотел ехать вместе со мной, но перед самым отъездом получил несколько телеграмм, потребовавших его личных указаний и задержавших его. Однако он в любом случае приедет сегодня вечером, а для тебя, Эдита, уже не является тайной, что он собирается сказать тебе.

– Нет, папа, – спокойно ответила девушка, – я уже давно подготовлена к его предложению. Он уже объяснился с тобой?

– Только вчера, и я выразил ему свое согласие, при том условии, конечно, что и ты не будешь против этого, на что я очень надеюсь. Ты ведь знаешь, что Рональд может дать тебе?

– Да, знаю, и еще перед отъездом обдумала свое решение.

Я приму его предложение.

Тон этих слов ясно показал, что молодая девушка пользовалась полной самостоятельностью, и что отец никогда не навязывал ей своей воли; своим согласием она доставила ему большое удовольствие, и это ясно было видно по его лицу, когда он ответил:

– Я нисколько не сомневался в этом, так как ты всегда отличалась благоразумием. Более блестящей партии и не сыскать. Однако и ты придешь к своему будущему мужу не с пустыми руками. Если план, который мы задумали с Рональдом, осуществится, то мое состояние, а в будущем и твое – удвоится.

– Ты собираешься акционировать штейнфельдские заводы?

– Да. Осенью мы предполагаем осуществить свой замысел. Тогда, вероятно, состоится и ваша помолвка.

– Только осенью? Почему? – удивленно спросила Эдита.

– Рональд сам ответит тебе на это, – улыбнулся Марлов. – Я не хочу вмешиваться в его дела; но и ты будешь согласна с ним, как и я, когда узнаешь причины. Разумеется, мы предоставляем решить этот вопрос тебе и в тесном семейном кругу отпразднуем помолвку сегодня же.

Банкир и его дочь были неспособны к чувствительным сценам даже при подобных обстоятельствах. Марлов любил свою дочь и гордился ею, но теплота и сердечность были не в его характере, и он не воспитал этих качеств и в своей

единственной дочери. Эдита была прекрасной светской девушкой, и потому их разговор закончился только холодным официальным поцелуем.

Да к тому же их внимание было привлечено стуком экипажа, проехавшего мимо ограды парка. Увидев нескольких мужчин, сидевших в нем, Марлов нахмурил брови.

– Гости? И как раз сегодня! Как жаль, что нельзя даже отказать. Во всяком случае, я не выйду к ним. Откровенно говоря, мне вовсе не хочется знакомиться с этими гейльсбергцами, – и, простившись с дочерью, он ушел к себе в комнату.

Эдита тоже находила скучным беседовать с гейльсбергскими знакомыми своей кузины и решила не выходить к ним.

Такое решение было принято ею вовсе не потому, что она волновалась в ожидании жениха или в столь торжественный момент была обуреваема девичьими грезами. Ни о грезах, ни о стремлениях и надеждах, обычно связанных с подобными обстоятельствами, у нее не было даже понятия, и предстоявшая помолвка лишь тешила ее тщеславие. Ведь не шутка – обратить на себя внимание Рональда, перед несметным богатством которого все преклонялись!

Все ли? Нет! Эдита знала человека, который не только не преклонялся перед этим всемогущим миллионером, но открыто и смело объявил себя его врагом; этот человек осмеливался даже угрожать ему, ведь во взгляде и осанке того незнакомца – Эрнста Раймара – была ясно видна угроза, хо-

тя он и не высказал ее вслух.

Странно! Эдита не могла отделаться от воспоминания об этой встрече, и оно было мучительным для нее. Вот и теперь оно медленно подкралось к ней и наложило на ее холодное, красивое лицо выражение задумчивости, обычно чуждое ей. Перед ее мысленным взором всплыли заброшенное в лесу кладбище и мужская фигура с мрачным, молниеносным взглядом. Это произошло всего несколько дней тому назад, но казалось далеким сном, не имевшим ничего общего с действительностью.

За стеклянной дверью террасы раздались голоса, и Эдита очнулась. Она забыла о приезде гостей и, невольно обернувшись на звук их голосов, вздрогнула. Вместе с Вильмой на террасе появились майор Гартмут, Макс Раймар и… тот незнакомец, которого она видела на кладбище.

Макс поспешил навстречу девушке и, здороваясь с ней, «благословлял случай», именно теперь приведший его в Гейльсберг. Майор «рад был возобновить знакомство», завязанное на крепостном кургане. Вслед за ними подошла Вильма с незнакомцем, непринужденно говоря ему:

– Вы ведь еще незнакомы с моей кузиной. Милая Эдита, позволь представить тебе… нотариус Раймар из Гейльсберга. Эдита Марлов.

Один лишь Эрнст заметил, как смутилась молодая девушка, когда назвали его имя. Он вежливо, но холодно поклонился и произнес:

– Позвольте выразить вам свою благодарность за радушный прием, оказанный моему брату в вашем доме. Он много рассказывал мне о нем.

– Да, очень много! – подхватил Макс. – Эрнст знает, как я счастлив, имея возможность бывать у вас.

Эдита уже овладела собой и холодно промолвила несколько слов, окинув гневным взглядом человека, осмелившегося на такую игру с ней. Он же еле заметно улыбнулся, так как отлично помнил каждое слово, сказанное в адрес «закоренелого холостяка».

Разговор сделался общим. Майор занялся маленькой Лизбетой, восторженно выбежавшей к нему навстречу и теперь не отходившей от него. Макс рассыпался в любезностях. Эрнст тоже казался оживленнее обычного, но продолжал не подавать вида, что уже встречался с Эдитой раньше.

Между тем в беседке был подан чай, и Вильма пригласила туда своих гостей. Гартмут и Макс последовали за ней; Эрнст намеревался сделать то же, как вдруг услышал у себя за спиной приглушенное восклицание:

– Господин Раймар!

– К вашим услугам. – Он обернулся к Эдите.

– На минуту, прошу вас! Вы, видимо, забыли, что мы уже знакомы.

– Этим, как мне казалось, я только шел навстречу вашему желанию, – ответил Эрнст с легким поклоном, – да к тому же я не был уверен, что вы не забыли о той встрече.

Полунасмешливая улыбка, мелькнувшая при этом на его лице, рассердила Эдиту; впрочем, последнее обстоятельство не помешало ей заметить, что эта улыбка очень украшала его лицо.

– Вы преднамеренно оставили меня тогда в заблуждении относительно своей личности, – довольно резко сказала она. – Ведь вы отлично знали, что ваше инкогнито очень скоро обнаружится. Право, я не знаю, как назвать подобную игру…

– Позвольте! Я и не думал играть с вами; ведь не я начал тот разговор, и притом не знал, какой оборот он примет. Вполне простительно и то, что я не представился вам, как только вы упомянули обо мне. Этим я хотел избавить нас обоих от неловкости.

– Нас обоих? – Эдита закусила губы, поняв, конечно, кому из них двоих было «неловко», но тотчас же справилась со своим смущением и отпарировала удар: – Я говорила о постороннем человеке…

– Которого вам так мило описал мой брат! Согласен с вами, но я не настолько смел, чтобы думать, что при личном знакомстве ваше мнение изменится к лучшему. Я преклоняюсь перед вашим тогдашним приговором и… перед тем, как мой брат знает людей.

Беспощадная насмешка совершенно уничтожила горделивую сдержанность Эдиты. Этот гейльсбергский нотариус держался с ней как равный и с таким достоинством выдержал

словесный турнир, как будто всю свою жизнь провел в лучших столичных салонах. Этот провинциал обходится с ней, светской девушкой, с таким ироническим превосходством, какое она не могла вынести, и она решила отплатить ему тем же.

– Ваш брат, по-видимому, вообще мало знает вас, – заметила она. – Быть может, я сужу о вас вернее, чем он, и очень удивляюсь вашей любви к родине. Что вас приковывает к столь идиллическому захолустью как Гейльсберг?

– Гейльсберг – не моя родина; я уже говорил вам, что родом из Берлина.

– Тем более! Нужно обладать весьма… созерцательным характером, чтобы избрать для себя на всю жизнь подобное местожительство.

Улыбка исчезла с лица Раймара, и он с горечью спросил:

– По-вашему, в ссылку можно идти добровольно? Но, как мне кажется, мы снова возвращаемся к спорному вопросу, который уже раз поссорил нас. Оставим его лучше в покое!

И он замолчал, к крайнему недовольству молодой девушки, находившей в этом разговоре какую-то странную прелесть. Этот человек, несмотря на то, что она знала теперь его имя и условия жизни, стал для нее еще загадочнее.

В эту минуту на террасе появился Марлов. Увидев молодого человека, разговаривавшего с его дочерью, он невольно остановился и потом медленно направился к ним.

Эрнст обернулся. Он нисколько не сомневался в том, что

встретится в Гернсбахе с дядей Вильмы Мейендорф, но все же эта встреча была для него мучительно тяжелой. Марлов окинул его долгим, удивленным взглядом и произнес:

– Если не ошибаюсь… нотариус Раймар?

Последний молча поклонился. Банкир с минуту как бы колебался, затем протянул ему руку.

– Мне уже известно через вашего брата о том, что вы обосновались в Гейльсберге. Мы уже давно не виделись с вами; вы, кажется, почти не бываете в Берлине?

Яркий румянец, мгновенно заливший лицо Раймара, быстро исчез, и он, потупившись, ответил:

– Мои обязанности отнимают слишком много времени, и мне приходится отказываться от долгих путешествий.

– Ты знаком с господином Раймаром, папа? – с величайшим изумлением спросила Эдита.

– Конечно, дитя мое, но наше знакомство относится к далекому прошлому, – ответил Марлов и тотчас же поспешил замять этот вопрос. – У вас очень талантливый брат, господин Раймар; он – частый гость в нашем доме, – и банкир с необычайным рвением занялся личностью и дарованиями Макса.

Эдита недоумевала. Она отлично понимала, что ее отец, всегда мало обращавший внимания на Макса, нарочно хвалит художника, чтобы не касаться какой-то другой темы. Раймар тоже вдруг изменился. Его самоуверенной осанки как не бывало, и он откровенно с облегчением вздохнул, ко-

гда прибежала Лизбета, чтобы позвать их пить чай.

Между тем за чайным столом царил оживленный разговор. Центром внимания был майор Гартмут, красочно и впечатляюще рассказывавший о своих переживаниях. Даже Марлов стал слушать его с заметным вниманием, и был явно доволен новым знакомством.

Когда общество вышло из-за стола, Вильма предложила гостям пройти в оранжерею, где обещала показать им редкой красоты орхидею. Однако Марлов с дочерью отделились от остальных и направились по одной из аллей парка.

– Гости не помешают нам, – сказал банкир, находившийся в хорошем расположении духа. – Они собираются уехать в шесть часов, а до тех пор Рональд едва ли приедет. А какой интересный человек этот майор Гартмут!

– Папа… что с этим Раймаром? – спросила Эдита.

– О ком ты спрашиваешь? О старшем брате, нотариусе?

– Да! Между тобой и им что-то произошло… я сразу это заметила. Раньше он жил в Берлине?

– Да, лет десять тому назад; с тех пор как я его не видел, он очень изменился, и я едва узнал его. Куда девалась его жизнерадостность? Над ним ведь разразилась катастрофа. Но ты была тогда еще ребенком и не могла знать его, и он едва ли может интересовать тебя.

– Даже очень интересует, – быстро возразила молодая девушка. – Ты говоришь о какой-то катастрофе? А между тем, когда наш дом стал посещать младший Раймар, ты ни сло-

вом не намекнул на нее.

– Я просто не хотел воскрешать забытую всеми историю и уронить этим положение молодого человека в обществе. Я считаю несправедливым винить детей в грехах их отцов. И без того эта история стоила карьеры его старшему брату. Ведь не мог же он защищать перед судом права других, когда его отец был уличен в обмане!

– В обмане? – повторила изумленная Эдита.

– К сожалению, да. В свое время это наделало очень много шума, так как банкирский дом Раймаров пользовался солидной репутацией. Ему не удалась какая-то большая спекуляция; это бывает весьма нередко, но солидные фирмы преодолевают подобные кризисы. Раймар разорился и покончил с собой, а его многочисленные клиенты не получили ни гроша. – Банкир произнес все это очень равнодушным тоном. Эдита же с напряжением следила за каждым его словом. А он между тем продолжал:

– Я и то постоянно удивлялся непринужденности Макса, хотя это можно было объяснить его молодостью; ведь ему тогда было всего семнадцать лет. Старший брат, по-видимому, является полной противоположностью ему. С тех пор он ни разу не был в Берлине, да и вообще старательно избегает встречаться с кем бы то ни было из своих прежних знакомых. Жаль его! Он очень талантлив; его первая речь в суде имела колоссальный успех, а вот теперь ему приходится прозябать в жалкой роли нотариуса.

Эдита собиралась что-то возразить отцу, но в эту минуту к ним подошла Вильма с гостями.

Прогулка по парку продолжалась. Марлов в обществе племянницы и майора отделился от остальных и пошел вперед. Эдита и братья Раймар следовали за ними. Макс, умышленно устроивший так, чтобы они с молодой девушкой отстали от ее отца и кузины, своим красноречием старался затмить предшествовавший успех майора. Он уже считал себя победителем, видя, что Эрнст снова ушел в свое созерцательное состояние и говорил лишь постольку, поскольку этого требовало приличие, и тем усерднее рассыпал перлы своего красноречия, не обращая внимания на то, что «дама его сердца» вовсе его не слушала.

У Эдиты было совершенно другое в голове, и, в то время как ее ухо механически ловило два-три слова из речи художника, и она так же механически отвечала на них, ее вопросительный взгляд останавливался на ее спутнике с правой стороны. Теперь ей стало ясным противоречие между Эрнстом и его окружением; ведь она видела, как густо он покраснел при встрече с ее отцом, знавшим о его позоре. Макс, по-видимому, гораздо легче мирился с этим и, как ни в чем не бывало, продолжал наслаждаться жизнью.

Как ни старался Макс быть интересным, молодая девушка, наконец, нашла его скучным и решила отделаться от него. Вдруг сказав, что в парке слишком свежо, она выразила сожаление, что позабыла на террасе платок. Макс, разумеется,

поспешил за ним, и Эдита осталась с глазу на глаз с Эрнстом.

– Позвольте задать вам один вопрос, – обратилась она к нему. – Неужели вы и в самом деле противились художественной карьере Макса?

– Нисколько, – холодно ответил Эрнст.

– Он уверял меня, что буквально завоевал себе это поприще и своими собственными силами вынужден был бороться за существование. В Берлине он, по-видимому, вел довольно приятный образ жизни, а до сих пор поместил на выставках всего несколько этюдов. Откуда он добывает средства к жизни? Неужели он пользуется вашим кошельком?

– Прошу вас, оставим этот разговор, – ответил Эрнст, окидывая девушку мрачным взглядом.

– Вы не хотите ронять его в моих глазах? Ведь он нисколько не стесняется делать это в отношении вас.

– Чтобы заинтересовать вас своей особой за мой счет. Конечно, это не по-братски, но это – еще далеко не смертный грех.

– Нет… но низость! – с презрением сказала Эдита. Раймар был вполне согласен с высказанным мнением, но все же попытался защитить брата:

– Вы не должны быть столь строги по отношению к нему. Макс еще молод, к тому же у него легкомысленный артистичный характер, непривычный долго обдумывать слова и поступки. Он не хотел причинить мне зло.

– Как? Вы не считаете злом клевету на брата, которому

он всем обязан? Ради него и своей семьи вы жертвуете всем своим будущим, а он…

– Откуда вам известно все это? – прервал ее Эрнст. Эдита спохватилась, но неосторожные слова были уже произнесены, и их нельзя было вернуть. Она смущенно молчала.

– Понимаю, – с горечью продолжал Эрнст. – Ваш отец уже все вам рассказал. Я мог предвидеть это.

– Мой отец отозвался о вас с большим уважением, – возразила Эдита, – он говорил мне…

– Что я заслуживаю сожаления и пощады… не правда ли? В самом деле господин Марлов выказал по отношению ко мне и то, и другое, и только у меня уж такая неуравновешенная натура, что я не питаю ни капли благодарности за такое великодушие. Пожалуй, вам не понять того, что порой гораздо легче перенести от посторонних оскорбление, чем сострадание. Я и тогда сбежал от этого сострадания, да и теперь оно для меня невыносимо.

Последние слова ясно показывали, как страдал Эрнст, несмотря на свое внешнее спокойствие, при встрече с ее отцом. Эдита отлично понимала его, чувствуя, что и сама, вероятно, переживала бы это точно так же. Невзгоды и горе были чужды молодой девушке, тоже переживавшей весну жизни, но она знала, что тяготило душу ее собеседника.

Сын обманщика! Так вот что заставило его покинуть общество и бежать в эту глушь! Да, Раймар прав: есть обстоятельства, с которыми люди не в силах бороться, и вот такие

обстоятельства его угнетали.

Эдита медленно подняла глаза и мягким, дрожащим голосом заговорила:

– Я причинила вам боль и поняла это теперь. Но я ведь и не подозревала тогда, к кому относились мои слова, и какой раны они коснулись. Мы так неприязненно и сухо расстались в тот день. Забудем об этом! Я… я прошу вас! – и она примиряюще протянула ему руку.

В глазах Эрнста снова сверкнуло пламя, но уже не гнева и не возмущения. В них ярко блеснуло счастье, солнечным светом озарившее его лицо. Он крепко сжал протянутую ему руку и взволнованно произнес:

– Благодарю вас, Эдита!

Эдита! Ее назвал по имени человек, всего во второй раз встретившийся с ней, но это, казалось, нисколько не удивило ее. Она вся была во власти незнакомого ей до сих пор чувства, наполнявшего все ее существо каким-то сладостным трепетом.

В эту минуту раздались шаги, и, едва Раймар успел отступить назад, из-за кустов появился Марлов.

– Я ищу тебя, Эдита, – торопливо начал он. – Приехал господин Рональд. Я встречу его, а ты придешь вместе с Вильмой. Простите, господин Раймар, приехал друг, которого мы сегодня ожидали. Пожалуйста, не беспокойтесь.

С этими словами Марлов торопливо удалился, и молодые люди снова остались вдвоем, но уже очнувшиеся от

своего забытья. Охватившее их очарование рассеялось как туман под ярким лучом действительности, неожиданно ворвавшимся в него. Эрнст ничем не выдал своего волнения, но побледнел и словно оледенел – так холодно и неподвижно было его лицо, когда он спросил:

– Вы ожидаете господина Рональда… здесь, в Гернсбахе?

– Да, он хотел навестить нас здесь. Он познакомился у нас в доме с моей кузиной и уже тогда, во время своего пребывания в Штейнфельде, обещал приехать сюда с визитом.

Эдита и сама не знала, чего ради она вздумала объяснять, или – вернее – затемнять этот визит Рональда, но она видела, что это нисколько не обманывает Эрнста.

– В таком случае не стану мешать своим присутствием, – с вежливым поклоном произнес он. – Мы ведь и без того собирались уехать. Вы позволите мне удалиться?

– Вы нисколько не мешаете, – ответила Эдита, рассерженная внезапной переменой в его обращении.

– Но этот визит господина Рональда… относится к вам! – с заметным ударением произнес Эрнст. – Госпожа Мейендорф уже говорила мне, что она очень мало знакома с господином Рональдом, а ваш отец сам только что вернулся из Штейнфельда… по-моему, все очень ясно и не нуждается в объяснениях.

– Да я и не знаю, кому обязана давать их, – возразила Эдита, гордо выпрямляясь, – вам же менее, чем кому бы то ни было; мы ведь совершенно чужие друг другу.

Резкий тон этих слов словно указал Эрнсту на всю неуместность его намека. Однако он не был расположен сегодня выслушивать наставления и так же резко ответил:

– Конечно, и в качестве постороннего человека я не отважился бы на объяснение, если бы знал, что вы находитесь более чем в дружеских отношениях с господином Рональдом. Я откровенно назвался его врагом и не могу, да и не хочу брать обратно свои слова; однако я отлично понимаю, что тем самым теряю право когда-либо вновь приблизиться к вам. Самой судьбой нам предназначено быть врагами… так останемся же ими!..

Эрнст низко и холодно поклонился и ушел. Эдита неподвижно стояла, глядя ему вслед. Не было сомнения, он угадал значение этого визита, о котором в течение последнего получаса она уже забыла. Она совершенно забыла о том, что человек, которому она обещала через своего отца отдать свою руку, был уже на пути в Гернсбах. Ну, вот он и приехал, чтобы лично выслушать ее согласие. Да она ведь и не думала отказывать ему!.. Но почему он приехал как раз в эту минуту?

6

Между тем Феликс Рональд был встречен будущим тестем и проведен в зал, где они стали ожидать дам. Марлов уже предупредил его, что у них гости из Гейльсберга, которых нельзя было не принять.

– Почему нельзя? – спросил Рональд, которому присутствие посторонних показалось неприятным. – Кто станет церемониться с этими гейльсбергскими провинциалами? Им попросту отказывают.

– Но моя племянница поддерживает знакомство с городскими обывателями. С этим приходится считаться. Впрочем, эти господа через час уедут, и останутся только свои.

Но новый гость, по-видимому, не привык оказывать уважение другим и встретил это возражение недоуменным пожатием плеч.

Феликс Рональд был немолод – ему уже было за сорок лет; фигуру его нельзя было назвать статной. Тем не менее, его внешность казалась очень интересной и обращала на себя внимание той необыкновенной энергией, которой этот человек создал свою блестящую карьеру. Его резко очерченное лицо с высоким лбом, стальные глаза с пронизывающим взглядом и осанка, полная горделивого самолюбия, обнаруживали в нем человека неутомимого, не знающего, что такое отдых, непрестанно работающего над созиданием все новых

и новых планов, все новых проектов.

– Эдита и моя племянница сейчас будут здесь, – снова заговорил Марлов. – Что касается гейльсбергских гостей, то они вам немного знакомы. Вы ведь встречали у меня молодого художника Макса Раймара.

Рональд стал рассеянно смотреть на террасу.

– Кажется, встречал, – небрежно произнес он. – Насколько мне помнится, это – красивый, но пустой юноша, протеже фрейлейн Эдиты.

– Совершенно верно; Эрнст Раймар тоже здесь.

– Кто?

– Его старший брат, гейльсбергский нотариус. Вы ведь и его тоже знали.

Услышав это имя, Рональд круто обернулся и с неприятным выражением на лице сказал:

– О, да! Этот молодой человек доставил мне немало хлопот, когда в доме его отца произошла неприятность. Он хотел во что бы то ни стало «выяснить дело» – так он сам говорил. Как будто оно и так недостаточно ясно! И когда я не поверил его глупой выдумке о краже вкладов, он чуть не оскорбил меня. Я этого еще до сих пор не забыл!

Марлов серьезно покачал головой.

– Ну, сыну-то простительно не верить в виновность отца; ведь удар был так неожидан. Во всяком случае, сегодня вы не сможете избежать встречи с ним.

– Ну, что ж, если он не станет избегать меня, – высоко-

мерно проговорил Рональд.

В эту минуту в зал вошли дамы в сопровождении майора и Макса.

Произошла холодная, натянутая встреча. Гартмут ни словом не напомнил о былом знакомстве в доме Раймаров и сделал вид, что совершенно незнаком с Рональдом. Последний тоже, очевидно, не хотел напоминать о прежних встречах, но все же был учтиво вежлив по отношению к майору. Макса же он удостоил лишь небрежным кивком головы и, снисходительно бросив: «Ах, господин Раймар, как поживаете?», отвернулся, даже не ожидая ответа.

Эрнста, по-видимому, что-то задержало в парке, и, когда он вошел в зал, разговор уже завязался.

Эдита впилась взглядом в обоих мужчин, встреча которых должна была разрешить ей загадку: через минуту это отчасти уже прояснилось; она увидела, что вражда обоюдна.

Вильма представила нотариуса Раймара, и Рональду, сделавшему, было, вид, что он не заметил появления Эрнста, волей-неволей пришлось поздороваться. Он небрежно обернулся с явным намерением отнестись к старшему брату с тем же оскорбительным непочтением, как и к младшему, однако его попытка встретила отпор. Эрнст Раймар стоял пред ним с такой непоколебимой гордостью, что ему пришлось, по крайней мере, сохранить обычную форму вежливости. Он холодно-сдержанно поклонился и получил в ответ столь же официальный поклон; но их взгляды при этом встретились, слов-

но два скрещенных меча, обнаружив нескрываемую ненависть с одной стороны и гневный, угрожающий вид – с другой. Это продолжалось лишь несколько секунд, и враги не обменялись ни единым словом; Раймар тотчас же обратился к хозяйке дома и сказал:

– Разрешите нам проститься. Арнольд, экипаж уже подан.

Майор удивился этой неожиданности, так как между ними было условлено уехать из Гернсбаха через час, но сразу же выразил свое согласие. Марлов облегченно вздохнул; после такой встречи дальнейшее пребывание гостей было бы невыносимо.

Прощание было непродолжительным, и через пять минут гейльсбергцы были уже в экипаже.

Первое время среди них царило мрачное молчание. Гартмут угрюмо забился в самый угол экипажа, Эрнст – в другой, Макс с вытянутым лицом сидел между ними. Первым нарушил молчание майор. Как только дом и парк остались позади них, он вдруг воскликнул:

– Какая неожиданность! Что, черт возьми, понадобилось этому Рональду в Гернсбахе? Так было мило, и вдруг явился этот «набоб» и, словно злой дух, разогнал нас? Что бы это могло значить?

– То, что я не желал оставаться в обществе Феликса Рональда! – коротко и резко заявил Эрнст.

– Согласен! Охотно понимаю, что тебе не могла быть приятна встреча с вашим бывшим конторщиком, а ныне милли-

ардером. Но чего ради было удирать сломя голову? Что подумает о нас госпожа Мейендорф! Макс, да что ты молчишь, словно набрал в рот воды? Какого ты мнения обо всем этом?

Макс не только был не в духе, но и чувствовал себя глубоко оскорбленным. Он тешил себя надеждой быть на первом плане, а между тем его повсюду оттирали, и это обстоятельство, конечно, очень его сердило.

– Этот визит мне кажется весьма странным! Рональд удостаивает своими визитами только избранных. Сюда четыре часа пути от Штейнфельда, и вдруг он приезжает на несколько дней. Я сам слышал, как госпожа Мейендорф приказала слуге отнести его чемодан в комнату для приезжих. Понятно, этот визит не относится к хозяйке Гернсбаха, потому что он едва знает ее… значит, здесь что-то другое.

– Ого! Уж не ревнуешь ли ты? – смеясь, воскликнул Гартмут. – Впрочем, ты прав, мне этот визит тоже кажется подозрительным. Но мужайся, Макс, и смело вперед! Обрати миллиардера в бегство и сам завоюй миллион! Ведь для тебя это ничего не стоит!

– Тут не до шуток! – сердито возразил Макс. – Когда выступает такой серьезный претендент, как Рональд, то остальным нечего тешить себя надеждой, потому что здесь играют роль не внешность и не внутренние качества, а торжествует презренный металл!

– Да, деньги всегда кажутся презренными тем, у кого их нет, – философски заметил майор. – Впрочем, у тебя взгляд

на презренное богатство, видимо, совершенно изменился, так как прежде ты был о нем весьма высокого мнения. А ты, Эрнст, что думаешь относительно этих планов? Ведь Марлов и сам настолько богат, что его дочь не станет продавать себя за деньги!

– А почему бы и нет? – с горечью ответил Эрнст. – Может быть, ее прельщает не столько золото, сколько могущество, связанное с ним. Ведь перед этим Рональдом, как перед золотым тельцом, преклоняются все и вся. Почему же девушке не прельститься возможностью принимать это поклонение вместе с ним?

– Нечего сказать, сегодня вы оба в отличном расположении духа! – сердито прервал его Гартмут. – Что с тобой, Эрнст? Ты ведь не рассчитывал на миллион, а ведешь себя не лучше Макса. А мне в высшей степени безразлично, кого осчастливит своей рукой и миллионами этот набоб. Я был рад этой поездке в Гернсбах, и вот…

Он вдруг замолчал, словно сказав что-то лишнее, но ни Эрнст, ни Макс не обратили на это внимания. Они молча углубились в свои мысли, и майору не оставалось ничего иного, как присоединиться к их занятию.

После отъезда гостей в Гернсбахе облегченно вздохнули. Марлов решил не испытывать терпения своего будущего зятя. Поговорив с четверть часа, он взял маленькую Лизбету за руку и вышел с ней на террасу «покормить голубей». Вильма последовала за ними. Выпала удобная минута для объясне-

ния.

Эдита и Рональд остались в гостиной одни, но всякий посторонний едва бы угадал в них жениха и невесту. Молодая девушка со своей обычной холодной сдержанностью сидела на диване и ожидала предложения, которое ее отец уже принял от ее имени, мужчина же, занимавший место против нее, знал, что получит согласие. Все происходило так чинно и корректно, как обычно делаются такие предложения в большом свете.

Еще несколько часов тому назад Эдита ожидала этого разговора спокойно и уверенно; впрочем, внешне она сохранила и свое спокойствие, и свою уверенность. Однако в ней зародился какой-то загадочный страх перед этим столь ожидаемым решительным моментом.

Они говорили о совершенно посторонних вещах.

– Лето вы проведете в Швейцарии? – спросил Рональд. – Ваш батюшка уже говорил мне, что намерен подольше пожить в Бернских Альпах. Ах, как хорошо хоть на время отрываться от труда и будничных забот!

– Неужели вы не отдыхаете летом? – спросила Эдита.

– Нет. Тот, кто руководит столькими предприятиями, как я, в конце концов, становится их рабом. Мне постоянно приходится быть на своем посту, и у меня нет времени для отдыха.

– У вас, по-видимому, есть время только для работы.

– До сих пор было так, – медленно произнес Рональд, – но

теперь у меня, наконец, нашлось время и для другого… – Он остановился как бы в ожидании ответа, но его не последовало. Тогда он поднялся с места и подошел к Эдите. – Вы разрешили мне приехать в Гернсбах, и вот я здесь, чтобы задать вам вопрос, или – вернее – просить вас… вы догадываетесь, конечно, о чем. Ваш отец подал мне надежду, осуществление которой зависит только от вас, и мне хотелось бы услышать свой приговор из ваших уст. Я прошу вашей руки, Эдита. Могу я надеяться?

Рональд с тревожным беспокойством впился взглядом в хорошенькую девушку, медлившую с ответом. Загадочный страх, смутно ощущаемый ею до сих пор, вспыхнул в ней в эту решительную минуту и сомкнул ей уста; она не могла произнести ни слова.

– Эдита, я жду ответа! – умоляюще продолжал Рональд, человек, привыкший повелевать всем и всеми.

Со свойственной Эдите энергией она победила в себе страх и со слабой улыбкой ответила:

– Если мой отец подал вам надежду, то мне приходится только подкрепить ее. Вот вам моя рука!

Эдита хотела, было, протянуть ему руку, как вдруг почувствовала себя в объятиях Рональда, ощутила на своем лице, на губах его горячие поцелуи. Долго сдерживаемая страсть как бы разом хлынула из груди этого человека и обдала девушку своим горячим дыханием. Ошеломленная, она на миг подчинилась ей, но затем вдруг с силой вырвалась из объя-

тий жениха и, словно оскорбленная его порывом, возмущенно воскликнула:

– Господин Рональд!

Феликс вздрогнул, и, отступив назад, резко спросил:

– Что это значит, Эдита? Мне кажется, вы только что дали мне свое согласие!

Эдита побледнела, ее губы дрожали. Она поддалась невольному порыву, вовсе не осознавая того, что выдает себя им. Глаза Рональда сверкали странным блеском.

– Так вот как вы отвечаете на первый поцелуй жениха? Однако, как мне кажется, я имею на него полное право. А ведь в этом вашем порыве чувствуется… отвращение!

– Вы испугали меня своим бурным объятьем! – тихо, словно извиняясь, произнесла Эдита.

– Испугал? Но ведь вы, кажется, не из робких! Каких же церемоний вы ожидали при нашей помолвке? Уж не должен ли я по всем правилам этикета поцеловать вашу руку и поблагодарить за милостивое согласие? Неужели я не могу обнять свою невесту?

Его упрек был справедлив; Эдита чувствовала это и пыталась смягчить впечатление своего поступка.

– Вы сами отчасти виноваты в моем испуге, – возразила она. – Я не считала вас способным на выражения страсти; до сих пор вы были совершенно другим.

– До сих пор! Но ведь мы встречались с вами при посторонних в гостиной, где нельзя показывать настоящее чув-

ство. Впрочем, все считают меня чем-то вроде счетной машины, знающей только цифры. Вы, кажется, тоже разделяли это мнение? – В его словах слышалась горькая насмешка, и его голос страстно дрожал. – Но вы заблуждались. Вот ваш отец, тот только считает да взвешивает, я же – нет! Холодным расчетом за несколько лет не достигнешь успеха, на который другому приходится затратить целую жизнь. Вам вряд ли знакомы демонические натуры, не знающие препятствий и безрассудно стремящиеся вперед. Я чувствовал в себе эту способность еще тогда, когда был без гроша и без имени, и только благодаря ей достиг головокружительного успеха. Ваш отец не раз говорил мне: «У вас слишком смелые расчеты! Да это и не расчеты, а просто безумный риск!» Но они всегда завершаются удачей, когда смело и мужественно идешь к цели. Неужели это пугает вас? Я полагал, что вы поймете меня!

– Да, я понимаю вас, – Эдита жадно ловила его слова.

Рональд видел, что ее ответ вполне искренен, и его оскорбленная гордость снова отступила перед страстью. Он медленно подошел к девушке и страстным шепотом продолжал:

– Все называют это небывалым счастьем. Но я не был счастлив, да и не стремился к нему, потому что моим постоянным девизом было: «Вперед!». Я встретился с вами, Эдита, и все изменилось. Вы согласились быть моей, но я требую большего, чем это официальное и холодное «да». В бес-

покойной погоне за богатством у меня не было времени на личное счастье, но теперь оно тем властнее и неудержимее предъявляет свои права. Хочешь ли ты дать мне его? Ты можешь дать мне его, только ты одна!

Эдита была ослеплена, увлечена, и все противоречивые ощущения, с которыми она еще так недавно боролась, исчезли. Тяжело переводя дыхание, она выпрямилась и проговорила:

– Я не знала вас до сих пор, Рональд…

– Феликс! – прервал ее Рональд. – Позволь мне услышать мое имя из твоих уст!

– Феликс! – тихо повторила она. – Сперва мы должны научиться понимать друг друга!

Рональд снова обнял ее, но не так порывисто и страстно, как прежде; по-видимому, он боялся снова оскорбить Эдиту. И на этот раз она не уклонилась от его объятий.

7

Марлов между тем оставался на террасе один. Вильма ушла под предлогом хлопот по хозяйству, взяв с собой и Лизбету. Банкир медленно ходил взад и вперед, по-видимому, совершенно углубленный в свои размышления и занятый сигарой, но он то и дело бросал тревожный взгляд по направлению открытой стеклянной двери в гостиную, пока, наконец, не заметил, что все благополучно разрешилось.

Тогда он бросил сигару и вошел в гостиную. Рональд подвел к нему невесту, и последовали взаимные поздравления и неизбежные объятия. Но ни в ком из этих троих людей, переживавших первые минуты, по-видимому, горячо желанного счастья, не было и следа нежности и радостного волнения, и через несколько минут они уже говорили о совершенно реальных вещах.

– Прости, что я приехал так поздно, – сказал Феликс. – Я хотел приехать с твоим отцом, но в последнюю минуту меня задержали.

– Эдита уже знает причину, – заметил банкир. – Я сообщил ей, что депеша министра требовала немедленного ответа.

– Да, и притом очень обстоятельного, – подтвердил Рональд. – Мне пришлось продиктовать доклад и сделать некоторые дополнения, что заняло довольно много времени. Но

ты простишь это опоздание, Эдита; отчасти оно касалось и тебя.

– Меня? – удивленно спросила Эдита, – не понимаю тебя…

– Ты ведь будешь носить мое имя, и это играло тут известную роль. Надеюсь, ты ничего не будешь иметь против того, чтобы оно звучало «барон Феликс фон Рональд»?

Молодая девушка оживилась и перевела свой изумленный взгляд с жениха на отца. Улыбка последнего ясно говорила, что это обстоятельство ему уже известно.

– Тебе хотят пожаловать дворянство? – воскликнула Эдита.

– Это еще не решено, но я предполагаю. В проведении нового займа встретились некоторые финансовые затруднения, а в моих руках все нити к этому, и я могу воздействовать на крупные банки и финансовые круги Берлина. Если я употреблю свое влияние в этом деле, то это приведет к благополучному решению вопроса о моем дворянстве.

Эдита слушала жениха с напряженным вниманием. В качестве дочери своего отца она понимала толк в подобного рода делах и потому теперь живо спросила:

– Ты сам потребовал его?

– Конечно, не прямо; в таких делах не ставят вопроса ребром и ничего не требуют, но все само собой понятно. Я довольно ясно выразил свое желание и получил такое же неофициальное согласие. Дело почти решено, но пока долж-

но оставаться в тайне. И теперь, может быть, ты поймешь, почему наша помолвка тоже остается тайной до осени. Тогда я принесу моей невесте баронскую корону как свадебный подарок!

Глаза молодой невесты блеснули гордым удовлетворением. Она не была бы истинной дочерью большого света, если бы не ощутила чувства торжества.

– Как тебе угодно, Феликс, – с улыбкой ответила она. – Я вполне подчиняюсь твоим желаниям. Но почему ты сообщил мне об этом сегодня?

– Потому что ты проведешь целое лето вдали от меня, и кто знает, с чем судьба столкнет тебя? Я боялся, Эдита, и желал получить твое согласие до нашей разлуки. За эти три-четыре месяца уладятся все дела. Я хочу официально просить твоей руки уже Феликсом фон Рональдом!

– Ты должна гордиться этим, дитя мое, – с чувством удовлетворенной гордости вмешался отец. – Такое сословное отличие бывает у нас редко.

– Конечно, – согласился с ним Рональд. – Ведь при этом недостаточно успехов прошлого; необходимы также прочные гарантии и на будущее. О, если бы в официальных кругах не было такой необходимости во мне, тогда было бы иначе. Я отлично осознаю, что их заставляет идти на это…

– Как бы то ни было, высший свет признает вас своим, – спокойно произнес Марлов. – Но надо сходить за Вильмой. Пусть она тоже поздравит тебя, Эдита. Она, конечно, ни-

сколько не будет этим удивлена, так как ей известна цель вашего посещения, Феликс.

Когда Марлов вышел, Эдита обратилась к жениху:

– Ты, по-видимому, не придаешь большого значения этому повышению?

– Напротив, даже очень большое, но оно радует меня только за тебя. Меня оно защитит от некоторых враждебных влияний… но это уже касается исключительно меня. Все заботы предоставь мне, пусть они не омрачают твоего блеска.

– Другими словами, ты предоставляешь мне роль великолепного украшения для твоего дома и намерен отдалить меня от серьезной стороны жизни? Феликс, ты, очевидно, совсем не знаешь меня, предлагая мне такого рода роль.

В этих словах слышался упрек, но это не было нежным упреком невесты, требовавшей участия в делах будущего мужа. Услышав эти холодные слова, луч счастья, снова вспыхнувший в глазах Рональда, сразу же потух.

– Я знаю, кем ты можешь быть, – сказал он с вынужденным спокойствием. – Но, в сущности, в том, что ты услышишь, нет ничего нового. Это – старая история зависти, злобы и ненависти к «выскочке», опередившему всех остальных. Открыто никто не посмеет выступить против меня, да я и не посоветовал бы никому делать этого, но скрытая вражда еще опаснее открытой борьбы. Чтобы внушить уважение завистникам, необходимо что-нибудь выдающееся. Дворянская грамота в наших кругах считается высшим знаком от-

личия; ее не дают всякому счастливому спекулянту, а мне она даст еще необходимую поддержку для дальнейших успехов. Если ветер подует в другом направлении, Феликса Рональда можно свергнуть, а барона фон Рональда – не свергнешь. Признание своим уже явится как бы обязательством для высших кругов стать на мою защиту.

Эдита внимала его словам уже с некоторым страхом. До сих пор она видела лишь блестящий путь метеора, при последних же словах жениха ей пришлось заглянуть и в темную бездну, где пресмыкались всякие враждебные силы.

– Я не знала, что под тобой такая шаткая почва, – тихо произнесла она, наконец.

– Пустое! – воскликнул Рональд. – В открытом море всякое судно подвержено качке. Это нисколько не пугает капитана, и он смело вступает в борьбу со стихией. Я знал, что делаю, требуя себе не простое дворянство, а баронский титул. Волей-неволей высшему свету придется согласиться с этим, и совершившийся факт заткнет глотки моим противникам.

Он говорил это тоном победителя, но невеста встретила его слова молчанием. От ее прежнего чувства радости не осталось и следа при мысли о том, каким путем достигается это «отличие» и каким целям оно должно послужить. Да и вообще это было весьма странной темой разговора для первых минут после помолвки. В нем речь шла лишь о ненависти и злобе, о борьбе и бурях, предстоявших впереди. При этом Эдита невольно вспомнила об угрожающих взглядах,

которыми обменялись Рональд и Эрнст, и с ее губ сорвался вопрос:

– Феликс, скажи, что произошло между тобой и этим Раймаром?

При этом неожиданном вопросе по лицу Рональда пробежала молниеносная судорога, но уже в следующую минуту оно приняло холодное, презрительное выражение.

– Раймаром? – повторил он, как бы стараясь припомнить что-то. – Ах, да, ты говоришь о гейльсбергском нотариусе и хочешь знать, что произошло между нами? Я и сам не знаю. У меня нет ничего общего с такими ничтожными людьми. Но ты, по-видимому, готова поставить его на одну ступень со мной… право, это очень лестно для меня!

– Однако ты ведь знал его раньше, – настаивала Эдита, нисколько не смущаясь его пренебрежительного тона. – При встрече с тобой он держал себя как-то враждебно.

– Конечно, я знаю его, – и Рональд снисходительно пожал плечами. – Я начал свою коммерческую карьеру в банкирском доме его отца. Разве ты этого не знала? Да, впрочем, это и не заслуживает внимания. Он лишился состояния и общественного положения и вследствие этого, конечно, и очутился в этом благословенном Гейльсберге. Ну, а я возвысился… разумеется, это является достаточным поводом к тому, чтобы питать бессильную злобу и вражду к лицу, некогда бывшему у Раймаров в подчинении, а теперь занимающему несравнимо высокое положение. Я нахожу это вполне

естественным, но не считаю эту истину достойной внимания.

– По-видимому, ты презираешь Раймара? – медленно произнесла Эдита. – Не слишком ли низко ты его ставишь? По крайней мере, в нем не видно было и следа страха перед тобой; напротив, его поведение было почти вызывающим; а ты… ты как будто считал это в порядке вещей?

Рональд быстрым взглядом окинул невесту, а затем громко рассмеялся, но каким-то нервным деланным смехом.

– У тебя пренеприятная наблюдательность! Неужели ты успела сделать такой исчерпывающий вывод в течение тех двух-трех минут, когда этот нотариус осчастливил нас своим присутствием?

– Они лишь подтвердили мне то, что я уже знала. Я слышала это из его собственных уст.

Последние слова произвели совершенно неожиданное действие. Рональд словно получил пощечину. Он вдруг схватил руку Эдиты и, почти до боли стиснув ее, крикнул:

– И он посмел сказать тебе это? И ты выслушала его? Скажи, что он говорил тебе еще? Отвечай, Эдита! На что он намекал?

Эдита энергичным движением высвободила свою руку и отошла.

– Ты не владеешь собой, Феликс! Опомнись! – воскликнула она, возмущенная его дикой выходкой.

– Ты права, я слишком раздражен. Это следствие переутомления, ведь в последнее время я вынужден был превра-

щать ночь в день, и у меня едва было несколько часов для сна, вот теперь это и сказывается на мне. Но я хочу знать, что Раймар говорил тебе еще? Да вообще, где ты могла вести с ним подобный разговор? Ты ведь видела его здесь в первый раз?

Эти слова Рональд произнес уже спокойнее, но его глаза все еще лихорадочно блестели. Прошло несколько секунд, прежде чем Эдита ответила; какой-то внутренний голос советовал ей не говорить о встрече в лесу, и она уклонилась от прямого ответа.

– Он, конечно, не приехал бы в Гернсбах, если бы знал, что встретится с тобой, – заметила она. – Мы говорили о Штейнфельде, а в связи с этим и о владельце штейнфельдских заводов, и тут он невольно выразил свою неприязнь к тебе. Тогда он и не подозревал, в каких я с тобой отношениях.

Рональд тяжело оперся о спинку кресла, возле которого стоял, и не спускал напряженного взгляда с лица Эдиты, словно стараясь угадать ее мысли.

– Так? Следовательно, это был случайный, ничего не значащий разговор? – спросил он, наконец. – Тем не менее, прошу тебя, чтобы он не повторялся. Ты сама видишь, что тебе, как моей невесте, не следует встречаться с человеком, который откровенно сознается в своем враждебном чувстве ко мне.

– Я вижу лишь то, что ты боишься этого человека! – хо-

лодно возразила Эдита.

– Боюсь? Не я, а он должен меня бояться. Я не привык церемониться со своими врагами, а с этим Эрнстом Раймаром у меня еще старые счеты. Он тогда совершенно исчез, так что я даже не знал, где он; но теперь, если он вздумает встать у меня поперек дороги, то советую ему быть поосторожнее! Я сотру его с лица земли!

Эдиту покоробило от злобного, ледяного взгляда жениха; она почувствовала демоническую волю в человеке, которому согласилась отдать свою руку, увидела, что этот человек, действительно, безжалостно уничтожает все, что попадается ему на пути; теперь она знала его!

Молчание Эдиты напомнило Рональду, как далеко он зашел. Вынудив себя говорить обычным тоном, он спросил:

– Тебя это пугает, дитя? Конечно, ты еще не успела поглубже окунуться в жизнь и потому не знаешь о той ожесточенной борьбе, при помощи которой каждый старается завоевать себе место под солнцем, а я, я слишком хорошо ее знаю. Но теперь ты сама видишь, что не так-то легко, как ты думала, быть поверенной в моих делах.

– Да, теперь я вижу это! – еле слышно проговорила Эдита.

– Однако довольно говорить обо всех этих несносных вещах! – воскликнул Рональд. – Не понимаю, как это мы договорились сегодня до этого? Не будь такой серьезной и холодной, Эдита! Ты дала мне сегодня слово, свою руку и сердце, так позволь, наконец, хоть раз испытать истинное счастье!

Рональд в порыве страсти снова обнял невесту. Хотя Эдита молча и подчинилась его ласкам, но не ответила на них и облегченно вздохнула, когда на пороге комнаты появились ее отец и Вильма.

Наступил вечер. Помолвку решили отпраздновать в самом тесном семейном кругу, но торжественно, и Эдита под предлогом, что хочет переменить туалет, ушла к себе в комнату. Она остановилась у открытого окна и, по-видимому, вовсе не думала о туалете, а мечтательно смотрела в окутанный вечерней дымкой парк, казавшийся каким-то таинственным в тишине умирающего весеннего дня. Итак, жребий брошен, согласие дано, но на хорошеньком личике девушки не было и следа того счастья, которое, казалось, должно было сулить открывавшееся перед ней блестящее будущее. Хотя Марлов был тоже богат и занимал видное положение, но быть баронессой фон Рональд, женой человека, обладающего сказочным богатством, и играть видную роль в высшем обществе было все же слишком заманчиво! Честолюбивая мечта Эдиты Марлов осуществлялась. Она была так пламенно и страстно любима человеком, женой которого согласилась быть! Ей давалось высшее счастье… чего же еще нужно?

Вдруг в туманной дали парка сладкоголосый дрозд запел свою позднюю одинокую песнь. До Эдиты долетели тихие мелодичные звуки и вдруг стихли. После долгого майского дня маленький певец отправился на покой. А у окна на коле-

нях стояла юная невеста и плакала так, как никогда не плакала даже в детстве. В этих горячих слезах отчаяния было ее… «пробуждение»!

8

Промчалось лето, и вместе с сентябрем в свои права начала вступать осень. Гейльсберг вел свою обычную сонливую жизнь, представляя собой полузабытый памятник исторического прошлого, но зато Нейштадт и Штейнфельд заняли во всей округе еще более видное место. Заводы и фабрики работали не переставая, а их владелец Феликс Рональд стремился образовать акционерное общество, которое должно было принять в свою собственность все движимое и недвижимое имущество Нейштадта и Штейнфельда. Планы миллионера начали осуществляться, и это событие произвело большую сенсацию в финансовом мире. Агенты Рональда сновали по всем городам и селам обширного района; газеты, поддерживаемые большими денежными субсидиями, писали впечатляющие статьи о том, как выгодно приобретать штейнфельдские акции. В столичных правительственных кругах также очень благосклонно смотрели на затею богатого Феликса Рональда, сумевшего завести солидные связи.

В это время в Гейльсберге снова появился Макс Раймар. Весной он очень недолго пробыл в родном городе, а затем внезапно уехал и вернулся только теперь; по-видимому, на этот раз он решил осчастливить Гейльсберг более длительным пребыванием. Молодой художник не страдал особенной

обидчивостью; он резко поворачивался спиной только в ту сторону, откуда не мог ожидать для себя никакой выгоды. Несмотря на строгую нотацию, которую ему когда-то прочел Эрнст, обращавшийся с ним с тех пор очень холодно, Макс без всякой церемонии поселился в доме брата и был с ним особенно любезен, так как все еще полностью зависел от него материально.

Надежда молодого художника приобрести миллион женитьбой на богатой невесте рассеялась как дым; он вдруг попал к ней в немилость. В последний раз, когда он приехал в Гернсбах, его вовсе не приняли, а при встрече в Берлине Эдита так холодно отвечала на его вопросы, что у Макса не оставалось и тени сомнения в том, как ничтожны его шансы на успех. Он не имел представления о том разговоре, который произошел у Эдиты с его братом, и был убежден, что перемена в обращении с ним богатой невесты объясняется влиянием ненавистного набоба Рональда.

И действительно, с того дня, как Рональд появился в Гернсбахе, молодая девушка резко изменилась, хотя в дальнейшем поведение Марловых как будто не подтверждало предположения Макса. Большую часть лета Марлов и его дочь провели в Швейцарии, а Рональд оставался в Берлине; тем не менее, художник был убежден, что Феликс разрушил его счастье, и ненавидел «проклятого набоба» всей душой.

– Конечно, бездушную девушку ослепил блеск миллионов, и преданное сердце бедного художника втоптано в

грязь! – трагически восклицал Макс, изливая свое горе перед дядей.

Последний находил, что его племянник совершенно прав, и был очень рад, что существует еще один человек, который ненавидит Рональда в такой же мере, как и он сам. Старик утешал «втоптанное в грязь сердце» тем, что ссужал его обладателя крупными суммами из своего кармана и угощал прекрасным вином в ресторане «Золотой лев». Там родственники громко бранили презренного «выскочку», закрепостившего своими миллионами Нейштадт и Штейнфельд, и старались настроить против Рональда и его предприятий все население Гейльсберга. Нотариус Трейман считал своим нравственным долгом идти против миллионера; он задался целью не допустить, чтобы хоть одна акция нового акционерного общества была приобретена кем-либо из жителей Гейльсберга. Высокомерным штейнфельдцам нужно было показать, что Гейльсберг обладает чувством собственного достоинства и не позволит поработить себя каким-то «выскочкам». Между старым и новым городами возникла страшная вражда. «Нейштадтский листок» и «Гейльсбергский вестник» изливали друг на друга потоки проклятий и предсказывали один другому самое мрачное будущее.

В саду нотариуса Раймара отцветали последние осенние розы. На скамье сидели Эрнст и майор Гартмут, который сильно загорел, но был все так же строен и элегантен, как всегда.

– Видишь, сегодня я поступил по примеру Макса и влетел в твой дом без всяких предупреждений, – смеясь, сказал он. – Но я очень доволен, что сделал тебе сюрприз; по крайней мере, по выражению твоего лица могу убедиться, что я здесь – желанный гость.

– Еще бы! – воскликнул Эрнст с сияющим лицом. – Я никак не ожидал, что ты уже вернулся с маневров.

– Да, они только что окончились. Я воспользовался своим правом на отпуск и явился к тебе в надежде, что ты меня не прогонишь.

– Я страшно рад твоему приезду. Надеюсь, ты захватил с собой парадный мундир? У нас тут будет большое торжество. Здешнее историческое общество празднует свой юбилей, и дядя Трейман вбил себе в голову, что Гейльсберг не должен ударить лицом в грязь. Будет устроен военный парад, и двинется шествие, состоящее из воинов, одетых в мундиры всех времен.

– Таким образом, я буду представителем современности! – смеясь, заметил Гартмут. – Да, кстати, парадный мундир со мной. Я захватил его на всякий случай. Однако скажи мне, Эрнст, что с тобой произошло? Ты улыбаешься, и вообще стал похож на человека.

– Вот это любезно! На кого же я был похож раньше, позволь тебя спросить? Разве не на человека?

– Конечно, нет! Ты постепенно превращался в своей конторе в мумию. Слава Богу, процесс, по-видимому, остано-

вился, и мумия начинает оживать.

Майор был прав. Эрнст заметно изменился; его постоянная усталость исчезла, черты лица прояснились, в глазах появился блеск. От прежнего угрюмого равнодушия не осталось и следа.

– Ты очень помолодел, – продолжал Гартмут. – Что произошло? Может быть, ты избран вице-председателем исторического общества? Какие у вас вообще новости?

– Тебе прекрасно известно, что здесь, в Гейльсберге, не бывает новостей, – уклончиво ответил Эрнст. – Расскажи лучше что-нибудь про себя. Как прошли маневры?

– На этот раз мы изрядно поработали, так что я с удовольствием отдохну несколько недель, чтобы набраться сил и поправиться.

На губах Раймара появилась насмешливая улыбка.

– У тебя, действительно, такой болезненный вид, что тебе необходимо поправиться, – смеясь, заметил он, рассматривая своего друга. – По-видимому, наш Гейльсберг скоро станет настоящим курортом. Макс тоже приехал сюда подкрепить свои силы. Однако не беспокойся, мой брат тебе не помешает; он только сегодня в городе, а живет уже больше недели в Гернсбахе.

– Что же он там делает? Каким образом он попал в Гернсбах? – воскликнул майор.

– Он пишет портрет маленькой Лизбеты. Девочка слишком живого темперамента и не может долго сидеть на одном

месте, а потому Вильма Мейендорф пригласила Макса погостить у нее, дабы он мог воспользоваться каждым удобным моментом для работы… Но что с тобой, Арнольд? Разве приглашение в Гернсбах представляет собой что-нибудь особенное?

– Для меня да! Послушай, Эрнст, прежде чем мы будем продолжать этот разговор, ответь мне откровенно на один вопрос. Твой дядя Трейман говорил мне весной о некоторых брачных планах, с которыми ты тогда не был согласен. Скажи мне искренне: имеешь ли ты виды на молодую вдову? Да или нет?

– Да откуда ты взял это? О моей симпатии к ней никогда не было и речи, а жениться только на деньгах я не способен. Я предпочитаю остаться на всю жизнь нотариусом в Гейльсберге, чем жить на средства богатой жены.

– Я такого же мнения, но если у моей будущей жены случайно окажется состояние, то это обстоятельство не заставит меня отказаться от брака. Я был и останусь солдатом, независимо от того, женился бы ли я на бедной или богатой. Следовательно, у тебя нет никаких видов на Вильму Мейендорф? Я чрезвычайно рад этому, так как сам хотел бы на ней жениться!

– Ты хочешь связать себя браком? – воскликнул Раймар. – Ведь ты всегда уверял, что являешься врагом семейной жизни и признаешь только холостяков.

– Ну, мало ли глупостей приходится иногда наговорить? –

сердито возразил Гартмут. – Вступив в зрелый возраст, я немного поумнел. Маленькая белокурая женщина с большими детскими глазами изменила мой взгляд на брак. Я все лето не мог отделаться от мысли об этой женщине и теперь не в состоянии больше жить без нее. Как только окончились маневры, я примчался сюда. Вот тебе настоящая причина моего внезапного появления!

– От всей души желаю тебе счастья, Арнольд, – сердечно воскликнул Эрнст. – Я знаю, что молодая вдова отклонила много предложений, не желая выходить замуж из-за своей дочери, но, может быть, ты окажешься счастливее других претендентов.

– Лишь бы Макс не вздумал помешать мне! Я в любом случае вышвырну его оттуда, – задумчиво проговорил майор. – Наверное, этот «непризнанный гений» недаром гостит в Гернсбахе. По-видимому, «миллионерша» сорвалась, и он стал скромнее: согласен вместо миллионов получить хорошее поместье, приносящее крупный доход.

– Может быть, ты и прав, – заметил Эрнст. – Я до сих пор об этом не думал, но Максу нельзя доверять в этом отношении. Для него брак – прежде всего выгодное коммерческое дело.

– В таком случае нельзя терять времени, – воскликнул Арнольд. – Поедем завтра же в Гернсбах! Я прозондирую почву и если ваш «гений» действительно осмеливается ухаживать за хозяйкой дома, живо с ним расправлюсь… Решено и под-

писано!

В эту минуту дверь балкона открылась, и в ней показались Макс и Трейман.

– Эрнст, ты слышал новость? – еще издали закричал дядя, поспешно спускаясь с крыльца. – Нет, конечно, ты еще ничего не слышал, иначе не стоял бы так спокойно. Ах, здравствуйте, майор! Как вы очутились в Гейльсберге? Вы приехали из Берлина? Значит, вы-то знаете интересную новость; весь Берлин говорит о ней.

– Что случилось? – удивленно спросил Арнольд.

Эрнст стоял с отрешенным видом, не проявляя ни малейшего любопытства.

– Важное событие! – довольным тоном ответил Макс, который был чем-то так обрадован, что даже не выразил раздражения по поводу приезда ненавистного ему майора. – Я тоже ничего не знал и только от дяди услышал об этой интересной истории.

– Вот она, вот она! – закричал Трейман, потрясая в воздухе объемистой брошюрой. – Она называется «Заклятое золото». Теперь штейнфельдцы узнают, что за субъект их набоб, узнают, что в Гейльсберге живут порядочные люди, которые не позволят, чтобы их водил за нос какой-то бездельник. Они увидят, какую змею пригрели на своей груди.

Гартмут удивленно смотрел то на старика, то на его племянника и с недоумением качал головой.

– Уважаемый господин Трейман, скажите же, в чем дело, –

обратился он к старому нотариусу, – о какой змее вы говорите? Я вижу и вы, и Макс вне себя. Объясните же нам, что случилось?

Трейман вплотную подошел к офицеру и поднес ему брошюру под самый нос.

– Вы умеете читать, майор?

– Немного умею! «Заклятое золото! Предостережение в последнюю минуту!» Кажется, я правильно прочел и все-таки ничего не понимаю.

– Дело касается Рональда! – воскликнул Макс. – В брошюре приводятся интересные факты об этом искателе приключений. Он изображен в настоящем свете. Штейнфельдцы узнают, чего стоят акции этого дутого миллионера. Эта брошюра подействует на них, как удар грома.

– Я давно предсказывал это в «Гейльсбергском вестнике», а «Нейштадтский листок» смеялся надо мной! Посмотрим теперь, до смеха ли будет господам писакам, существующим на деньги Рональда.

– Значит, эта брошюра написана против Рональда? – спросил майор. – Я ничего не знал о ней, да и понятно: я приехал сюда прямо из своего гарнизона. А ты, Эрнст, слышал что-нибудь об этом произведении?

– Нет, подождем, что будет дальше, – равнодушно пожимая плечами, ответил молодой человек и, подойдя к кусту роз, начал ощипывать пожелтевшие листья.

– Ты совсем пропащий человек! – с негодованием вос-

кликнул Трейман. – Так равнодушно относиться к великому событию! Ведь это касается не только нас и Штейнфельда, а всего мира. Здесь затронут моральный вопрос, а ты стоишь как чурбан и спокойно цедишь сквозь зубы: «Посмотрим, что будет дальше!»

Эрнст не возразил ни слова.

Майор, перелистав брошюру, посмотрел на подпись.

– Автор неизвестен, – проговорил он, – статья подписана псевдонимом «Veritas»[3].

– Ну, мы-то узнаем, кто этот автор! – живо воскликнул нотариус. – Во всяком случае, это очень смелый человек, заслуживающий орден за храбрость! Он поражает дракона в самую пасть. Как точно подобраны слова: «Все падают ниц перед этим кумиром маммона»[4].

Услышав эту фразу, майор вздрогнул и быстрым взглядом окинул своего друга, между тем как тот продолжал стоять у роз, повернувшись спиной к собеседникам.

– Как горячо, искренне написана эта статья! – продолжал восхищаться Трейман. – Лучшие выдержки я прочел Максу, и он в полном восторге от брошюры.

– Великолепно написано! – подтвердил Макс, очень довольный тем, что изобличен «нарушитель его счастья».

– Оставьте мне на несколько часов эту книжку, – каким-то странным тоном попросил старика майор. – Я интересуюсь

---

[3] Истина.

[4] Маммона, маммон – бог богатства и наживы у древних сирийцев.

брошюрой больше, чем мой приятель Эрнст.

– С удовольствием, с большим удовольствием! У доктора есть еще один экземпляр, который передается из рук в руки по всему Гейльсбергу. Кроме того, я сейчас выписал из Берлина еще десяток экземпляров. Эту книгу нужно распространить среди народа, чтобы все познакомились с ее содержанием. Пойдем, Макс, и выпьем бутылочку самого лучшего вина за здоровье автора брошюры, этого смелого человека! Да здравствует автор на многие лета!

Старый нотариус сиял от счастья. Он взял под руку тоже чрезвычайно довольного Макса и направился с ним в ресторан.

В саду воцарилась полная тишина. Эрнст все еще стоял у куста роз, а майор не спускал с него пристального взгляда.

– Почему же ты не поблагодарил своего дядю? – наконец произнес он, подходя ближе к молодому человеку.

– За что? – удивленно спросил Эрнст.

– За то, что он называет тебя смельчаком, и пошел пить за твое здоровье!

– Что ты выдумываешь, Арнольд?..

– Ах, так ты и передо мной желаешь играть комедию? – перебил его майор. – «Все падают ниц перед этим кумиром маммона»! Разве это не твои собственные слова, которые ты произнес, когда мы возвращались из Гернсбаха? Так вот почему ты все время торчал то в Штейнфельде, то в Нейштадте! Ты собирал там материал для своей брошюры. А я-то

оплакивал тебя, что ты превращаешься в мумию, выполняя изо дня в день неинтересную канцелярскую работу. Тебе не стыдно было скрывать от меня правду?

– Ты сегодня вечером узнал бы об этой истории, – спокойно ответил Эрнст. – Дело обстоит гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Мне придется вести борьбу с необычным противником. Я ставлю на карту вопрос жизни. Рональд пользуется громадным влиянием в тех кругах, которые здесь затронуты. Он не остановится ни перед чем, чтобы уничтожить меня. Да иначе и не может быть. Если бы он пощадил мою особу, то погиб бы сам. Между нами идет борьба не на жизнь, а на смерть.

– Но ты, конечно, не начал бы этой игры, если бы в твоих руках не было всех козырей? Ведь правда на твоей стороне?

– Несомненно! Но вопрос в том, поверят ли моей правде? Рональд пустит в ход все средства, чтобы очернить меня в глазах общества. Все, что может быть для него опасно, заранее будет подкуплено или уничтожено. Если бы не безумные деньги, разве он в состоянии был бы приобрести такую власть в Штейнфельде? Там про него знают много весьма нелестных вещей, но никто не смеет громко высказать то, что ему известно.

– Да, и до меня доходили кое-какие слухи, но они скоро утихли! – подтвердил майор.

– Потому что Рональд сумел заставить молчать общественное мнение. Пока дело касалось его одного и его при-

ятелей, – людей, таких же богатых, как и он сам, – можно было не вмешиваться, оставаться в стороне. Но теперь, когда несчастные бедняки вкладывают последние гроши в дутые предприятия Рональда, было бы преступлением не предостеречь их, дать им погибнуть! Еще весной, в то время, когда Рональд разрабатывал проект своего акционерного общества, я принялся за свою работу.

– «Заклятое золото», – прочел майор еще раз заглавие брошюры. – Уже одно это заглавие звучит обвинением. Но скажи, пожалуйста, почему ты не подписался под статьей своим именем? Ведь рано или поздно, а тебе придется открыть свой псевдоним.

– Я и не думаю скрываться! – твердо ответил Эрнст. – Неужели ты думаешь, что я способен исподтишка напасть на врага? Мне нужно было на время скрыть, кто именно автор брошюры, для того чтобы она произвела более сильное впечатление.

– Для чего же тебе понадобилась эта тайна?

– Потому что я – сын своего отца. Статья за моей подписью сразу бы потерпела поражение. Невольно возник бы вопрос: кто такой этот Эрнст Раймар? «Ах, это сын банкрота, похитившего чужие деньги и пустившего себе пулю в лоб для того, чтобы избежать правосудия! Как же он смеет проповедовать честность, как смеет обливать грязью Рональда, когда у самого имя запятнано?» Наверное, так сказала бы толпа, и никто не стал бы читать мою брошюру.

Голос Эрнста дрожал от волнения, и Арнольд не мог не согласиться, что его друг прав.

– Да, пожалуй, твое предположение верно, – тихо пробормотал он. – Ты уверен, что твоя тайна не раскроется?

– Безусловно, действие моей статьи превзошло все ожидания. Мой издатель писал мне из Берлина, что брошюра нарасхват. Ею заинтересовались и весь финансовый мир, и печать, и публика. Теперь уже ничто не может помешать ее распространению. Рональду придется защищаться, и как только он выступит открыто, я сейчас же назову себя.

– Опять на сцену всплывет несчастная история с твоим покойным отцом! – воскликнул майор. – Ты снова начнешь мучиться и волноваться. Будь уверен, что тебя не пощадят в этом отношении.

– Я знаю, – спокойно ответил Эрнст, – Рональд настроит против меня всю прессу. Память моего отца будет запятнана. Но что делать? Я все это взвесил, когда писал статью. Теперь жребий брошен – я стою на поле битвы.

Эрнст гордо выпрямился. Вся его фигура и лицо выражали непреклонную волю, безграничную энергию.

– Ну, вот, теперь ты опять стал прежним Эрнстом! – радостно заявил Гартмут, – Каким бы ни был исход борьбы, я все же благословляю ее, так как она вернула мне моего друга. Однако дай же мне твою брошюру, я горю нетерпением прочесть ее.

– Изволь, читай ее наедине, – улыбаясь, сказал Эрнст. – Я

должен непременно сегодня же отправить письмо в Берлин, а потому оставляю тебя. Через час я вернусь и тогда услышу твое мнение о моей статье.

Прошло более часа, а Арнольд все еще сидел на одном месте, погруженный в чтение. Внимательно прочитав статью до последней строки, он закрыл, наконец, книгу и тихо произнес:

– Однако, черт побери! – Достав из кармана платок, он вытер влажный лоб. – Подумать только! Эрнст десять лет просидел в этом медвежьем углу и не только не уподобился всем здешним филистерам, а написал такую огненную статью, такую пламенную речь, что от Рональда и других грабителей только клочья полетят! Какие смелые обвинения бросает он в лицо этому миллионеру! Да, господа денежные тузы, придется вам выслушать горькую правду! Интересно, что вы скажете в свое оправдание! – Арнольд взволнованно вскочил с места и начал быстро ходить взад и вперед по дорожке. – Воображаю лица дяди Треймана и других гейльсбергцев, когда они узнают, кто автор чудесной брошюры! Да, Эрнст недолго проживет в этом историческом гнезде. Теперь перед ним открыта широкая дорога! О, он далеко пойдет, вспомните слова Арнольда Гартмута. Да здравствует Эрнст! – вдруг громко закричал майор.

– Ура, дядя Арнольд! – внезапно отозвался звонкий детский голос, и с крыльца балкона быстро сбежала маленькая Лизбета.

Она размахивала в воздухе соломенной шляпой и заразительно смеялась.

– Откуда ты взялась, шалунья? – радостно воскликнул майор, поднимая девочку на руки. – А твоя мама тоже здесь?

– Да, мама сидит в конторе у нота…ри…уса! – с трудом выговорила Лизбета. – Дядя Эрнст послал меня к тебе в сад, а потом придет сюда с мамой. Как я рада, что ты приехал!

– И я тоже очень рад! – с чувством ответил Арнольд и, опустившись на скамейку, посадил девочку к себе на колени.

– Ты знаешь, с меня пишут портрет, – с гордостью заявила Лизбета. – Это будет большая красивая картина. Я одета в белое платье и у меня в руках большой букет цветов.

– Да, я знаю об этом. Твой портрет пишет Макс Раймар. Ты любишь это «восходящее светило», Макса?

– Вовсе нет! – решительно ответила Лизбета, сердито надув губки. – Он все хочет быть с мамой; говорит только с ней. Со мной он никогда не играет. Ужасный дурак!

– Как ты хорошо понимаешь людей, моя крошка! – восторженно воскликнул майор. – Неужели Макс разговаривает с мамой даже в то время, когда пишет твой портрет?

– Да, постоянно, и притом делает такие страшные глаза! – Лизбета закатила глаза вверх, желая сделать их похожими на мечтательный взор художника.

– Подумай, какой урод! Но не беспокойся, я живо сверну голову этому дураку! – сердито проговорил Арнольд, совершенно позабыв в эту минуту о присутствии Лизбеты.

– Нет, нет, – серьезно остановила майора девочка, – не делай этого, а то он не окончит моего портрета.

– Я сам его окончу, – нисколько не смущаясь, заявил майор, – этот глупый Макс нам совершенно не нужен. Ты увидишь, как он вылетит из вашего дома.

Лизбета искоса взглянула сначала на Арнольда, как бы не доверяя его художественному таланту, но при словах майора, что Макс вылетит из их дома, звонко рассмеялась, так как живо представила себе эту картину.

Через десять минут Арнольд и Лизбета играли в очень интересную игру. Девочка, вооружившись палкой, маршировала перед майором, прекрасно выполняя его команды. Гартмут был восхищен успехами своей ученицы и все время повторял:

– Молодец, Лизбета!.. Тебе непременно следовало бы быть дочерью военного!

Оба были так заняты игрой, что не заметили, как Вильма Мейендорф в сопровождении Эрнста вышла на балкон.

– Что это, Арнольд? Ты обучаешь нового рекрута? – смеясь, спросил молодой нотариус.

– Ах, простите! – вспыхнув, воскликнул майор. Вильма улыбнулась. Извинение было излишним; какая мать не чувствует радости, когда ее ребенку доставляют удовольствие?

– Мама, – закричала Лизбета, подбегая к Вильме, – дядя Арнольд говорит, что мне следует быть дочерью военного! Почему я не дочь военного?

Молодая женщина покраснела до ушей, а от страстного взгляда майора еще больше засмущалась. К счастью, Эрнст поспешил на помощь хорошенькой вдове.

– Лизбета, – обратился он к девочке, – ты ведь не видела еще наших котят. Пойдем, я покажу их тебе; они живут в беседке. Можешь поиграть с ними, если хочешь. Итак, – он повернулся к Вильме, – я напишу новый арендный договор и доставлю вам лично в Гернсбах. А теперь, простите, я должен написать деловое письмо. Арнольд, займи нашу гостью до моего возвращения. Через полчаса я к вашим услугам.

С последними словами Эрнст взял Лизбету за руку и повел ее в беседку. Майор благодарным взглядом посмотрел вслед приятелю. Он был счастлив, что остался наедине с «маленькой белокурой женщиной с большими детскими глазами».

Раймар подошел к окну гостиной и выглянул в сад. Снизу доносился звонкий смех Лизбеты, игравшей с котятами, а за кустом роз виднелись светлое платье молодой женщины и стройная фигура Гартмута. Грустная улыбка скользнула по лицу Эрнста; быстро повернувшись, он подошел к письменному столу. Одно время весной он тоже осмелился мечтать о личном счастье, но эта мечта быстро рассеялась. Теперь ему предстояла лишь борьба, а счастье далеко-далеко улетело от него навсегда.

9

– «Заклятое золото»! Странное заглавие! – говорили люди, беря в руки брошюру, но с первой же страницы внимание читателя напрягалось до последней степени.

Речь шла о человеке, которого все знали. Феликс Рональд был известен каждому, на него смотрели как на волшебника. Все, к чему он касался, превращалось в золото. Он вынырнул неизвестно откуда и в самое короткое время прогремел не только в своей округе, но и во всем государстве. Успех следовал за успехом. Богатство его росло не по дням, а по часам.

Первое начинание Рональда – открытие заводов в Штейнфельде – принесло ему миллионы, и мало-помалу весь промышленный мир преклонился перед новым финансовым магнатом. Акционерное общество уже принимало грандиозные размеры, и тут вдруг появилась брошюра «Заклятое золото» с ужасными разоблачениями. На публику эта статья подействовала, как удар грома. Оказалось, что все предприятия миллионера не только не приносили никаких доходов, но заводы уже несколько лет терпели убытки. Чтобы вернуть себе затраченный капитал, Рональд и придумал акционерное общество, которое должно было разорить всех акционеров. Лица, компетентные в делах миллионера, конечно, знали истинное положение вещей, но не решались говорить правду

из боязни за собственную шкуру.

Однако явился смелый человек, который не побоялся пойти против Рональда. Кто он такой? Этого никто не знал! «Заклятое золото» было написано прекрасным слогом; казалось, не книгу читаешь, а слышишь с трибуны пламенного, красноречивого оратора. Статью приписывали поочередно самым известным, талантливым журналистам, но все они скромно отклоняли незаслуженную славу.

Рональд не сразу ответил на предъявленное ему обвинение. Прошло больше недели, прежде чем он решился выступить. Само собой разумеется, миллионер признал эту статью сплошной клеветой. Какой-то аноним, боявшийся открыть свое имя, старался запятнать его честь, но он не считал нужным давать объяснения по поводу анонимного обвинения!

Шум, вызванный брошюрой в столице, нашел отклик и в Гернсбахе. Вильма Мейендорф, конечно, знала о помолвке, состоявшейся у нее в доме, но для всех других это было тайной. Только в октябре об этом должны были объявить официально, и вдруг в конце сентября разразилась гроза. Вильма прочла в газетах о нашумевшей брошюре и сочла нужным сообщить об этом Эдите, которая продолжала жить в Интерлакене, несмотря на то, что ее отец уже давно вернулся в Берлин.

Вместо ответа на свое письмо молодая вдова получила от кузины телеграмму, в которой Эдита объявляла, что по пути в Берлин заедет в Гернсбах. Вильма была очень удивлена, но

легко объяснила себе причину приезда двоюродной сестры: Рональд находился в Штейнфельде и, вероятно, условился со своей невестой встретиться в Гернсбахе, который был очень близко от Штейнфельда.

Теперь обе родственницы сидели на террасе, но настроение их было далеко не такое, как весной. Хотя Эдита держалась с полным самообладанием, говорила спокойным тоном светской женщины о своем путешествии и разных незначительных мелочах, но происшедшая в ней перемена резко бросалась в глаза. Ее лицо казалось бледным и утомленным, как у человека, проведшего много бессонных ночей. Несмотря на то, что она легко поддерживала разговор, нетрудно было заметить, что ее мысли витают где-то далеко. Вильма чувствовала себя очень неловко; ей очень хотелось узнать у сестры о цели ее приезда, но она не решалась заговорить на эту тему.

– А ты меня еще не спросила, что означает мой неожиданный визит! – вдруг сказала Эдита. – Впрочем, ты, вероятно, сама догадалась?

– Да, мне кажется, я догадываюсь, – неуверенно ответила Вильма. – Я не хотела в первый же день твоего приезда надоедать тебе с расспросами. Ты, конечно, условилась встретиться здесь с Рональдом?

– Нет, мы ни о чем не договаривались, – резко возразила Эдита. – Он, разумеется, знает, что я здесь. Я послала ему письмо, и он приедет сюда, если будет свободен.

Вильма удивленно взглянула на девушку. Если в Гернсбахе свидание не намечалось, то почему же Эдита приехала к ней?

– Я должна сообщить тебе, что жду сегодня нотариуса Раймара, – продолжала Эдита. – Надеюсь, ты позволишь мне принять его одной? У меня есть к нему дело…

– Да, нотариус Раймар должен сегодня приехать ко мне; он привезет мне новый арендный договор! – заметила Вильма.

– Нет, он приедет исключительно ради меня, – настойчиво повторила Эдита, – я назначила ему свидание. Пожалуйста, позаботься о том, чтобы никто не помешал нашему разговору.

– Ты, вероятно, хочешь посоветоваться с ним по поводу злополучной брошюры? – спросила молодая женщина, которая никак не могла понять, для чего понадобился ее двоюродной сестре скромный нотариус – Раймар, конечно, может быть тебе полезен. Он – юрист, его хорошо знают в Штейнфельде. Жаль только, что ты сама почти незнакома с ним…

– Предоставь уж это дело мне, – недовольным тоном прервала ее Эдита. – Мне нужно только кое-что узнать у Раймара, и я не сомневаюсь, что он ответит на мои вопросы… вынужден будет ответить! Ты не беспокойся, наш разговор будет коротким.

Молодая девушка встала, подошла к перилам террасы и начала ощипывать листья виноградника. Рука ее заметно дрожала и во всем облике чувствовалась скрытая тревога.

Вильма последовала за гостьей и, наконец, решилась заговорить о том, что ее интересовало больше всего.

– Ты, конечно, читала статью «Заклятое золото»? – смущенно пробормотала она.

– Да, отец прислал мне эту брошюру. Ты тоже ее видела?

– Да, мне давал читать нотариус Трейман. Эдита, скажи, ради Бога, что все это значит? Что думает делать Рональд? Ведь это – ужасно!

– Рональд, конечно, не станет молчать! – глаза Эдиты гневно сверкнули. – Он не замедлит ответить автору статьи так, как тот заслуживает.

– Рональд объявил, что не считает нужным объясняться с противником, трусливо прикрывающимся псевдонимом! – проговорила Вильма.

– Да, на анонимную клевету не принято отвечать, – насмешливо заметила молодая девушка, – но автора возмутительной брошюры можно будет заставить открыть свое настоящее имя. Вот едет какой-то экипаж. Нотариус Раймар педантично точен.

К подъезду дома действительно подъезжала открытая коляска. Вильма тоже посмотрела вниз.

– Да, да, это он, – подтвердила она, – и, мне кажется, рядом с ним сидит Гартмут, – молодая женщина быстро отвернулась, чтобы скрыть смущение.

Однако это было напрасно, так как Эдита все равно не видела двоюродной сестры. Она слегка подалась вперед и, сжав

губы, мрачно смотрела на Эрнста, как бы ожидая появления смертельного врага.

– Ах, это майор Гартмут, – равнодушно сказала она, – тем лучше! В таком случае тебе нетрудно будет найти предлог для того, чтобы оставить меня вдвоем с Раймаром.

Через несколько минут приезжие вошли в гостиную, где их встретили обе дамы. Эрнст с холодной вежливостью поклонился девушке как малознакомой особе. Что касается майора Гартмута, то, увидев Эдиту, он выразил крайнее удивление. Ему сказали, что девушка, возвращаясь домой, заехала навестить двоюродную сестру, и он вполне удовлетворился этим объяснением. Поговорив немного, Вильма предложила майору посмотреть ее лошадей, которых она недавно купила. Арнольд с большим удовольствием согласился на предложение хозяйки дома и с сильно бьющимся сердцем последовал за ней.

Эдита и Раймар остались одни. Эрнст проводил приятеля до дверей и вернулся обратно, но не сел на прежнее место, а остановился перед девушкой, с печальной строгостью смотревшей на него. Она, конечно, заметила, как сильно изменился Эрнст за последние месяцы: в нем появилось что-то новое – какая-то сила и уверенность.

– Я получил ваше письмо, – начал Раймар, – вы приказали мне явиться сюда, и я поспешил исполнить ваше желание. Чем могу служить?

– Я хотела задать вам один вопрос, – ответила Эдита. –

Может быть, вы захотите удовлетворить мое любопытство, а, может быть, и нет, во всяком случае, я прошу вас быть со мной вполне искренним. Вы, конечно, знаете о выходе в свет брошюры «Заклятое золото», о которой так много говорят в последнее время?

– Да.

– Может быть, вам знаком и автор этого произведения?

– Да, я его знаю!

Эдита вздрогнула; она никак не ожидала, что последует такой быстрый утвердительный ответ.

– В таком случае я должна сообщить вам, что ни одной минуты не сомневалась в том, кто написал «Заклятое золото»! Автор этой статьи – Эрнст Раймар.

– Совершенно верно! – холодно заметил молодой человек. – Я нисколько не собираюсь отрекаться от своей брошюры. Вероятно, вы пожелали говорить со мной об этой книге лишь потому, что она касается господина Рональда?

Эдита колебалась несколько секунд, а затем ответила задыхающимся голосом:

– Да, только потому! В этом нет ничего удивительного, так как я – невеста Феликса Рональда.

Эрнст, по-видимому, не был удивлен. Он давно предполагал это, с того самого дня, когда Рональд появился в Гернсбахе; только его лицо слегка побледнело, когда он услышал это известие из уст самой Эдиты.

– Следовательно, я в ваших глазах являюсь преступни-

ком? – спокойно спросил он. – Что делать!.. Видно, самой судьбой предназначено, чтобы мы были врагами. На этом основании я и не решался беспокоить вас своим присутствием. Но вы сами пожелали меня видеть.

– Я хотела убедиться в своем предположении, хотя, собственно, и не сомневалась в нем, – заметила Эдита, вставая с места. – Вы сдержали свое слово – признались мне, что считаете Феликса Рональда своим врагом, и сумели напасть на него с изумительной ловкостью. Вы прекрасно вооружены.

– Нельзя начинать борьбу без оружия в руках, – возразил Эрнст, как бы не замечая презрительного тона девушки. – Я думаю, что господин Рональд тоже вооружится соответствующим образом.

– Против кого? – с ненавистью спросила Эдита. – Против какого-то анонимного врага, который трусливо прячется в темноту, которого нет достаточно мужества для того, чтобы подписаться под своим обвинением! Честные враги так не поступают. Господин Рональд прав, говоря, что автор брошюры своим анонимом сам осудил себя.

На этот раз Эрнст и Эдита как будто поменялись ролями, Раймар был невозмутимо спокоен, тогда как девушка все больше и больше волновалась.

– Вы заблуждаетесь, – холодно ответил Эрнст. – По очень важным соображениям я не хотел объявлять сразу, кто автор статьи, но ни одной минуты не думал скрывать свое имя. В вечерних газетах будет сказано, что брошюра написана

мной. Что касается господина Рональда, то он уже давно знает, кто именно выступил против него.

Удар, нанесенный Эдитой, был отражен, но девушка облегченно вздохнула, точно ответ Раймара снял с ее души камень.

– Я этого не подозревала, – смущенно пробормотала она. – Дальнейший разговор по этому поводу будет излишен; очень сожалею, что побеспокоила вас.

Раймар низко поклонился и сделал несколько шагов к двери, но обернулся и встретился со взглядом девушки, заставившим его остановиться.

– Позвольте мне сказать еще одно слово! – взволнованно проговорил он.

– Мне кажется, что между нами уже все сказано! – холодно ответила Эдита.

– Мне хочется предостеречь вас. Вы не знаете того человека, которому вручаете свою судьбу. Вас ослепил успех господина Рональда точно так же, как и вашего отца, и всех вокруг! Вы представляете себе не настоящего Рональда, а кого-то другого, даю вам слово, что в моей статье он изображен точно. Неужели же вы отдадите в его руки свое счастье, свое будущее?

– Вы – враг Рональда, – с горечью возразила Эдита, – а потому придирчивы к нему, слишком сгущаете краски. Возможно, что некоторые его поступки не согласуются с общепринятыми правилами обыденной морали, но не забывайте,

что это – Феликс Рональд, к нему должна быть применима другая мерка, а не такая, как для всех остальных. Вы видите в нем только спекулянта…

– Нет, нет, – живо остановил Эдиту Эрнст, – я нисколько не умаляю таланта своего противника. Я признаю его необыкновенный ум, энергию, но в нем есть что-то сатанинское, служащее во вред ему самому… Берегитесь!.. Берегитесь демона, сидящего в Рональде.

Легкий трепет охватил тело девушки. Ей вспомнились слова самого Феликса, который говорил ей, что в нем сидит какая-то сверхъестественная сила, заставляющая его иногда поступать не так, как он хотел бы. Она вдруг увидела перед собой злобный взгляд жениха, в ее ушах прозвучал его грозный голос, когда он объявил, что уничтожит врага, который осмелится встать на его пути. Да, в Феликсе Рональде было что-то страшное. Но теперь уже поздно было отступать от данного слова.

– Вы забываете, что говорите о моем женихе! – воскликнула Эдита. – Я уже отдала ему свою руку.

– И сердце? – чуть слышно спросил Эрнст.

Эдита промолчала. Она хотела ответить утвердительно, чтобы закончить этот разговор и избежать испытующего взгляда своего собеседника, но слова неправды не могли сорваться с ее уст.

– Эдита! – воскликнул Раймар, подходя ближе к девушке. – Не сторонитесь меня так. Я буду говорить с вами не о

себе. Я давно потерял всякую надежду на вас, потерял с того момента, когда сделал тот шаг, которого вы никогда мне не простите. Но я исполнил свой долг. Может быть, Рональд выйдет победителем в борьбе со мной – у него много данных для этого: в его руках деньги и много приятелей, связанных с ним материальными интересами, я же совершенно одинок. Но, как бы ни окончилось дело, я показал свету настоящего Рональда, сделал то, что приказывала мне моя совесть. Эдита, вы тоже знаете теперь, каков Рональд. Умоляю вас, не ради меня, а ради вас самой, откажитесь от своего жениха, потребуйте, чтобы он вернул вам ваше слово. Верните себе свободу во что бы то ни стало!

– Нет! – решительно ответила девушка, не поднимая на Эрнста глаз. – Я дала слово Рональду, когда он стоял на недосягаемой высоте. Он любит меня, кладет к моим ногам все, что имеет, все, чего достиг, и я приняла все это, как принадлежащее мне по праву. Неужели же теперь, когда на Феликса обрушилось несчастье, когда он может упасть с высоты, потерять все, что имел, – я первая откажусь от него и оставлю его в бедности и позоре? Нет, я это не могу сделать! Если бы вы знали меня лучше, то ни одной минуты не сомневались бы в моем ответе!

– Да, я этого боялся! – прошептал Раймар.

– Прекратим этот разговор. Нам вообще больше нечего сказать друг другу. Уходите! – приказала Эдита.

Эрнст повиновался. Он скользнул взглядом по прекрасно-

му, гордому лицу девушки, и, опустив голову, молча вышел из комнаты. Эдита осталась одна; она стояла неподвижно, глядя горестным взглядом на захлопнувшуюся дверь. Там, за этой дверью, навсегда скрылось ее счастье!

10

В то время как Эрнст с глубокой болью в душе уходил из дома, Гартмут вел по парку к зеленой беседке Вильму, свою будущую жену. Он не собирался сегодня делать ей предложение – слишком недавнее знакомство не давало ему еще права на это, – он еще только собирался прозондировать почву, но объяснение в любви как-то невольно сорвалось с его уст прежде назначенного времени. Сидя рядом с молодой женщиной, глядя в ее большие ясные глаза, майор все забыл и открыл ей свое сердце.

Вильма ничего не ответила; она молча протянула красивому офицеру руки, и он, жадно схватив их, обнял молодую женщину.

Лизбета играла во дворе с дочерью арендатора и, вернувшись домой, узнала, что к ним приехали гости из Гейльсберга. Нотариус Раймар интересовал девочку очень мало, но к майору она чувствовала глубокую симпатию. Когда ей сказали, что мама пошла с гостем в парк, она понеслась по аллее прямо к беседке, так как знала, что это любимый уголок ее матери. Еще издали она услышала голоса и радостно бросилась к беседке, но у входа остановилась, раскрыв от удивления рот. На скамейке сидел дядя Арнольд, обнимая и целуя ее маму, а мама не сопротивлялась.

– Что это? – громко воскликнула девочка. Влюбленные от

неожиданности вздрогнули.

– Ах, вот она, наша Лизбета! – смеясь, сказал майор. – Вильма, мы ведь должны попросить согласия на наш брак у этой маленькой особы.

– Ради Лизбеты я не хотела выходить вторично замуж, – тихо прошептала молодая вдова, – но когда увидела тебя впервые, Арнольд, в тот момент, когда ты спас мою девочку от смертельной опасности и держал ее на руках, то решила, что за такого человека можно выйти. Ты ведь будешь любить Лизбету?

– Еще как! Подойди ко мне, крошка, – обратился майор к изумленной девочке. – Тебе ведь хотелось быть дочерью военного. Если я женюсь на твоей маме, ты будешь моей дочерью, дочерью военного. Ты согласна, чтобы я был твоим папой?

Эта речь произвела на Лизбету прекрасное впечатление. Она вспомнила, как маршировала недавно под командой дяди Арнольда, как весело кричала «ура», и нашла, что теперь самый подходящий момент для того, чтобы снова крикнуть «ура». Она сняла свою шляпку и, размахивая нею обеими ручонками, радостно закричала:

– Ура, новый папа Арнольд, ура, мама!

– Вот это так девочка! – восхищенно воскликнул майор. – Второй такой девочки не встретишь во всем мире! Ура, Лизбета, ура, моя маленькая дочурка! – и Гартмут, подняв девочку, осыпал ее поцелуями.

Эту семейную сцену прервало сообщение о приезде Треймана.

– Опять этот старик выкопал какую-то историческую новость! – недовольным тоном заметил майор. – А я вовсе не настроен на историю. Нельзя ли не принять его, Вильма?

– Но ведь я сама пригласила его к обеду, – ответила молодая женщина. – Конечно, я тогда еще не знала о приезде Эдиты и не предполагала, что случится еще одно событие! – прибавила она, лукаво взглянув на жениха. – Мы с Лизбетой пойдем в гостиную, а ты приходи через полчаса. Не следует сразу сообщать о нашей помолвке.

Арнольду не хотелось оставаться одному, но он исполнил приказание невесты, только вынул часы, чтобы не потерять ни одной лишней минуты.

Вдруг на одной из дорожек показался Макс Раймар, вошедший в парк со стороны двора. Молодой художник был чем-то очень озабочен. Эдита вчера почти не говорила с ним и вообще ясно показала, что он продолжает находиться у нее в немилости. Правда, он перестал сокрушаться по поводу «бессердечности» миллионерши, но ее приезд нарушал гернсбахскую идиллию, и Максу трудно было в присутствии Эдиты разыгрывать роль влюбленного в Вильму.

– Ах, здравствуй, Макс, – приветствовал его майор. – Где это ты пропадал все утро?

– Был в лесу. Проснулся со страшной головной болью и потому не мог выйти к завтраку. Боюсь, что моя головная

боль затянется. Я думаю вернуться с вами и Эрнстом в Гейльсберг. Все равно я не могу работать в таком состоянии. Дня через два я снова приеду в Гернсбах.

– Бедный, как мне тебя жаль! – с участием сказал Арнольд. – Ты думаешь уехать как раз в то время, когда здесь гостит такая интересная особа? Она ведь останется здесь всего два дня, и, следовательно, ты не увидишь ее. Как вообще обстоит дело с твоим браком с миллионершей? Ты теперь совершенно не говоришь о нем!

Макса взбесил этот вопрос, но он ни за что не хотел показать, что слова майора задели его.

– Не напоминайте мне об этой глупой истории! – ответил он равнодушным тоном. – Кто из нас не поддавался увлечениям? Я вовремя опомнился и выбил из головы пустую фантазию. Теперь я вращаюсь вокруг другой звезды, может быть, менее блестящей, но зато более доступной для меня.

– Макс, да ты стал совсем поэтом! Я уже давно замечаю, что ты ударился в поэзию. Кто же она такая, эта новая звезда? вероятно, хозяйка Гернсбаха? Что ж, Гернсбах – прекрасное имение; хотя оно стоит и меньше миллиона, но быть обладателем Гернсбаха тоже недурно! Ты опять охотишься за богатой невестой?

Художник недоверчиво посмотрел на Гартмута. Майор был известный насмешник. Он способен был выболтать о его планах Вильме и выставить его корыстным человеком.

– Я не думаю ни об имении, ни о деньгах, – с горячностью

возразил художник. – На этот раз я люблю глубоко и серьезно, и не считаю нужным, скрывать перед кем бы то ни было свое чувство. Да, я люблю владелицу Гернсбаха, боготворю ее!

На губах майора задрожала улыбка, но он подавил ее и, подойдя к Максу, дружески хлопнул его по плечу.

– Браво! Я вижу, что «в потухшем вулкане твоего сердца» расцвел роскошный цветок любви. Ты боготворишь Вильму Мейендорф – это прекрасно, но твоей женой она не будет никогда!

– Это почему? – раздраженно спросил художник.

– Потому что она выходит замуж за меня!

Макс вздрогнул и изумленно посмотрел на Арнольда.

– Вы шутите, майор…

– Нисколько не шучу. Час тому назад я сделал Вильме предложение и получил ее согласие. Скоро будет наша свадьба. Ты, конечно, будешь приглашен. Можешь, если хочешь, разрисовать меню свадебного обеда.

В своем счастливо-эгоистичном настроении Арнольд нисколько не пощадил бедного Макса, а тот продолжал растерянно смотреть вокруг, все еще не понимая, шутит ли майор или говорит правду.

– Вы женитесь на вдове Мейендорф? – злобно проговорил он, наконец, убедившись, что Гартмут говорит серьезно. – Так вот для чего вы приехали в Гейльсберг, для чего втерлись в этот дом!..

– Осторожнее, Макс! – грозно остановил его майор, – до сих пор я щадил тебя лишь потому, что ты – брат моего друга, но если ты позволишь себе употреблять оскорбительные выражения, то даже моя любовь к Эрнсту не защитит тебя от поединка.

Он подошел к художнику настолько близко, что тот робко попятился назад, после чего задорно и вместе с тем трусливо воскликнул:

– Оставьте меня!.. Я не хочу больше оставаться в доме, где так безжалостно осмеивают истинное чувство. Я сейчас же ухожу.

– Но раньше ты должен взять обратно свое оскорбительное выражение. Ты не имеешь права говорить: «Втерлись в этот дом». Такие люди, как я, не «втираются». Сейчас же откажись от этих слов, иначе завтра рано утром мы будем драться.

Макс питал отвращение ко всякому оружию, и мысль о поединке заставила его внутренне затрепетать. Но он постарался с честью выйти из неловкого положения. Закрыв руками лицо, он глубоко вздохнул и скорбно произнес:

– Вы хотите, чтобы человек, близкий к отчаянию, выбирал подходящие выражения? Вы видели, как меня сразила объявленная вами новость. Конечно, я выразился неудачно и беру эти слова обратно.

– Прекрасно, я вполне удовлетворен, – заметил Арнольд, окидывая Макса презрительным взглядом. – Вместе с тем

покорнейше прошу тебя не изображать отчаяния и перестать вздыхать, когда вопрос касается моей невесты. Ей нет до тебя никакого дела, и я требую, чтобы ты вел себя прилично в отношении нас обоих. Помни это!

Майор хотел, было, уйти, но в эту минуту показался нотариус Трейман, находящийся, по-видимому, в наилучшем расположении духа.

– Помилуйте, майор! Какую потрясающую новость я узнал! – закричал он еще издали. – Вы хотите похитить нашу милую хозяйку? Официально мне еще никто не сообщал этой новости, но маленькая Лизбета похвастала, что у нее будет новый папа, военный, и госпожа Мейендорф не могла скрыть своего смущения. Поздравляю вас от всей души, – и старик протянул Арнольду обе руки.

Если только дело не касалось Нейштадта и Штейнфельда, Трейман готов был радоваться каждому успеху своего ближнего. Он, конечно, не знал, что женитьба Гартмута наносит новый удар сердцу дорогого Макса.

– Благодарю вас, господин Трейман, – весело ответил майор, крепко пожимая руку старика. – Куда же, однако, запропастился Эрнст? Я хотел бы с ним первым поделиться своим счастьем.

– Эрнст ушел из Гернсбаха, – возмущенным тоном сказал Трейман. – Я совершенно не понимаю этого человека. Четверть часа тому назад я встретил его на большой дороге; он шел пешком. Экипаж он оставил вам, а мне сообщил,

что ему будто бы нужно было немедленно вернуться в Гейльсберг. Он не дал мне возразить ни слова и бросился бежать, как помешанный. Что подумает о нем госпожа Мейендорф? Мой племянник может, действительно, вывести из терпения!

Гартмут с насмешливой улыбкой смотрел на старого нотариуса. Он знал от Эрнста, что сегодня вечерние газеты раскроют псевдоним автора брошюры «Заклятое золото», и ему в голову вдруг пришла мысль немедленно сообщить интересную новость старику, чтобы увидеть, какой эффект произведет это известие.

– Не сердитесь на Эрнста, – спокойно сказал он, – сегодня он должен очень спешить, так как мы ждем важных телеграмм из Берлина.

– Вот как? – удивленно проговорил нотариус. – Да какие же могут быть у Эрнста дела в Берлине?

– Это вы скоро узнаете. Берлинские вечерние газеты придут сюда завтра утром, и в них вы прочтете кое-что очень интересное. Конечно, несколько странно, что вы, родной дядя Эрнста, должны узнать о племяннике из газет, но это уж – не его вина.

– Ничего не понимаю! – как-то беспомощно протянул старик. – Объясните, пожалуйста, в чем дело? Какое отношение имеют газеты к Эрнсту?

– Странный вы человек! Вы пошли с Максом в ресторан «Золотой лев», чтобы выпить за здоровье автора брошюры

«Заклятое золото», а самого автора, стоявшего рядом с вами, назвали «пропащим человеком». Нельзя сказать, чтобы ваш поступок был очень логичен!

– Разве Эрнст – автор «Заклятого золота»? – спросил художник, задыхаясь от волнения.

– Конечно, Эрнст! Ты поражен, Макс? Как видишь, ты – не единственный талант в вашей семье. Кажется, вы не верите мне, господин Трейман? Даю вам слово, что автора «Заклятого золота» зовут Эрнст Раймар, и сегодня это опубликуют все газеты. А затем позвольте откланяться; меня ожидает моя невеста!

Дядя и племянник стояли неподвижно, как статуи; они не могли прийти в себя от изумления.

– Макс, Макс, что ты на это скажешь? – спросил, наконец, старик, разводя руками. – Это – неправда! Все это – шутки майора.

– Нет, Гартмут дал слово – значит, это правда! – вдруг решительно заявил старик. – Подумать только, автор «Заклятого золота» – мой родной племянник! Макс, ты сегодня же должен поехать со мной в город. Вечером будет заседание в историческом обществе, и я приготовлю речь. Я скажу: «Господа, могу сообщить вам поразительную новость! Мы искали автора знаменитой брошюры в Берлине, в Штейнфельде, по всему свету, а между тем он – среди нас. Здесь, в Гейльсберге, нашелся герой, не побоявшийся изобличить нейштадтцев и штейнфельдцев во главе с их финансовым коро-

лем; он спас сотни жертв от алчной пасти дракона. И этот герой – мой родной племянник; его зовут Эрнст Раймар!»

Макс угрюмо выслушал горячую речь дяди. Он был глубоко огорчен: отныне он перестанет быть единственным талантом в своей семье!

11

Эрнст Раймар действительно вернулся в Гейльсберг. Он не хотел лишать Арнольда удовольствия и потому ничего не сказал майору, но ему было бы тяжело оставаться в Гернсбахе и видеть счастье друга как раз в тот момент, когда сам он навсегда прощался с мечтой о своем личном счастье. Теперь он сидел за письменным столом, подперев рукой голову. В этот вечер его имя будет на устах у всех, и начнется борьба не на жизнь, а на смерть.

Один из служащих подошел к нему; говоря:

– Вас желает видеть какой-то господин из Штейнфельда. Он не назвал своего имени; говорит, что пришел по частному делу…

Молодой человек не мог продолжать, так как господин, о котором он сообщал, сам внезапно появился в комнате.

– Я думаю, что дальнейшие подробности излишни, – прервал он служащего. – Господин нотариус знает меня.

Раймар был поражен – перед ним стоял Феликс Рональд.

– Да, да, мы знакомы! – подтвердил он, быстро овладевая собой и делая знак писарю, чтобы тот ушел.

– Вы, вероятно, не ожидали видеть меня у себя? – начал Рональд.

– Нет! – холодно ответил Эрнст.

– Может быть, вы догадываетесь о причине моего визита?

– Разумеется. Сегодня в вечерних газетах будет раскрыт мой псевдоним, вам, наверно, уже сообщили об этом по телеграфу, и, конечно, именно потому я имею удовольствие видеть вас. Не угодно ли присесть? – предложил Эрнст, указывая на кресло.

– Благодарю вас! Я думаю, наша беседа не затянется, и мы можем переговорить стоя! Должен признаться, я был очень удивлен, когда узнал, что вы – автор брошюры «Заклятое золото». Правда, мне иногда приходила мысль, что эту статью написали вы, но я сейчас же отгонял ее, так как, говоря откровенно, не считал вас достаточно способным для этого. Статья написана великолепно!

Рональд говорил с холодной иронией, да и держался с высокомерным превосходством, как человек, уверенный в своей победе.

– Вы пришли сюда лишь для того, чтобы сказать мне этот комплимент? – насмешливо спросил Эрнст.

– Нет, не только для этого. Мне вообще хотелось поговорить с вами кое о чем с глазу на глаз до того, как мы выступим публично. Скажите, пожалуйста, с какой целью вы выпустили в свет свою брошюру? Вы думали ею столкнуть меня с той высоты, на которой я нахожусь теперь? Но это – слишком смелая попытка. Я не советовал бы вам напрасно тратить свои силы.

Эрнст стоял, опершись руками о письменный стол; его взгляд был устремлен в лицо противника, а на лице застыло

выражение уничтожающей холодности.

– Я писал не лично против вас, а против целой системы, представителем которой вы являетесь, – спокойно произнес он. – Ваши предприятия, кажущиеся грандиозными, построены на песке. Толпа вам верит; она думает, что вы способны превратить камни в золото, и несет вам свои последние гроши. Между тем вы сами давно убедились, что все ваши предприятия рухнут не сегодня-завтра, и, чтобы спасти себя, придумали акционерное общество, которое окончательно разорит доверчивых, легкомысленных людей!

– Вот как? – злобно рассмеялся Рональд. – Вы, кажется, хотите поучить меня финансовому делу? Позвольте узнать, где именно вы изучали этот предмет?

– В Штейнфельде, очень недалеко отсюда, – спокойно ответил Эрнст, как бы не замечая иронии своего противника. – Я следил за вашими манипуляциями и кое-чему научился. К счастью, ваш проект акционерного общества так и останется только проектом.

– Вы думаете, что мне помешает ваш памфлет? – воскликнул Рональд. – Вы забываете, что у вас нет ни одного доказательства, ни одного факта, который мог бы повредить мне. Вы смешны со своим ничем не обоснованным обвинением. Ведь штейнфельдские заводы всем доступны, там работают тысячи рабочих, сотни различных служащих. Если бы хоть сотая доля того, что вы говорите, была правдой, то неужели они стали бы молчать? Может быть, вы думаете, что все эти

люди оглохли и ослепли?

– Этого нет, но одних заставляет молчать страх, а других – соучастие в преступлении. Я думаю, служащие до сих пор молчали потому, что это было им выгодно, рангом же поменьше просто боялись вас. Теперь-то они, конечно, заговорят!

– Нетрудно восстановить рабочих против тех, кто им в течение долгих лет дает кусок хлеба! Это – давно известный факт! А затем вы выступите в благородной роли защитника «угнетенных»? Это даст вам возможность блеснуть своим красноречием. Приготовьтесь защищать и себя на своем процессе, так как я, безусловно, за клевету посажу вас на скамью подсудимых.

– Я очень рад этому. Чем больше будут говорить о содержании моей брошюры, тем скорее будет достигнута моя цель.

Рональд подошел к Эрнсту ближе и с ног до головы окинул его презрительным взглядом.

– Неужели вы думаете, что я вас боюсь?

– Да, боитесь, иначе не пришли бы сюда! Вы хотите разузнать, мне известно о ваших делах, нет ли еще чего-нибудь, о чем не упомянуто в брошюре. Но вы напрасно утруждаете себя; больше того, что вы прочли в брошюре, вы пока не услышите. Могу одно вам сказать, что вооружен я очень хорошо.

– Этого следовало ожидать; борьба со мной нелегка; ведь

я – Феликс Рональд! – и миллионер, гордо выпрямившись, уничтожающим взглядом посмотрел на своего противника, точно хотел стереть его в порошок.

Однако молодой нотариус не смутился; он слегка улыбнулся и так же гордо произнес:

– А я – Эрнст Раймар.

Рональд закусил губы. Он был поражен подобной дерзостью, какой-то нотариус из маленького городка осмеливается поставить себя на одну ступень с финансовым королем, всесильным Рональдом!

– Ах, да, вы – Раймар, – насмешливо протянул он. – Боюсь, ваше имя доставит вам много неприятностей. Хотя лично вы ни в чем не виноваты, но на вашем имени лежит пятно позора. Всем покажется несколько странным, что один из членов этой семьи является строгим судьей общественной морали.

Этот удар не произвел ожидаемого действия; Эрнст даже не вздрогнул и иронически спросил:

– Следовательно, вы публично собираетесь сообщить о пятне, которое якобы лежит на нашем имени? Таким способом вы собираетесь обезоружить меня?

– О том, что я собираюсь делать, я не обязан перед вами отчитываться!

– Правильно! Но я тоже знаю, как мне следует поступить в таком случае. Мы ведь не в первый раз с вами сталкиваемся. Десять лет тому назад мы уже вели один разговор, и вы так

же хорошо помните сказанные тогда слова, как их помню и я.

– Да, я их не забыл, но не советую вам напоминать мне о них, – с ледяной холодностью возразил Рональд. – В порыве отчаяния вы были совершенно невменяемы, а с безумными не считаются. Если бы не это обстоятельство, вам пришлось бы сильно раскаяться в том, что вы сказали.

– Да я и тогда уже знал, что одних предположений мало, а необходимы неоспоримые доказательства, факты. Теперь дело обстоит несколько иначе. Предупреждаю вас, будьте осторожны с подкупленной вами прессой. Если вы осмелитесь писать о мнимом преступлении моего отца, то я ни перед чем не остановлюсь. Тогда, клянусь Богом, я открыто брошу вам в лицо то слово, которое лишь однажды сорвалось с моих уст. Теперь мне поверят!

Рональд не проронил ни звука; ни один мускул не дрогнул на его лице, только глаза засверкали безграничной ненавистью. Его правая рука как бы случайно потянулась к груди и нащупала карман сюртука. Раймар следил за движением этой руки и отступил на несколько шагов, резко и громко спросив:

– Что это значит?

Рональд точно очнулся и медленно опустил руку.

– Вы правы, – глухим голосом пробормотал он, – нам не следует оставаться наедине, не то опять может случиться несчастье! Увидим, что произойдет дальше, а пока до свиданья! – С этими словами Рональд вышел твердой, уверенной

походкой, высоко подняв голову. – В Гернсбах! – приказал он кучеру, садясь в ожидавший его экипаж.

Эрнст остался один. Его подавленное, грустное настроение, овладевшее им после свидания с Эдитой, несколько рассеялось. Беседа с Рональдом ясно показала ему, что теперь не время мечтать и сокрушаться о потерянном счастье! Он глубоко вздохнул, как бы сбрасывая с себя давившую его тяжесть, и громким бодрым голосом проговорил:

– Ну, теперь смело вперед!.. Нужно жить и бороться с неправдой!

12

Майор вернулся в город счастливым женихом. Одновременно с ним выехал и Трейман, не менее счастливый тем, что вез в Гейльсберг столь ошеломляющую новость. Макс присоединился к дяде в крайне удрученном настроении, потому что и эта «сельская идиллия» кончилась для него поражением. Никто из троих и не подозревал того, что во встреченном ими закрытом экипаже ехал Феликс Рональд.

Ночной сумрак уже окутывал землю, когда последний прибыл в Гернсбах.

Жених вместе с невестой прошел в ее комнату и, страстно прижимая Эдиту к груди, сказал:

– Благодарю тебя! Я не хотел просить об этом свидании в Гернсбахе, и, если бы ты не приехала сюда, оно едва ли состоялось бы. В настоящий момент я не могу уехать из Штейнфельда, но недели через две мне, вероятно, придется отправиться в Берлин. Благодарю тебя за то, что ты приехала!

В его голосе звучала бурная радость. Однако Эдита почти нетерпеливым движением высвободилась из его объятий и торопливо сказала:

– Мне нужно поговорить с тобой, Феликс! Я знаю, у тебя теперь дел больше чем когда-либо, и потому не буду мучить продолжительными расспросами. Скажи мне лишь одно: что ты намерен предпринять?

Феликс в первые минуты свидания после долгой разлуки с невестой, видимо, ожидал вовсе не этого, и его страстно взволнованный голос вдруг стал холодным и резким, когда он спросил:

– О чем ты, собственно, говоришь? Я не понимаю тебя.

Эдита окинула его крайне удивленным взглядом.

– О чем я говорю? Да разве нас может интересовать что-нибудь другое, кроме тех нападок, которыми грозит тебе злосчастная брошюра?

– Грозит? Мне? – равнодушно повторил Рональд. – Ты, по-видимому, придаешь всему этому преувеличенное значение. Это ни более, ни менее как коммерческая интрига против акционерного общества, образованию которого хотят помешать во что бы то ни стало. Я уже предпринял необходимые меры и не замедлю с ответом.

Эдита продолжала вопросительно смотреть на жениха, как будто желая прочесть на его лице, насколько естественно было его непоколебимое спокойствие; наконец она вполголоса проговорила:

– Папа считает, что все это очень серьезно; вероятно, ты это знаешь.

– Да, знаю, но удивляюсь, что он так беспокоится, – и Рональд презрительно пожал плечами. – Мы ведь, кажется, обстоятельно обсудили с ним все, прежде чем я отправился в Штейнфельд. Он был просто вне себя. Правда, он – коммерсант старой закалки, незнакомый с подобными столкновени-

ями и вообще не имеющий личных врагов. Я же всегда ощущал ненависть своих противников, умел справляться с ними и, поверь мне, справлюсь и на этот раз.

– Но здесь речь идет не о простой вражде, – возбужденно возразила Эдита. – Затрагивают не только твои интересы, но и тебя самого, и твою честь, а это не может быть для тебя безразличным. Ты должен тотчас же опровергнуть эти нападки, если не хочешь быть побежденным.

Рональд мрачно нахмурился; этот совет невесты явно оскорбил его, но он с твердой решительностью ответил:

– Успокойся! Я их опровергну, а вместе с тем уничтожу и своих врагов. Но твое отношение к этому вопросу, как мне кажется, создалось под влиянием твоего отца, который, по обыкновению, преувеличивает его важность. Вы, очевидно, переписывались, а, следовательно, он сообщил тебе и то, что я вполне согласен с его предложением?

– С каким именно? – удивленно спросила Эдита. – О чем ты говоришь?

– Относительно нашей помолвки. Мы предполагали объявить о ней на этих днях, теперь же твой отец, напротив, требует сохранения тайны до более благоприятного времени. Я нахожу вполне естественным его желание, но предпочел бы, чтобы его высказали не вы, а предоставили это мне. В разрешении этого вопроса вы могли довериться моему такту.

Рональд говорил все это внешне спокойно, но его рот скривился при этом в болезненную гримасу. Эдита только

сейчас поняла, в чем дело, и, быстро поднявшись, решительно произнесла:

– Мой отец ни о чем подобном не писал мне, да и я сама не дала бы своего согласия на эту отсрочку. Я не вижу причины изменять первоначальное решение. Как только ты вернешься в Берлин, мы разошлем извещения о нашей помолвке.

Феликс вздрогнул; луч безумного счастья вспыхнул в его глазах, и в страстном порыве он воскликнул:

– Ты желаешь этого, Эдита? Даже теперь?

– А ты сомневался в этом? – гордо и спокойно спросила она. – Мое место теперь возле тебя, я знаю свой долг.

Рональд сделал движение, словно хотел прижать невесту к груди.

– Твой долг? – повторил он изменившимся голосом. – Ах, да… да.

– Быть может, отец станет противиться, – продолжала Эдита, как бы не замечая перемены в его голосе, – но он должен будет уступить, потому что это зависит только от нашего решения. Послезавтра я еду в Берлин и, если хочешь, тотчас же по приезде сообщу кое-кому о нашей помолвке. Или подождать твоего приезда. Я на все готова.

– Я вижу это, – сухо возразил Рональд, – ты готова на все, только не на то, чего жажду я, когда мы остаемся наедине, а именно хотя бы на одно лишь ласковое слово! О, если бы ты сказала мне: «Мой отец прав; будем молчать, пока минует гроза, но я – все же твоя, Феликс, я люблю тебя!». Как

бы я был благодарен тебе!.. благодарен, как терпящий жажду человек за глоток воды. А ты стоишь передо мной холодно-спокойная и предлагаешь жертву долга, которой я вовсе не хочу. Я не приму великодушного подаяния, предлагаемого тобой! – и он, круто повернувшись, отошел к окну.

Эдита почувствовала себя не то оскорбленной, не то пристыженной последними словами жениха. Его упрек ведь был справедлив. В ее словах, действительно, не было и тени любви; она не могла произнести слово, которого требовал он. Словно ледяная пропасть лежала между ней и человеком, которому она готовилась вручить свою жизнь.

– Ты несправедлив ко мне, – наконец тихо сказала она. – Я не хотела обидеть тебя, но я…

– Ты не можешь иначе! – медленно поворачиваясь от окна, договорил за нее Рональд. – Ты права, я должен был знать это! Однако я предполагал, что добьюсь твоей любви своей страстью, не раз повторял свои попытки, но в ответ на них встречал лишь холод. Ты не можешь любить, не способна к пылкому и глубокому чувству. Но каково мне при всем этом? Впрочем, в этом виновата не ты, а мой злой рок, обрекший меня на любовь именно к тебе!

В его словах звучали гнев и ненависть, но, тем не менее, он весь находился во власти так поздно проснувшейся страсти, поглотившей теперь все его существо. Даже грозно надвигавшаяся на него буря была бессильна против этой власти.

Эдита дрожала всем телом. «Ты не можешь любить!» – сказал ей Рональд. Она сама превосходно знала это и, может быть, именно это тайное сознание своей вины и придало ее голосу мягкость, с которой она ответила:

– Не будем спорить из-за слов. Я ведь доказываю тебе, что я твоя и хочу твоей остаться. К чему же эти упреки, обижающие меня?

Этот новый и необычный тон в устах невесты произвел на Рональда сильное впечатление. Его лицо просветлело, и он, подойдя к Эдите, запечатлел на ее руке горячий поцелуй.

– Ты очень взволнован, Феликс, – продолжала она, – и я нахожу это вполне понятным. Какая тут жертва! Ведь мы же и без того намеревались официально объявить о своей помолвке в первой половине октября.

– Нет, – угрюмо возразил Рональд, – мы назначили для этого день пожалования мне дворянства. Так как это пожалование отсрочено, то нам следует отложить и день официальной помолвки.

– А разве обещание не будет исполнено? – удивленно спросила Эдита. – Ты ведь был совершенно уверен в нем.

– Да, пожалование должно было состояться на этих днях. Но стоило появиться брошюре, как словно из-под земли стали вдруг возникать разные предлоги и проволочки. А мне именно как раз теперь необходимо выражение доверия свыше; я хотел, во что бы то ни стало, добиться его и вдруг наткнулся на самый откровенный отказ. Мне намекнули, что

прежде всего, я должен реабилитировать себя.

Это откровенное признание заставило Эдиту побледнеть; она понимала, что означал этот отказ от данного слова. Могущество Рональда было подорвано; здание его счастья поколебалось.

Он и сам, вероятно, осознавал это; по крайней мере, в каждом его слове звучала глубокая злоба.

– Реабилитировать себя! – повторил он с горькой улыбкой. – В чем? В анонимном памфлете, вынырнувшем из какого-то темного угла? На это следовало бы только пожать плечами и предоставить мне самому задавить червяка, а между тем меня вызывают на суд общественного мнения и требуют, чтобы я дал отчет в своих намерениях и поступках какому-то торгашу моралью… я, привыкший ворочать миллионами… Чтобы реабилитировать себя, я могу сказать: «Вот чем я стал! Вот что я создал!»

В Рональде снова вспыхнуло сознание собственного достоинства, то величие, которое ослепило и покорило Эдиту, но теперь оно почему-то не произвело на нее никакого впечатления.

– Я знаю, что нападки на тебя несправедливы, – сказала она, но далеко не убедительным тоном. – Может быть, ты и переступил, или, лучше сказать, был вынужден переступить некоторые границы дозволенного… для меня это вполне понятно, ты имеешь право на это, благодаря своим необыкновенным дарованиям. Но в той брошюре упомянуто о таких

вещах, которые ты не можешь обойти молчанием. Ведь там, в качестве доказательства говорится о Штейнфельде, созданном твоими собственными руками.

– А кто это делает? – презрительно произнес Рональд. – Продажные писаки, для которых все средства хороши. Травля против меня и Штейнфельда оплачена щедрой рукой… потому-то она и отличается такой яростью.

– Это – неправда! – неосторожно прервала его Эдита. – Раймара нельзя подкупить.

– Раймара? – воскликнул Рональд, словно ужаленный змеей. – Ты знаешь имя автора брошюры? Откуда оно стало тебе известно?

– От самого Раймара… он был сегодня здесь.

– Вот как! Странные же у тебя темы для разговора с этим господином! В первое же ваше свидание он откровенно говорит тебе, что считает меня своим врагом, а сегодня признается в том, что автор памфлета – он. Неужели он и в самом деле имел дерзость говорить тебе это, а ты его слушала?

– Его поступок нисколько не был дерзким, – возразила Эдита. – Я сама вызвала его сюда, так как хотела заставить его поднять забрало, открыть тайну; я должна была знать правду, хотя нисколько не сомневалась в ней.

– Ты знала имя автора брошюры, в то время как даже я не мог угадать его? Ты уже знала правду?

Глухой, хриплый голос и взгляд Рональда должны были бы предостеречь Эдиту, но она не удержалась и неосторожно

воскликнула:

– Да, я узнала ее из брошюры! Выступить с такой неслыханной дерзостью против такого, могущественного человека как ты и столь бесстрашно бороться за правду мог только один…

– Эдита! – сорвался с губ Рональда дикий возглас.

Он побледнел как полотно, а его взгляд буквально насквозь пронизывал невесту. Она еще не постигала всего значения этого неподвижного пламенного взгляда, но инстинктивно почувствовала какой-то страх перед ним.

– Ну что же? – спросил Рональд после короткой паузы. – Почему же ты не продолжаешь? Так бороться мог только один… подвижник справедливости! В твоих глазах он, по-видимому, герой, а я… кто же я в таком случае?

– Феликс, оставь, пожалуйста! – прервала его Эдита, но он не дал ей говорить.

Словно железными клещами сдавив ее руку, Рональд наклонился к ней так близко, что его горячее дыхание коснулось ее лица, и сказал с горькой усмешкой:

– Я был несправедлив к тебе. У тебя есть темперамент, я вижу это! Вероятно, лишь я один встречаю ледяное равнодушие, я, которому ты обещала свою руку! Или, быть может, ты забыла об этом?

Его вопрос был произнесен почти угрожающе, но это не испугало Эдиту; она холодно выдержала его взгляд и так же холодно ответила:

– Нет, я дала тебе слово и сумею его сдержать. Но… выпусти мою руку, Феликс, ты причиняешь мне боль!

Рональд медленно разжал свои пальцы и выпустил ее руку, не отрывая испытующего взгляда от ее лица.

– Извини, что я приехал так поздно, – снова заговорил он. – У меня были еще кое-какие дела… там, в Гейльсберге!

– Уж не у Раймара ли? – спросила Эдита, едва переводя дыхание.

– Да, именно у него! Мы объявили друг другу войну… Но, как мне кажется, тебя пугает эта история? Напрасно!.. Как видишь, я здоров и невредим, да и он также еще жив. Правда, на один миг, когда я стоял перед ним, у меня появилась, было, мысль… но ведь это было бы большой глупостью, в которой мне впоследствии пришлось бы раскаиваться! К счастью для нас обоих, я вовремя опомнился. Однако если бы я перед этим побывал здесь, в Гернсбахе, то, пожалуй…

Рональд не договорил, но его взгляд был красноречивее всяких слов.

Эдита вдруг поднялась и подошла к письменному столику, стоявшему в стороне, словно спасаясь от человека, в котором в этот момент, по-видимому, просыпался зверь.

Рональд не последовал за ней. Наступила короткая пауза. Наконец он снова заговорил:

– Ты только что предлагала мне официально объявить о нашей помолвке; но я повторяю тебе, что не желаю принимать жертву. Пусть наши отношения продолжают быть тай-

ной для всех, твое же слово считаю данным раз навсегда, хотя бы ты впоследствии и изменила свое решение. Я не позволю шутить с собой! Что мое, то останется моим на всю жизнь. Я, кажется, сказал тебе в день нашей помолвки, что я вовсе не такой холодный и расчетливый человек, каким считают меня все. Когда во мне просыпается демон, то я становлюсь опасным. – Рональд произнес это с невозмутимым спокойствием, но оно было намного неприятнее его недавней вспышки гнева. Затем он повернулся, чтобы уйти, но у двери приостановился. – Я должен ехать… прощай!

– Ты хочешь ехать сейчас? – тихо спросила Эдита. – Ведь наступает ночь.

– Все равно, я обязательно должен вернуться в Штейнфельд. Через две недели я буду в Берлине, а пока… прощай!

Рональд вышел, и несколько минут спустя Эдита услышала шум удалявшегося экипажа. Она опустилась в кресло у письменного стола и закрыла лицо руками, испытывая лишь чувство непреодолимого страха перед человеком, которого сегодня впервые увидела в неприкрашенном виде. А ведь она намеревалась стать женой этого человека!

Между тем Рональд возвращался в Штейнфельд, где, действительно, настоятельно требовалось его присутствие. Он чувствовал себя обязанным защищаться именно там, где впервые на него появились нападки. Но это нисколько не пугало человека, не раз уже ставившего на карту все. Как часто счастье вот-вот готово было ускользнуть, но он снова при-

влекал его к себе, словно оно обязано было служить ему. Он ведь не выпустит из своих рук власти; к тому же к его услугам были его многочисленные приверженцы, которые не могли не быть заодно с ним. Вот почему он готов был вступить в борьбу с надвигавшейся бурей и твердо надеялся на победу.

Однако наряду с этим появилось новое обстоятельство, волновавшее его значительно больше борьбы из-за брошюры. В нем бушевала ревность, инстинктивно подсказывавшая ему истинное положение вещей. Его пылкая страсть, его бурные ласки встретили лишь холодное равнодушие со стороны его красавицы-невесты, но, тем не менее, он не мог избавиться от этой страсти. Она сулила ему тихое счастье и отдых от его бесконечной погони за деньгами и властью, наполнявшей собой все его существование, и словно цепями приковывала его к себе… а теперь? Он думал о том, с каким подъемом Эдита говорила о Раймаре, и со страстной решимостью почти вслух произнес: «Берегись! Пусть погибнет все, что принадлежит мне, но я не оставлю это так… никогда!»

13

Дом банкира Марлова располагался в старой части Берлина и был одной из тех старых и богатых построек, которые почти полвека украшали город и сохранили все свои характерные особенности. Контора помещалась на первом этаже, на втором была расположена квартира банкира, а на третьем находились его парадные комнаты. Внутреннее устройство дома вполне соответствовало его внешнему виду; изящная роскошь повсюду свидетельствовала о богатстве владельца, но нигде это не резало глаза, не выставлялось напоказ. Сразу чувствовалось, что хозяин дома не принадлежит к современным биржевым тузам, любящим похвастать внешним блеском. Серьезный и строгий дух старого коммерсанта, некогда основавшего торговый дом Марловых, как будто до сих пор витал в покоях его наследника-внука.

Было начало декабря. Марлов находился у своей дочери, на половине которой вообще бывал очень редко, и по его лицу сразу было видно, что речь идет о деле первостепенной важности. Эдита сидела у окна, а ее отец с заметным волнением ходил взад и вперед по комнате.

– Короче говоря, дело становится все серьезнее и серьезнее, хотя Рональд и отрицает это, не желая сдаваться, – закончил он свою длинную речь. – Впрочем, ты сама говорила с ним… Что он тебе сказал?

Эдита ответила довольно уклончиво:

– Феликс теперь почти всегда в таком настроении, что к нему даже и не подступиться. Я понимаю это и по возможности щажу его; но ты, папа, по-видимому, не делаешь этого, так как он вышел от тебя крайне раздраженный.

– В деловых разговорах не приходится считаться с этим, – возразил Марлов. – Я без обиняков сказал, что ему не следует поступать очертя голову и жечь за собой мосты. У него уже нет больше той власти, какая была три месяца тому назад. Никакая сила не заглушит того, о чем стали в последнее время во весь голос говорить в Штейнфельде. Служащие и рабочие не боятся больше за свое существование, чувствуя себя под защитой общественного мнения, и заговорили совершенно открыто. А он ведь и слышать не хочет ни о чем и не обращает внимания на мои предостережения. Ну и Бог с ним! Штейнфельд – его собственность, и мне нет больше никакого дела до всего этого.

– Никакого дела? – повторила Эдита, не то удивленно, не то испуганно взглянув на отца.

– Никакого. План создания акционерного общества стал невозможным. Неужели, по-твоему, теперь кто-либо рискнет вложить свои деньги в Штейнфельд?

– Но ты ведь сам хотел вложить их, папа, а ты – опытный финансист и должен здраво судить о подобных делах. Ведь в свое время ты, не задумываясь, одобрил этот план.

Банкир понял упрек и, вдруг остановившись, ответил

очень неуверенным тоном:

– Тогда были другие обстоятельства. Одного я не знал, о другом судил, пожалуй, слишком снисходительно. Такое грандиозное предприятие как Штейнфельд нельзя подводить под общий уровень; по отношению к нему допустимо и даже необходимо многое такое, чего нельзя применить в небольшом деле. Чересчур тяжело провести здесь настоящие границы. Но, благодаря впечатлению, которое производит на меня это предприятие теперь, я, безусловно, откажусь от него даже в том случае, если бы образование акционерного общества и стало возможным. К счастью, невозможность осуществления этого плана сама собой облегчает мне отказ Рональду.

Эдита молчала, хотя хорошо понимала отца. Может быть, Марлов и не знал или не хотел знать многого, чтобы не быть вынужденным отказаться от участия в деле, сулившем ему огромные барыши. Но как только на эту затею ополчилось общественное мнение, коммерческое благоразумие заставило его быть осторожным и вовремя устраниться. Этот хладнокровный делец всегда знал, что делает, и сумел прилично прикрыть свое отступление, но его дочь в эти минуты почувствовала, какая глубокая пропасть лежала между ней и отцом. Разумеется, он оставался все тем же дельцом, она же сильно изменилась… с последней весны.

– На будущей неделе начинается процесс, – снова заговорил Марлов. – Конечно, у Рональда не оставалось выбо-

ра; нельзя было не реагировать на обвинения, содержащиеся в брошюре. Он вынужден был обвинить автора в клевете, несмотря на всю опасность этого… Ты все еще настаиваешь на своем желании присутствовать на процессе?

– Да, – решительно произнесла Эдита. – Я не могу и не хочу устраняться от того, от чего зависит столь многое для нас.

– Для нас… да, да! – протяжно повторил банкир, испытующе взглянув на дочь. – Как раз из-за этого я и прошу тебя отказаться от своего намерения. При подобных судебных разбирательствах часто затрагиваются очень неприятные вопросы. Настолько ли ты уверена в своем самообладании, что сумеешь присутствовать на процессе как посторонняя слушательница? Или для тебя безразлично, если именно теперь догадаются о твоих отношениях с Рональдом?

– Вовсе не о чем и догадываться. Во время последнего нашего свидания в Гернсбахе я предлагала Феликсу официально объявить о нашей помолвке, но он не принял этой жертвы…

– Господи, что за нелепая мысль! – прервал ее Марлов. – Теперь, когда на Рональда отовсюду сыплются обвинения, ты хочешь объявить себя его невестой? К счастью, он сам, по крайней мере, был настолько благоразумен, чтобы повременить с этим. Не может же он требовать теперь…

– Того, что потребует впоследствии, и будет вправе требовать, – закончила за него Эдита.

Марлов, по-видимому, хотел, было, что-то возразить, но передумал и, опустившись на стул рядом с дочерью, вполголоса произнес:

– Дитя мое, ты и не подозреваешь, как именно обстоит дело. Я не хотел тревожить тебя, но приходится ознакомить тебя с истинным положением вещей. Рональд был чрезвычайно… неосторожен в ведении своих дел; он позволял себе вещи, которых ему не простят, да и нельзя простить. Все это связано не с одним только Штейнфельдом, но последний оказался для него роковым. Частичные разоблачения там уже доказали, что дела под угрозой и что образование акционерного общества было предпринято им лишь с целью покрыть свои убытки. Из-за этого он потерял доверие общества, поддерживавшее как его, так и все его предприятия. Конечно, все зашаталось. А тут еще этот Раймар выступил в качестве его противника… Ты не знаешь, Эдита, что это значит?

– Нет, знаю! – тихо проговорила она.

– Я сразу понял, что обвинения серьезны, – продолжал Марлов, – но не предвидел, что они будут известны всей стране. Все газеты занялись предстоящим процессом; только и слышишь повсюду имена Рональда и Раймара, как будто на свете не существует ничего более интересного.

– Раймар выступал вчера в суде во время допроса… я читала об этом сегодня утром в газетах.

Эдита произнесла это робко и нерешительно, словно не

осмеливаясь прямо спросить об этом отца.

– По одним газетам судить нельзя, – возразил банкир нахмурившись. – Нужно было лично видеть и слышать, как говорил и держался этот человек, чтобы понять его небывалый успех. Обаяние Раймара производит на всех какое-то странное впечатление, невольно привлекая своей речью не только друзей, но и врагов. Уже вчера его проводили восторженной овацией, а ведь это заседание было как бы прелюдией к процессу. Разумеется, он лично будет защищать себя, и будет очень плохо, если он, как и вчера, всех увлечет своей речью…

– Очень плохо? Что это значит, папа?

– То, что Раймара приговорят к ничтожному штрафу, а не то так и вовсе оправдают. Это будет признанием его победы, а вместе с тем и обвинительным приговором Рональду.

Эдита страшно побледнела, и ее губы судорожно сжались. Отец крепко сжал ее руку и дрогнувшим голосом продолжал:

– Бедное дитя, мои слова беспощадны, я знаю это, но предпочитаю не играть в жмурки. Ты должна быть готова ко всему.

– Я уже давно готова. Рональд всем своим поведением выдает себя, как бы говоря, что в этом деле для него заключается гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?». Во всяком случае, это не повлияет на нашу помолвку.

– Да ведь помолвка не равносильна браку! – многозначительно и медленно проговорил Марлов, – и если бы ты се-

рьезно пожелала…

– Нет, я не желаю! – вырывая руку, нетерпеливо воскликнула Эдита.

– Ты любишь Рональда?

– Тебе следовало спросить меня об этом тогда, когда ты передавал мне его предложение. Ты упустил тогда это из виду, ну так теперь избавь меня от ответа!

Марлов тяжело вздохнул и сказал:

– Теперь мы ничего не можем решить, пока не окончится процесс… Вильма уже приехала?

– Вчера вечером; сегодня утром я получила от нее несколько строк и заеду к ней потом. Ты ведь знаешь, почему она не пожелала быть нашей гостьей?

– Уж не потому ли, что ее жених – ближайший друг Раймара? – банкир пожал плечами. – Совершенно излишняя осторожность. Вильма с нашего согласия посвятила его в это, но никто больше не знает нашей тайны. Майор мог спокойно расположиться у нас.

– Но Феликс узнал бы об этом и очень рассердился бы.

– Кому какое дело, что я принимаю у себя жениха моей племянницы? – резко возразил Марлов. – К тому же майор Гартмут в высшей степени симпатичен, и Вильма не могла сделать лучшего выбора. Я не обращаю внимания на то, доволен ли Рональд или нет, и очень рад его посещениям.

Действительно, Марлов ежедневно принимал у себя близкого друга Раймара, как будто нарочно подготовляя благо-

приятную почву для бурной сцены с будущим зятем. Ведь это явилось бы весьма удобным предлогом для разрыва, желаемого им теперь, во что бы то ни стало. Он твердо решил, что брак его дочери не должен состояться, и исполнение этого решения являлось теперь лишь вопросом времени. После сегодняшнего разговора с Эдитой он надеялся, что его «благоразумная дочь» также согласится с его решением.

Вильма Мейендорф приехала в Берлин вместе с дочерью. Через полтора месяца должно было состояться ее бракосочетание с майором, и это обстоятельство, равно как и переселение на новое местожительство, было связано с целым рядом покупок и приготовлений. Майор Гартмут, разумеется, хотел присутствовать на процессе, в котором его друг играл главную роль, и уговорил невесту избрать для своей поездки именно это время. К тому же со дня помолвки они ни разу не виделись, да и теперь ему был дан отпуск всего на несколько дней.

Эрнст Раймар, собиравшийся лично защищаться на суде, уже недели две находился в Берлине. С ним приехал и старый нотариус Трейман. В качестве добровольного корреспондента гейльсбергской газеты он посылал восторженные статьи о ходе процесса. Каждое утро за кофе гейльсбергцы читали газету, в которой черным по белому было напечатано, что «их нотариус» стал в Берлине знаменитостью.

Вильма под благовидным предлогом отказалась остановиться у своих родственников и поселилась в гостинице,

майор же воспользовался гостеприимством друга. Проведя целое утро до самого обеда у своей невесты, он вернулся домой и застал там Треймана. Последний почувствовал настоятельную необходимость снова высказаться и, поскорее завладев вниманием майора, начал разбирать вчерашнюю речь племянника, притом с таким жаром и такими подробностями, что Гартмуту стало, наконец, невмоготу.

– Ну да, – прервал он словоохотливого собеседника, – это был большой успех, но ведь это только, в сущности, небольшая стычка, настоящее же сражение разыграется лишь на будущей неделе. В понедельник начинается разбор дела. Вы уже запаслись местечком на трибунах? Несомненно, можно ожидать большого наплыва публики.

– На трибунах? – презрительно произнес Трейман. – Там место вам, господин майор, а мое… на скамьях для прессы.

– Неужели там предоставили место для гейльсбергской газеты? – воскликнул озадаченный майор. – Ведь в этом, как я слышал, получили отказ даже многие корреспонденты больших газет.

– Мне тоже стоило немалого труда добиться этого, – не без чувства гордости заявил старый нотариус. – Меня встретили здесь не очень-то ласково, а один субъект даже довольно грубо спросил: «Гейльсберг? Что это за штука?» Но я не остался в долгу и ответил: «Господа! Гейльсберг – исторический город. Гейльсберг – родина и местожительство известного Эрнста Раймара, имя которого, быть может, знакомо и

вам, а я – его дядя? Надеюсь, что вы окажете уважение моему племяннику и дадите место органу печати его родного города, представителем которого является один из его близких родственников».

– Великолепная речь! – воскликнул майор, – но относительно «родного города» я не согласен, ведь Эрнст – берлинец. Впрочем, это неважно, раз цель достигнута.

– Конечно! – торжественно заявил старик. – Со мной сразу заговорили вежливее, дали желаемое место и тут же интервьюировали.

Гартмут недовольно покачал головой.

– Вы, кажется, всем и каждому позволяете интервьюировать себя. Ведь вы знаете, что Эрнст этого не любит; он сам крайне сдержан, а вы отвечаете на вопросы первого встречного.

– Первого встречного! – иронически произнес Трейман. – Ого! Это был ни более, ни менее как корреспондент «Таймса».

– Но ведь он мог обратиться лично к Эрнсту.

– Он попробовал сделать это, но Эрнст, по обыкновению, был совершенно недоступен. Услышав в канцелярии суда мои переговоры о предоставлении места, этот господин тотчас же представился мне в качестве корреспондента всемирной газеты и очень вежливо попросил высказать некоторые личные взгляды, которые он намерен приобщить к своей статье. «С удовольствием, уважаемый коллега, – ответил я, – с

величайшим удовольствием! Эрнст Раймар, как я уже изволил говорить, – мой племянник и вырос у меня на глазах. От меня вы можете получить наилучшие сведения». Я уже телеграфировал сегодня утром в нашу гейльсбергскую газету смысл этого интервью, обещая своевременно сообщить полное его содержание.

Восторг старика при мысли о том, что в качестве дядюшки знаменитого племянника он и сам стал почти знаменитостью, был так наивен и жалок, что у майора даже не хватило духу высмеять его; он только как бы между прочим заметил:

– Ваше преклонение перед Эрнстом становится просто опасным. А вдруг ваш любимец Макс обидится! Кстати, где он теперь? У нас он появился всего-навсего один только раз, и то за деньгами. Остальное время он отсутствует, что мы, хотя и с трудом, переносим.

На лице Треймана выразилось некоторое смущение; он помедлил с ответом и, наконец, признался:

– Это из-за вас! Макс говорит, что вы обидели его, и чувство собственного достоинства запрещает ему переступать порог дома, где вы обитаете.

– Однако ради денег он решился переступить этот запретный порог, – смеясь, произнес Гартмут, – это, вероятно, исключение. Что же касается чувства собственного достоинства у Макса, то это просто зависть. Он никак не может примириться с тем, что Эрнст повсюду на первом плане, между тем как его особой никто не интересуется.

– Вы думаете? – едва слышно спросил старик. – Мне это тоже уже приходило на ум. Он слышать не хочет ни о брате, ни о его успехах, а недавно даже резко сказал мне: «Да перестань же, наконец, твердить об Эрнсте!.. это становится скучным!»

Макс явно терял свою власть над дядей.

Пришел Эрнст, и старик, прервав разговор с майором, бросился ему навстречу.

– Наконец-то ты, Эрнст! Я вот уже целый час жду тебя здесь! У меня по горло дел, но я не мог еще раз не поздравить тебя в связи с твоей вчерашней речью. Я уже раз сделал это, но…

– Даже два раза, дядя, – прервал его Эрнст.

Однако это не помогло. Восхищенный дядя поздравил его в третий раз, провел довольно лестную параллель между ним и Цицероном и обстоятельно сообщил все подробности относительно «интервью». Вспомнив о последнем, он решил, что ему немедленно нужно приступить к его изложению для своей газеты, и, сияя от счастья, простился.

– Тебя можно поздравить с новой победой, – смеясь, произнес майор, как только они остались одни, – дядя Трейман от тебя в восторге. Впрочем, не стоит об этом говорить. Видишь ли, я зашел домой затем, чтобы спросить, свободен ли ты сегодня вечером. Вильма хочет видеть тебя. Можно на тебя рассчитывать?

– Только ненадолго, ведь уже довольно поздно, – ответил

Эрнст. – Ты же знаешь, у меня нет ни одной минуты свободного времени.

– Да, тебя просто рвут на части! Впрочем, это тебе только на пользу; несомненно, для тебя нужна борьба, чтобы ты мог как следует развернуться, и чем сильнее и опаснее она, тем больше крепнут твои силы.

Эта фраза Гартмута была вполне справедлива. Человек, стоявший перед ним с высоко поднятой головой и блестящими глазами, был далеко не прежний Эрнст Раймар. Слегка пожав плечами, он произнес:

– Выбора у меня нет, я должен бороться. Рональд вооружил все свое войско; его пресса, и многочисленные приверженцы прямо ополчились против меня. Неужели ты думаешь, что я согласился бы говорить до судебного разбирательства, если бы не был вынужден защищаться?

– И отлично сделал! Но я боялся, что тебе в лицо бросят злополучные воспоминания о случае с твоим отцом, для того чтобы покачнуть твердую почву, на которой ты стоишь.

Эрнст молчал, видимо, не желая говорить об этом. Однако майор настойчиво продолжал:

– Странно, Рональд не брезгует никакими средствами и вдруг умалчивает об этом, хотя знает, что наверняка может уязвить тебя! Он как будто дал слово не затрагивать этого пункта.

– Да, именно его он и дал, – холодно произнес Раймар. – Во время нашей встречи в Гейльсберге я предупредил его,

чтобы он не касался этого вопроса, если не хочет вызвать меня на крайности, и он послушался моего совета. Рональд взвешивает свои поступки!

– Неужели ты и в самом деле мог так воздействовать на него? – спросил изумленный майор.

– В этой ситуации – да.

– Эрнст, ты что-то скрываешь от меня, – укоризненно качая головой, заметил майор.

– Не настаивай, Арнольд! Ведь дело касается уже не фактов, а внутренних переживаний, и потому все должно остаться тайной для всех.

– Согласен, если только это поможет тебе забыть о прошлом. Ты всегда так боялся этих воспоминаний, но, надеюсь, теперь сам видишь, что они рассеиваются как дым, как только ты пристальнее заглянешь им в глаза. Несколько голосов, вначале настроенных было против тебя, потонули в общей волне восторга.

– Да, до тех пор, пока будет длиться борьба, – грустно произнес Раймар, – а потом… Это не имеет значения! Я знаю, что не смею сворачивать с пути и должен идти прямо к цели, но ведь это не всегда легко.

– Ради Бога, не предавайся своему гейльсбергскому настроению! – возразил майор. – Приходи-ка лучше сегодня к нам пораньше да посмотри на настоящее человеческое счастье. Мы будем иметь честь показать его «великому Цицерону», в которые возвел тебя дядя Трейман, и оно рассеет

твои грустные мысли.

– Непременно приду, – улыбнулся Эрнст. – Я от души радуюсь твоему счастью, Арнольд.

– Последуй лучше моему примеру! – смеясь, воскликнул майор. – Но мне пора. Вильма ждет меня обедать. До свидания!..

На улице майор снова столкнулся с Трейманом. Однако бедный старик не сиял, как полчаса перед этим, а шел понурясь и с печальной миной; в своей растерянности он чуть не наткнулся на майора.

– Что случилось? – воскликнул последний. – У вас такой обиженный вид!

– Меня и в самом деле обидели. Только что я встретил Макса… и с кем бы вы думали? Он шел с человеком… с человеком…

– Ну, конечно, с человеком, – подхватил Гартмут, – и я не вижу в этом ничего необычайного.

– Да ведь это был редактор «Нейштадтского листка»! – сердито перебил его Трейман. – Этот верный телохранитель штейнфельдского паши готов идти за него в огонь и в воду и в каждом номере газеты выливает ушаты помоев на Гейльсберг и Эрнста… и еще поднял тогда на смех мои предсказания.

– Тот самый, что так оскорбил вас?

– Тот самый! И вот с ним-то под руку идет по улице мой племянник. Я, конечно, стал выговаривать Максу… и знаете

ли, что он мне ответил? Этот господин, дескать, прибыл сюда тоже в качестве корреспондента, что он – славный малый, и хотя из лагеря противника, но это не мешает им вместе весело проводить время. И они, по-видимому, старательно делают это, так как ни тот, ни другой не были трезвы. Я прочел Максу хорошую нотацию, и он как будто полностью проникся справедливостью моих слов, но мне кажется… Нотариус не договорил и мрачно потупился.

– Что он, несмотря на это, все же будет продолжать «весело проводить время» в обществе этого проклятого редактора, – заключил Гартмут. – Мне даже кажется, что за бутылкой вина Макс готов выпить на брудершафт даже с самим Рональдом…

Между тем они подошли к гостинице, где жила Вильма и где остановился также и Трейман, и, когда поднимались по лестнице, последний снова заговорил неуверенным голосом:

– Господин майор, в последние дни я стал раздумывать над завещанием, составленным мной несколько лет тому назад. Макс – мой главный наследник, Эрнст же получает лишь незначительную часть. Он ведь обеспечен своей деятельностью и вполне согласен с моими распоряжениями, потому что Макс ничего не имеет и только начинает свою карьеру. Однако если у него такие знакомства, то он наверняка погибнет.

– Да, тогда с этим нейштадтским редактором он прокутит все наследство, – согласился майор. – Они будут переходить

из кабака в кабак и промотают все до гроша.

– Да мои кости перевернутся в гробу! – поспешно воскликнул Трейман.

В эту минуту на втором этаже открылась дверь, и из нее показалась малютка Лизбета со своей матерью.

– А вот и папа! – весело воскликнула девочка.

– Разумеется, это я! – подтвердил Арнольд, покидая своего спутника.

Старый холостяк видел, как он обнял свою невесту, а затем Лизбету, и ему стало грустно, потому что вид молодой женщины вдруг снова напомнил ему о Максе.

Кратковременное пребывание в Берлине открыло глаза старому нотариусу на многое, о чем он раньше даже и не подозревал. Мрачная картина, набросанная Гартмутом, не выходила из его головы. Он видел, как Макс, его наследник, вместе с его смертельным врагом, нейштадтским редактором, проматывает его состояние, и чувствовал, что это обстоятельство не даст ему покоя даже в гробу. Он понуро продолжал свой путь, но вдруг резко выпрямился и почти вслух проговорил:

– Однако я ведь еще не умер! А пока я жив, Макс не особенно покутит… даю слово!

И с этой утешительной мыслью он поднялся к себе наверх.

14

Судебное разбирательство началось, и лихорадочное оживление, замечавшееся не только в столице, но и во всей стране, ясно свидетельствовало о всей важности этого процесса. Хотя, согласно обвинительному акту, разбиралось дело о клевете и оскорблении, но, в сущности, здесь шла борьба капитала с общественным мнением, усыпленным и ослепленным им, пока его не пробудил Эрнст своим энергичным выступлением. Выпуская в свет свою брошюру, Раймар был одинок и не знал, последует ли кто-нибудь за ним или нет; теперь же он находился среди увеличивавшегося с каждым днем количества людей, которые, казалось, только и ждали своего вождя.

Процесс длился уже третий день, и с каждым часом все более грозные тучи скапливались над головой Рональда, явившегося в суд в качестве обвинителя и поменявшегося ролями с обвиняемым, так как даже и штейнфельдские служащие давали показания не в пользу своего хозяина. Только старшие из них вместе с представителями прессы, субсидируемой им, стояли за него или, по меньшей мере, отговаривались незнанием. Да они и не могли поступить иначе, так как в противном случае им пришлось бы сознаться в том, что Рональд до сих пор покупал их молчание. Но из показаний остальных служащих обнаружились такие вещи, что остава-

лось лишь удивляться, как могла до сих пор быть скрываема столь неприглядная картина.

Процесс закончился великолепной защитительной речью Раймара, после которой ожидали решения суда. Раймар говорил более часа, и все присутствующие, затаив дыхание, с напряженным вниманием слушали его. Он стоял, выпрямившись во весь рост, с горящими глазами, и его голос, сравнительно недавно еще вялый, безжизненный, наполнял теперь могучими звуками обширный зал и привлекал к себе всеобщее внимание. Защита обратилась в обвинение, каждое слово неотразимым ударом обрушивалось на голову того, кто никогда не интересовался ни правами, ни судьбой людей, ниспровергаемых им. Только теперь Рональд понял, что значит потерпеть поражение.

– Я подтверждаю каждое слово, высказанное в моей брошюре, – закончил свою речь Раймар, – мне нечего брать обратно и нечего смягчать. Вам показали заклятое золото с его обманчивым блеском! Оно губит всех и каждого, стремящегося к нему, и превращается в их руках в прах. Я громко крикнул это, чтобы спасти от гибели много тысяч людей. Я сделал то, что мне повелевали справедливость и долг, и теперь жду вашего приговора!

Эрнст опустился на скамью. Среди публики раздался одобрительный шум. Раймар победил. Это было ясно для всех до произнесения приговора, и испытующие взоры обратились к его противнику. Феликс Рональд сохранил само-

обладание и на его лице не дрогнул ни один мускул. Только в его глазах временами вспыхивал злобный огонек, когда он обращал их на Эрнста Раймара. Для него во всем этом зале существовали лишь двое людей: Эрнст, которого он ненавидел всей душой, и Эдита, которую он обожал так же сильно, и его взгляд перебегал с одного на другую.

Эдита сидела рядом с отцом и внешне казалась спокойной. Ее прекрасное лицо не выдавало того, что творилось в ее душе, но Марлов, державший ее руку в своей, чувствовал судорожную дрожь этой руки. Как только Раймар окончил свою речь, старый банкир наклонился к дочери и сказал:

– Эдита, уйдем!

Она решительно покачала головой.

– Нет, я останусь до конца!

Отец понял свое бессилие и покорился.

Совещание судей было непродолжительным. Эрнст Раймар был оправдан. Суд признал его действия выражением общественного мнения и тем самым признал справедливость всех его обвинений.

Приговор был встречен бурей восторженных аплодисментов. Раймара осыпали поздравлениями. Его прославляли, словно героя после одержанной победы, и совершенно не заметили, как удалился со своими приспешниками его противник. Феликс Рональд был осужден…

15

На следующий день после обеда Эрнст Раймар вошел в гостиницу, в которой остановилась Вильма Мейендорф. Он условился встретиться здесь со своим другом Гартмутом, но швейцар доложил, что майор уехал вместе с госпожой Мейендорф и ее дочерью, и передал ему записку. В ней майор просил своего друга подождать, если тот придет случайно раньше их возвращения.

Эрнста уже знали здесь и сразу же провели в гостиную занимаемого Вильмой помещения. Эта уютная комната весьма располагала к отдыху, и Раймар был даже доволен тем, что ему вдруг представилась возможность некоторое время побыть в совершенном одиночестве и привести в порядок свои возбужденные нервы. Со вчерашнего дня он буквально не мог передохнуть, и был центром всеобщего внимания. Он победил, но в чертах его лица не было торжества победителя. Ведь эта победа стоила ему личного счастья!

Но вот отворилась дверь передней, и Эрнст пошел было навстречу, полагая, что это вернулась Вильма с дочерью и Гартмутом, но остановился при звуке чужого голоса:

– Пожалуйте! Барыня скоро вернутся; они должны быть ровно в четыре.

Дверь снова закрылась, и в комнату вошла… Эдита.

Увидев Эрнста, девушка подалась назад и словно оцепене-

ла. Он молча поклонился и, заметив ее невольное движение, не осмелился заговорить. Несколько секунд длилось молчание.

– Я хотела видеть Вильму, – наконец произнесла Эдита, – и никак не могла предполагать…

– О моем присутствии! – закончил за нее Эрнст. – Я не виноват в этой встрече и жду здесь своего друга, майора Гартмута.

Эдита все еще стояла на пороге гостиной, как бы задумавшись над вопросом уйти ли ей или остаться; она, видимо, решила сделать последнее и, медленно шагнув вперед, откинула вуаль. Она была страшно бледна, но сохранила свой обычный гордый вид.

– Вы, конечно, не ждете от меня поздравлений, господин Раймар, – сухо начала она, – но все же не могу не сказать, что вы одержали блестящую победу.

– Неужели вы считаете, что эта победа меня радует? – с серьезным упреком спросил Эрнст.

– Как бы то ни было, она возвысила вас над толпой и открыла перед вами большие возможности.

– Нет! – тяжело сорвалось с его губ.

– Нет? После такого-то успеха? Ведь ваше имя у всех на устах.

– Вы забываете о том, что связано с ним… вам ведь уже давно все известно от вашего отца.

– Со вчерашнего дня это предано забвению.

– Нет, это лишь забыто на время, а не предано забвению… забыто благодаря тому, что я явился выразителем общественного мнения. Все враги моего противника собрались вокруг меня и прикрыли собой, отдавая должное чрезвычайности этой борьбы; когда же я снова предстану перед трезвой критикой, то вспомнят мое прошлое, и мне придется расплачиваться за все, что теперь мне прощают, нуждаясь во мне.

Эдита смотрела на него с крайним изумлением; эта мысль еще не приходила ей в голову.

– Вы несправедливы к обществу, – тихо сказала она. – Если бы вы сами могли побороть в себе…

– Вот этого именно я и не могу! – мрачно прервал ее Раймар. – До сих пор меня поддерживала борьба, и только борьба, которую я начал и которую должен был довести до конца. Ведь тут речь шла о самозащите. Но когда-нибудь я снова столкнусь со своим прошлым. Я должен с открытым лицом стоять перед всеми, а в то же время знаю, что ненависть или злоба могут заставить любого мальчишку крикнуть мне: «Ты говоришь о праве и чести? Вспомни лучше об имени, которое ты носишь!» Да, даже теперь, ведя тяжелую борьбу, я был полон сознанием этого. Оно, точно свинец, гнетет меня и преграждает путь к будущему, о котором я некогда мечтал. Вы сами видите, меня не с чем поздравлять!

Эдита стояла перед ним молча. Она ожидала увидеть Эрнста во всем ореоле его блестящей победы, гордого ее сознанием и с трудом скрывающего свое торжество, но вместо это-

го встретила мрачную безнадежность и совершенное отчаяние. Да и ее внутренний голос подсказывал ей, что опасения Раймара справедливы; для этого она достаточно хорошо знала свет. Но, увидев его страдания, она изменила тон, и в ее голосе дрогнули мягкие нотки:

– Я не хотела сказать ничего обидного. Вы еще вчера говорили в своей защитительной речи, что повиновались только голосу справедливости и долга… следовательно, только по роковому стечению обстоятельств вы нарушили мирное течение нашей жизни.

– Вы говорите: «Нашей жизни»? – вздрогнул Эрнст. – Неужели вы еще думаете о браке, о совместном будущем с этим человеком…

– Который нисколько не изменился с того дня, как я стала его невестой! – прервала его молодая девушка. – Все давно знают и его лично, и его дела, знали также и то, что он всегда переступал границы дозволенного, но никто до сих пор не ставил ему этого в упрек. Однако стоило вам бросить в него первый камень, и все закричали: «Побейте его!».

Раймар не спускал испытующего взгляда с лица Эдиты, словно желая что-то прочесть в нем, и, наконец, спросил:

– Вы все еще считаете себя связанной словом?

– Конечно! Как только Рональд потребует, я стану его женой. А он этого непременно потребует.

– Вы никогда этого не сделаете, – произнес Раймар почти угрожающим тоном. – Вы не будете женой Феликса Рональ-

да! Я не допущу вашей гибели и скорее прибегну к крайнему средству. Вы не знаете, кому хотите отдать свою руку.

– Нет, знаю! – возразила девушка. – Ведь вы не упустили ничего, чтобы выставить его перед обществом в неприглядном виде. У Рональда широкая натура, сделавшаяся необузданной благодаря власти капитала. И он вправе был считать себя всемогущим, ведь все преклонялось перед ним и его богатством, и нет ничего странного в том, что он привык ненавидеть людей и повелевать ими. Быть может, он виноват во многом, но в его делах нет ничего низкого и преступного, ничего такого, что освобождало бы меня от данного мною слова. Ведь я не потребовала бы назад своего слова, если бы он находился в настоящий момент во всем блеске счастливой фортуны, а потому не покину его и в несчастье.

В ее энергичных словах звучала непреклонная воля. Ведь Эдита Марлов была также ослеплена этим «заклятым золотом», превратившимся в ее руках в прах, но это не погубило еще в ней души. Она сделала ошибку, из тщеславия и честолюбия обещая стать женой нелюбимого человека, и теперь решила искупить эту вину своим твердым желанием последовать за этим нелюбимым человеком, после того как ему изменила судьба. Какая сила воли и верность данному слову!

Раймар весь вспыхнул, почувствовав теперь, кем могла стать для него эта девушка, и под влиянием этого чувства решил довести дело до конца.

– А Штейнфельд? – спросил он. – Рональд знал, что ката-

строфа неизбежна, и вот на что пошел для ее предотвращения. Что же, вы и этот его поступок назовете заблуждением «широкой» натуры?

– Нет, это было вызвано отчаянием человека, старающегося использовать последнее средство, чтобы сохранить свое положение. Вы не должны строго осуждать его за это; ведь и то, что вы называете своим злым роком, тоже было вызвано лишь отчаянием.

– Мой отец невиновен, – уверенно произнес Эрнст.

Эдита изумленно отступила.

– Невиновен? Но все его считали таковым.

– Его и до сих пор, за гробовой доской, продолжают считать виноватым! Выслушайте меня, Эдита!.. это касается и вас!

Девушка ничего не ответила, но ее взгляд с беспокойным напряжением остановился на Эрнсте. Она не знала, о чем он намеревался говорить ей, но смутно чувствовала, что всплывает нечто темное, страшное и медленно приближается к ней.

У Раймара был спокойный вид, но его голос выдавал с трудом скрываемое волнение.

– Это было лет десять тому назад. Мой отец был вовлечен одним из своих… служащих, которому больше всех доверял, в рискованную авантюру. Последняя не удалась, и, вследствие довольно значительных потерь в делах, наступил кризис; заметьте – кризис, а не банкротство, ведь денег для

покрытия всех расходов в наличии было достаточно. Кроме того, доброе имя и слава банкирского дома Раймаров давали моему отцу право надеяться на поддержку, в чем он крайне нуждался в своем затруднительном положении. Вдруг, вероятно вследствие распространившихся слухов о потерях, были потребованы обратно два самых крупных вклада, и в результате этого произошло несчастье. Меня в это время не было в Берлине; я уехал в провинцию по судебному делу, защиту которого принял на себя. Вызванный телеграммой в Берлин, я был встречен нашим поверенным, который сообщил мне о том, что нечем оплатить вклады, что честь нашего имени запятнана навеки и что моего отца уже… нет в живых!

– Ужасно! – прошептала Эдита, когда Эрнст на минуту замолчал, подавленный воспоминаниями.

– Судно, лишенное руля, обычно гибнет, – продолжал Эрнст. – Весть о гибели моего отца распространилась с быстротой молнии, и, конечно, нечего было и думать о чьей-либо поддержке. Со всех сторон посыпались требования наших клиентов, и не успели мы опомниться, как очутились лицом к лицу с полным банкротством. Сложилось мнение, что мой отец растратил доверенные ему вклады и со стыда и отчаяния покончил с собой. Даже моя мать поверила этому слуху.

– А вы… вы не поверили ему?

– Я знал, что отец не виновен. Я нашел в его письменном столе письмо, содержавшее всего несколько строк и адресованное мне, его старшему сыну, по крайней мере, в глазах

которого он хотел остаться честным человеком. Поверите ли вы тому, что человек, честно проживший свой век, в состоянии лгать в преддверии вечности, намереваясь добровольно перешагнуть великую черту небытия?

– Нет! – воскликнула Эдита со вздохом облегчения. – Итак, виновен был другой?

– Да, другой! – Раймар на секунду остановился, а потом продолжал вполголоса, но твердо: – Доступ к вкладам был открыт, кроме хозяина банкирского дома, еще одному лицу, а именно его поверенному, и его звали… Феликсом Рональдом!

С уст Эдиты сорвался крик ужаса.

– Боже Всемогущий! Что вы хотите этим сказать?

– То, что не могу доказать, – ответил Эрнст с грубой откровенностью, – и что, вероятно, вообще нельзя доказать. Мой отец, по-видимому, ничего не подозревал, по крайней мере, в своем предсмертном письме он не делал ни малейших намеков, но зато эта мысль засела мне в голову, как только ко мне вернулась способность ясно мыслить и рассуждать, и с тех пор не покидает меня. Я многие годы искал доказательств с проницательностью юриста и лихорадочным страхом человека, желающего во что бы то ни стало спасти свою честь и честь умершего отца, и не находил, так как все следы были уничтожены. Когда произошла катастрофа, я ведь был далеко от Берлина, но Рональд утверждал, что он сразу же после самоубийства хозяина обнаружил отсутствие

вкладов, и сваливал всю вину и ответственность на умершего.

Эдита страшно побледнела; она судорожно сжала руками спинку кресла, возле которого стояла, и, наконец, с трудом проговорила:

– Но ведь это – лишь подозрение… никаких доказательств нет… вы сами говорите это…

– Да, но истину я узнал другим путем. Все было кончено, крах нашего дома был бесспорен. С помощью Рональда я привел в порядок все, что было можно, и вслед за тем он пришел попрощаться со мной. До той минуты я ни словом, ни взглядом не выдал ему своего подозрения, когда же мы очутились с глазу на глаз в рабочем кабинете моего покойного отца, я не выдержал и бросил ему в лицо обвинение: «Виновник этого – вы!».

– И что же тогда? – едва слышно произнесла Эдита.

– Тогда… тогда я увидел, что он страшно побледнел и вздрогнул, и в его глазах отразился страх быть разоблаченным. Разумеется, это длилось не более минуты, так как он быстро смог опомниться и прийти в себя. К нему вернулось самообладание, самоуверенность, и он с холодной усмешкой отверг мое обвинение, потребовав доказательств моей «безумной выдумки», и, пожимая плечами, спросил, неужели я, в самом деле, намерен показать перед всеми, что в припадке отчаяния лишился рассудка. – Тут Эрнст остановился, как бы в ожидании ответа, когда же его не последовало,

закончил с оттенком грусти: – На самом деле я был далек от мысли выступить с гласным обвинением. Смерть моего отца для всех явилась как бы его собственным признанием в своей виновности, и если бы я выступил со своими обвинениями, не имея в руках никаких доказательств, то меня, пожалуй, и действительно сочли бы за сумасшедшего. Но, тем не менее, мое убеждение с той минуты окрепло, а Рональд стал моим смертельным врагом!

Эдита продолжала неподвижно стоять с таким выражением в глазах, как будто они смотрели в пропасть. Первая встреча ее жениха с Раймаром в ее присутствии, его бурный гнев и упорное желание узнать, о чем тот говорил с его невестой, его дикая ненависть к человеку, которого он хотел уничтожить и которого явно боялся, – все это теперь пришло на память Эдите и говорило не в пользу Рональда. Судорожная дрожь пробежала по всему ее телу, и она с упреком сказала Раймару:

– И это вы говорите мне теперь!

– Потому что я должен сказать! – серьезно возразил он. – Ведь вы не считаете меня способным на низкую месть? Вы знаете, Эдита, что в Гернсбахе, узнав, что вы – невеста Рональда, я не сказал вам обо всем этом ни слова. Я думал, что разоблачения, содержащиеся в моей брошюре, и процесс, как его последствие, избавят вас от этого рокового человека. Я рассчитывал на вмешательство вашего батюшки, на то, что он нарушит данное слово, более того – я считал его уже на-

рушенным, и вдруг слышу вашем намерении принести себя в жертву какому-то ложному долгу. Пусть так, но знайте же, кому вы приносите свою жертву!

Эдита вдруг гордо выпрямилась и произнесла с твердой решимостью в голосе:

– Я узнаю это! Он должен дать мне ответ на все.

– Вам, любимой им девушке? По-вашему, у него хватит мужества погубить себя в ваших глазах?

– Может быть, он не покается передо мной; но, чего не выскажут его уста, договорят его глаза.

Раймар взглянул на девушку с тревогой.

– Вы правы, я не мог ожидать, что вы слепо поверите мне, о… это будут для вас ужасные минуты.

– Да, – подтвердила Эдита дрожащими губами. – Прощайте!

Эрнст не пытался ее удерживать. Он только подошел к окну и увидел, как она села в экипаж и уехала. В это время пробило четыре часа. Арнольд должен был приехать с минуты на минуту, но Раймар чувствовал, что не в состоянии будет теперь вынести и счастливого вида жениха, ни веселого смеха Вильмы и быстро, словно крадучись, покинул гостиницу.

Пять минут спустя, вернулись домой майор и Вильма и, к своей великой досаде, узнали, что приезжал Эрнст, но, не дождавшись их, ушел. Непонятное объяснение швейцара смутило Гартмута, он поднялся к нотариусу Трейману, чтобы узнать, нет ли у него каких-нибудь сведений об Эрнсте.

На его стук послышалось мрачное: «Войдите!», Трейман сидел у стола и писал так усердно, что едва ответил на поклон.

– Я хотел только спросить, был ли у вас Эрнст? – сказал майор. – Прошу извинить за беспокойство.

– Нет, Эрнста здесь не было, – проговорил нотариус, приподнимая голову. – Вы нисколько не беспокоите. Садитесь, я сейчас кончаю.

– Вероятно, судебный отчет для «Гейльсбергского вестника»?

– Нет, ошибаетесь… мое завещание.

– Что? Я был уверен в том, что оно у вас уже давно готово, если же вы и намерены были внести в него кое-какие дополнения, то это можно было отложить и до возвращения в Гейльсберг.

– Нет, это неотложно. Не сегодня-завтра я могу умереть. Удивляюсь, как меня не хватил удар еще вчера, а я хочу, по крайней мере, в гробу обрести себе покой.

При этих словах Трейман так грозно посмотрел на майора, что тот счел необходимым соболезнующе спросить:

– Что же случилось? Вчера вы были в великолепном расположении духа по случаю победы Эрнста, а сегодня у вас вдруг похоронные мысли, и вы занялись своим завещанием.

– «Франц Филипп Трейман». Точка. – Нотариус поставил весьма жирную точку рядом со своей подписью и с удовольствием окинул взглядом свое произведение. – Вы желаете

знать, почему я вдруг занялся своим завещанием? Потому, что своим наследником я хочу сделать порядочного человека, а Макс далеко не подходит под это понятие. Макс – негодяй!.. форменный негодяй!

– Согласен! Мы с Эрнстом уже давно сделали это печальное открытие, но как вы пришли к этому?

Старик несколько раз громко икнул, что было обычным признаком его сильного волнения, и, наконец, произнес:

– Я расспросил хозяйку Макса, и она рассказала мне малоутешительные вещи. Я думал, что Макс стал легкомысленным только здесь, в большом городе, и что если он вернется на некоторое время домой, то станет опять солидным и разумным. Я хотел взять его с собой в наш… «исторический архив, где люди плесневеют», то есть в наш Гейльсберг, и… «к старому ископаемому», то есть ко мне!

Тут майор стал опасаться за рассудок завещателя, но, к счастью, дальнейшие слова нотариуса его успокоили:

– Так отзывается Макс о своей родине и о своем дяде. Я хотел еще вчера вечером поговорить с ним и не застал его дома; но я знаю местечко, где он обычно проводит вечера, и там нашел его в обществе его закадычного приятеля, этого нейштадтского редактора. Они пили шампанское в отдельном кабинете.

– Этот самый редактор, по-видимому, весьма легкомысленный господин, – многозначительно заметил Гартмут. – Вчера, в день поражения своего патрона, он утолял жажду

в лучшем случае сельтерской водой, а сегодня пьет шампанское.

– Да ведь за все платит Макс и, конечно, из моего кармана! – с нервным смехом воскликнул Трейман. – «Пей, приятель! – говорил он при этом. – Ведь это уже за счет наследства старого ископаемого; надеюсь, он скоро отправится на тот свет». И они чокнулись!

– Подло! – вспылил уже от чистого сердца майор.

– Они были так пьяны, – продолжал между тем Трейман, – что вовсе и не заметили, что я стоял в дверях и слышал их разговор. Макс вообще едва ли соображал, что говорил, но ведь недаром говорят, что истина – на дне стакана! «Тогда ты окончательно поселишься в Гейльсберге?» – спросил приятель. Макс весело расхохотался. «Неужели я стану плесневеть в этом историческом архиве? Старик, правда, живет в покосившемся средневековом здании, как лиса в норе, но добра у него достаточно, и довольно сносный винный погреб. Прежде всего, мы разопьем его, сердечный друг, а потом будет продан весь исторический хлам; ведь я – единственный наследник! Кстати, не найдешь ли ты в Нейштадте покупателя?» Нейштадтец в моем доме! Тут я больше не выдержал и дал о себе знать…

– Как ангел-мститель! – заметил Гартмут.

– О, нет, я был совершенно спокоен, но грозен. Макса я вообще не удостоил ни словом и, обратясь к редактору, сказал: «Милостивый государь! Этот господин, бывший до

сих пор моим племянником, с этой минуты им не является! Вам не придется подыскивать покупателя для „исторического хлама“, потому что завтра я составлю новое завещание и назначу моего единственного племянника также и единственным наследником. На мой винный погреб тоже не трудитесь рассчитывать. Эрнст разопьет его со своим другом, майором Гартмутом, о чем я тоже упомяну в своем завещании. А теперь отвезите-ка этого человека домой, он чересчур много выпил»!

– Браво! – крикнул майор. – Это было великолепно! Право, трогательно, что вы вспомнили и обо мне и своей завещательной волей возложили на меня столь приятную обязанность. А Макс, как только протрезвеет, будет слезно просить у вас прощения.

– Да я вышвырну его за дверь! – грозно крикнул старик. – Сегодня я на всякий случай составил свое завещание, а в Гейльсберге торжественно оформлю его при свидетелях. Здесь комар носа не подточит… ведь на то я и юрист! – Он тщательно сложил завещание и запер его в ящик письменного стола, но тут вдруг впал в элегическое настроение: – А я так любил этого мальчишку! С малых лет я так баловал его и возлагал надежды на его талант. Я никогда ни в чем не отказывал ему, и вдруг такая черная неблагодарность с его стороны!

Старик уже готов был даже заплакать, но майор положил ему руку на плечо и стал утешать:

– Оставьте в покое этого глупого мальчишку! Хорошо, что вы хоть теперь узнали его истинное лицо! Собственно, фамильный гений не угас – он перешел лишь на Эрнста, и тот честно служит на славу своему дядюшке. Ведь были же вы вчера центром всеобщего внимания на скамье журналистов!

Майор нашел весьма действенное средство, чтобы утешить старика. Глаза нотариуса заблестели при одном воспоминании об этом.

– Да, почти все поздравляли меня! – воскликнул он. – Корреспондент «Таймса» пожал мне руку и сказал: «Мистер Трейман, вы увидите когда-нибудь своего племянника великим человеком! Он – гениальный оратор». Я скромно выслушал похвалу и ответил: «О, это уже у нас так в роду!».

– Да, это уже так в роду! – подтвердил Гартмут. – А теперь пойдемте вниз к Вильме, дядя Трейман… вы должны позволить мне называть вас теперь так, потому что сделали меня сонаследником вашего винного погреба.

16

Банкир Марлов с озабоченным лицом сидел у себя в кабинете. Вчерашний день превзошел наихудшие его опасения. Этого он никак не ожидал! Безусловное оправдание Раймара окончательно губило его противника Рональда. Разумеется, столь благополучным результатом для себя Эрнст Раймар был всецело обязан своей блестящей защитительной речи, и Марлов волей-неволей вынужден был за ним это признать. Он наравне со своими друзьями-финансистами, как в зеркале, увидел, что они в последние годы терпеливо сносили и против чего должны были, по существу, бороться. Впрочем, на банкирский дом Марлова не было брошено ни малейшей тени. После выхода злополучной брошюры Раймара Марлов сразу заметил надвигающуюся опасность и принял надлежащие меры. Он мог доказать свою непричастность к этому делу с той самой минуты, когда для него стала ясной его подоплека, но… его дитя, его дочь!

Правда, до сих пор помолвка оставалась для всех тайной, но что, если Рональд отомстит, рассказав, что Эдита Марлов была его невестой и лишь тогда, когда ему угрожало падение, они постыдно отказали ему? Это наверняка поставит его, Марлова, в неловкое положение перед обществом. Но хуже всего было решительное заявление Эдиты, что она считает себя связанной данным словом до тех пор, пока от него ее

не освободит сам Феликс. Марлов достаточно хорошо знал характер Рональда, равно как и то, что тот был неспособен на великодушие, когда его рассердят.

Банкир сильно испугался. В этом вопросе он чувствовал себя прежде всего отцом, обязанным освободить свою дочь из-под власти человека, которому сам ее отдал. Всего лишь раз он позволил себе отступить от старых принципов своего дома и тоже протянул руку за «заклятым золотом» – и вот это вымещалось теперь на его единственном ребенке!

Вернувшись домой от Вильмы, Эдита была очень расстроена и взволнована, но ничего не ответила на вопросы отца, а только просила его оставить ее одну с Рональдом, когда он приедет сегодня вечером, и не прерывать их разговора.

Она прошла к себе в комнату. На улице уже давно было темно, но здесь, в этой роскошно обставленной комнате, сиял ослепительный свет. Розовый абажур на электрической люстре, обычно смягчавший ее свет, по распоряжению девушки сегодня был снят, и яркий свет заливал всю комнату, освещая каждый ее уголок, каждый предмет, каждую безделушку, каждую черту бледного, но решительного лица Эдиты. Ведь в ее жизни наступала страшная минута.

Рональд вчера у них не был, но сегодня утром прислал записку, в которой сообщал, что будет вечером…

И вот он вошел. Дверь за ним закрылась, и они очутились с глазу на глаз. Эдита спокойно встретила Феликса, но, когда он склонился над ней, чтобы, по обыкновению, обнять, она

вся вздрогнула, что, конечно, не ускользнуло от его внимания. Он окинул ее быстрым взглядом и, слегка коснувшись губами ее холодного лба, спросил:

– Ты ждала меня вчера? Мое настроение, весьма понятно, было далеко не из лучших. Я был бы плохим собеседником и потому предпочел не ехать к тебе.

– Но ведь я ждала тебя не для салонных разговоров.

– Может быть, для соболезнований? Я не принадлежу к числу людей, нуждающихся в утешении, я привык сам справляться со своими проблемами.

Рональд говорил громким, самоуверенным тоном, и только бледность лица да нервное подергивание губ ясно свидетельствовали о том, как подействовало на него вчерашнее поражение. Эдита подошла к камину, где стояли два низеньких кресла, и опустилась в одно из них; ее примеру последовал и Рональд.

– Я и сегодня боюсь обидеть тебя каким-нибудь словом, – возразила она. – Я была вчера на разборе дела, и потому нам излишне сегодня говорить о том, как поразил нас обоих его исход.

– Нас обоих? – повторил Рональд. – Значит, ты продолжаешь считать себя моей? А твой отец давно не думает об этом.

– Ты от папы? – поспешно спросила Эдита.

– Нет, я прошел прямо к тебе, но для меня давно не тайна, что он настоятельно желает изменить наши отношения. Да я и не сержусь на него за это, так как у меня с ним с первой

же минуты установились исключительно строго деловые отношения. Я считаюсь только с тобой, Эдита, с тобой одной!

Его пламенный взгляд с лихорадочной тревогой остановился на лице девушки, но Эдита медлила с ответом.

– Ты ведь знаешь, Феликс, – наконец ответила она, – что внешние обстоятельства никогда на меня не влияют. И поэтому я требую от тебя откровенности. Мой отец считает твое положение сильно пошатнувшимся; он полагает, что вчерашний вечер…

– Является началом конца, – с горькой иронией перебил ее Рональд. – Такого мнения, по-видимому, придерживаются весьма многие. Однако они чересчур быстро сделали выводы. «Кумир маммона», как аттестовал меня мой противник, повергнут. Мне кажется, что он и сам не прочь занять это место. Ведь вчера люди чуть не припадали к стопам этого великого оратора, этого поборника справедливости. Разве он не увлек и тебя своим красноречием? Ты ведь весьма податлива на это! – Рональд уже плохо владел собой. Эдита молчала, не желая раздражать жениха, а тот продолжал с возрастающей страстностью: – Но эти мудрые пророки ошибаются. Я еще Феликс Рональд, и пусть они не забывают этого! Правда, от Штейнфельда мне придется отказаться, да и за существование других предприятий придется выдержать упорную борьбу. Однако если последняя окончится успешно, то я снова буду прав в глазах толпы, а комедия, разыгравшаяся вчера в суде, рассеется как дым. Я уже стоял на

краю пропасти и победил злой рок, а потому не хочу быть побежденным!

Это был порыв грубого человеконенавистничества; дикая энергия этого человека, казалось, еще более окрепла в борьбе с опасностью; там, где другие погибали, он возрождал в себе новые силы. Но вдруг его резкий тон неожиданно перешел в страстный:

– Я не боюсь борьбы, но только мне нужна уверенность, что ты – моя, Эдита, что я не теряю тебя! Я ведь не требую от тебя жертвы, а прошу лишь подождать до того дня, когда снова стану господином положения. Скажи лишь мне, что ты будешь моей, и я снова завоюю счастье, завоюю все в мире… ради тебя!

В глубоком волнении Рональд поднялся с кресла. Эдита тоже последовала его примеру и подошла к круглому столу, стоявшему посреди комнаты. Ее грудь тяжело вздымалась, но она ответила почти спокойным, решительным голосом:

– Ты должен сперва ответить мне на один вопрос, Феликс!

При последних словах девушки Рональд остановился против нее по другую сторону стола. По-видимому, он не придал им особенно важного значения, но все же нетерпеливо сказал:

– Ну, спрашивай!

Эдита, пристально глядя на Рональда, спросила:

– Кто похитил вклады из конторы Раймаров?

Рональд вздрогнул, словно пораженный пулей; с его губ

сорвался полузаглушенный крик, а в глазах заблестел демонический огонек. Этот вопрос из уст Эдиты был подобен громовому удару с чистого неба, попавшему при этом прямо в цель. Однако Рональд быстро овладел собой, и только его голос звучал как-то сурово и хрипло, когда он произнес:

– Странный вопрос! Что это значит?

– Я больше не спрашиваю… я получила ответ! – беззвучно произнесла Эдита.

Наступило продолжительное молчание, которое никто не решался нарушить. Рональд чувствовал, что выдал себя и что этого не исправить, а потому даже и не сделал попыток к этому. Наконец он спросил словно не своим голосом:

– Кто внушил тебе это?

Эдита молчала; она боролась с ужасом и отвращением к человеку, которому обещала свою руку, и который предстал теперь в своем настоящем виде. Рональд презрительно засмеялся.

– Зачем я спрашиваю? Ты научилась у него. Это – его тактика, я узнаю ее. Усыпить противника своим кажущимся простодушием, чтобы затем вернее поразить неожиданностью удара. Ты способная ученица!

Рональд хотел подойти к Эдите, но она с явным отвращением отступила назад.

– Не приближайся ко мне, не касайся меня… у тебя нет на это права.

– Почему нет? Потому что я попался в расставленные то-

бой сети? Но ведь я ни в чем не сознался, да и никогда не сознаюсь. Несмотря ни на что, Раймар не посмел предъявить мне подобное обвинение. Неужели ты намерена сделать это? Берегись!

– Да, ты обманывал всех, – с презрением возразила Эдита, – не желаешь ли ты обмануть и меня? Взгляни мне прямо в глаза и скажи: «Я – невиновен!»

– К чему? Ты ведь все равно не поверишь!

– Нет!

– Следовательно, избавим друг друга от лишних разговоров. Того, что я делал или не делал, тебе не понять, да и вообще никому, кто не смотрел в глаза гибели и не хватался за спасительную соломинку. Двоих она не выдержит, и возникает жуткий вопрос: он или я? Это необходимое средство в борьбе за существование.

– Необходимое средство? – бессознательно повторила Эдита.

– Ну, конечно! Я тоже покончил бы с собой, если бы не нашел пути к спасению. Мой патрон Раймар предпринял рискованную биржевую спекуляцию, разумеется, по моему настоянию, потому что я сам участвовал в ней. Мне нужны были имя и представительство Раймара, чтобы прикрыть себя. Если бы дело выгорело, то я нажил бы себе состояние, да и его капитал удвоился бы. Но появилась угроза войны, и Раймар, струсив, отступил. С его состоянием можно было свободно покрыть все убытки, я же должен был погибнуть, ес-

ли бы не заплатил разницы. Мне еще не было тридцати лет, в голове у меня роились великие планы на будущее, я чувствовал в себе силы и, отбросив мысль о самоубийстве, воспользовался возможностью спасения.

– А потом? – спросила Эдита едва слышно, словно боясь звука своего собственного голоса.

– Все было раскрыто, и наступила катастрофа. Раймар потерял голову и решился на отчаянный шаг. Между тем биржевые дела изменились, на что я и рассчитывал, и вместо убытков я получил прибыль. Повремени тогда Раймар еще две-три недели, и ничего не случилось бы, все закончилось бы благополучно. Судьба! – Рональд говорил вполне равнодушно, как будто рассказывал историю совершенно постороннего человека. Но, окончив ее, он вдруг выпрямился и сказал: – А теперь иди и доноси на меня! Но скажи также и то, что ты была моей невестой, что ты лежала в моих объятиях и отвечала на мои поцелуи… не забудь этого!

Эдита затрепетала под этой иронической насмешкой.

– Ты же знаешь, что я не скажу ни слова, это – твое дело.

– Мое? – вскрикнул Рональд. – Да не сошла ли ты с ума?

– Ты обрек на смерть невинного человека, погубил будущее его сына, а теперь этот сын низвергает тебя с твоей высоты. Неужели ты не чувствуешь в этом удара Немезиды?

– Немезиды? – Феликс презрительно пожал плечами. – Я уже давно не верю таким пустякам. Раймар воспользовался козырем, сделав тебя поверенной. Но не старайся искать до-

казательств, их нет.

– Я знаю это… лишь только твое признание может послужить доказательством.

Рональд окинул ее долгим и странным взглядом.

– Неужели ты на самом деле считаешь меня способным на такую романтическую глупость? Когда все потеряно, можно решиться на самоубийство, но не на это. Да к тому же я не считаю себя совершенно погибшим. Я буду бороться до последней капли крови. – С этими словами он сделал, было, несколько шагов по направлению к дверям, но вдруг остановился. – Прощай!

Эдита не тронулась с места.

– Ты слышишь, Эдита? Я хочу услышать от тебя еще одно слово: «Прощай»… и я добьюсь этого!

Девушка продолжала молчать. Рональд бросился к ней и схватил за руку.

– Не серди меня! Я желаю услышать от тебя всего одно лишь слово…

Эдита не пыталась даже освободить свою руку и произнесла это единственное слово:

– Вор!

Рональд отпрянул, смертельно побледнев. Ни звука не сорвалось с его губ, но последний взгляд, брошенный им на бывшую невесту, заставил ее задрожать. В нем не было угрозы, в нем была смертельная мука!

Рональд ушел, даже не обернувшись. Когда Эдита оста-

лась одна, из ее груди вырвалось не то криком отчаяния, не то вздохом облегчения:

– Свободна! свободна! Но, Боже праведный, какой ценой!

17

Начало конца! Так назвал Марлов судебное разбирательство, Но конец наступил гораздо скорее, чем все предполагали. Рональд прибегал к крайним средствам, чтобы спасти то, что было возможно; он сдержал слово и боролся, действительно, как человек, доведенный до отчаяния. Все, находившееся в его распоряжении: золото, прежнее могущество, влияние и связи, – было пущено в ход, и если бы крупнейшие предприятия, в которые он вдохнул жизнь, были сами по себе более прочны, то он, вопреки всему, спас бы их. Но Раймар не напрасно бросил всем клич: «Посмотрите и на остальные предприятия этого злосчастного человека, они все несут в себе начало разрушения!»

Теперь каждый был очевидцем и судьей. Предприятия работали с миллионным оборотом, так как общество имело к ним безграничное доверие, приток средств не иссякал, пока во главе них стоял Феликс Рональд. Теперь же, когда доверие к нему рушилось, для всех стало очевидным, что гигантские предприятия очень непрочные и не имеют будущего. Штейнфельд разорился первым, а за ним последовали другие; и не прошло и года со дня судебного разбирательства, как наступил конец – имущество Рональда было передано в конкурсное управление.

Был хмурый сентябрьский вечер. Небо заволокло тучами,

и дождь пронизывал своим холодом. В доме Рональда царили тишина и мрак, и только из-под опущенной занавески углового окна на втором этаже пробивался свет. Там в своем кабинете был Рональд. Завтра он должен был покинуть этот дом, уйти нищим из-под развалин своего когда-то несметного состояния.

Разумеется, он мог бы уехать из Европы искать себе счастья в другой части света, но с той минуты, как он в последний раз переступил порог дома Марловых, силы словно оставили этого человека. Он чувствовал себя совершенно разбитым.

После свадьбы двоюродной сестры Эдита Марлов в сопровождении одной дальней родственницы отправилась путешествовать по Италии и еще не вернулась, вероятно, тоже в ожидании «конца». Горькая усмешка скривила губы Рональда – она ведь была права. То, что случилось с ним, никто не может простить и забыть, даже любящая женщина, а ведь Эдита никогда не любила его. Теперь он был одинок, льстецов и приверженцев у него было великое множество, друзей же – ни одного. Все покинули его!

«Заклятое золото»! Именно он стал подтверждением этих роковых слов. Он продал за него свою душу, и оно прибывало к нему в изобилии. Но вот чары разрушились, и золото превратилось в его руках в прах, а вместе с ним погиб и он сам. А тут еще перед ним встал давно знакомый призрак его бывшего патрона, виновником смерти которого, несомнен-

но, был он.

Раймар даже не подозревал своего поверенного; но после своего ужасного открытия он вообще потерял способность здраво мыслить. Он чувствовал лишь, что его честь загублена, и не мог этого вынести. Рональд как сейчас видел его в рабочем кабинете, когда он проводил его до порога и сказал на прощание: «Спокойной ночи, Рональд». Затем послышался звук поворачиваемого ключа в замке двери, и Феликс Рональд понял, что должно было за ней произойти. У него было непреодолимое желание броситься к дверям, позвать на помощь, чтобы предупредить несчастье, но в этот миг в его голове мелькнула мысль, что в Раймаре заключается его спасение, и он не поддался порыву. Когда же несчастье случилось, то этим покойный как бы сам подтверждал свою вину, и дальнейшие расспросы и расследования уже казались излишними. Со смертью Раймара исчезли доказательства, которые легко можно было выявить при его жизни.

«Он или я!» – эти ужасные слова оказались роковыми… и за дверью грянул выстрел.

Теперь этот призрак с кротким и бледным лицом опять предстал перед Рональдом, который знал, зачем он являлся к нему; он требовал возвращения чести и незапятнанного имени для сына, мстившего теперь за отца. Покойник в последнее время часто являлся к Рональду, даже слишком часто. Сегодня он пришел к нему в последний раз, ведь когда он сегодня будет уходить… то уйдет не один!

Рональд вскочил с места и начал беспокойно ходить взад и вперед по кабинету. Он насмеялся над мыслью о самообличении, «этой романтической глупостью», точно так же как и над карающей рукой Немезиды; но в разгар кипучей жизнедеятельности об этом думают иначе, чем в предсмертный час. Теперь Рональд осознавал, что над ним тяготела какая-то темная мстительная сила. Но какое ему дело до того, что за его спиной раздаются проклятия тех, кто вовремя не ушел от него и из-за него потерял свое состояние. Он всегда с презрением относился к судьбам людей, а загробного мира для него не существовало.

Рональд медленно подошел к письменному столу и вынул из ящика портрет, хранившийся там уже несколько месяцев. Он долго смотрел на красивое лицо, которое было для него всегда таким холодным, но могло излучать нежность для другого. Теперь он не чувствовал ненависти к этому другому; и это прошло, умерло, только его страсть к Эдите умрет вместе с ним, так как она была роковой в его жизни.

При последней встрече Эдита словно ударом хлыста поразила его словом, брошенным ему на прощанье в лицо. Оно навсегда запечатлелось в его памяти! Когда-нибудь, после того, как он оставит ей свое завещание, оно будет омыто, омыто ее слезами. Почему ему было бы и не купить ее слез?

Рональд сел к письменному столу, и вскоре все было готово. Письмо к Эдите заключало в себе всего лишь два слова: «Прощай. Феликс». Второе, адресованное Эрнсту Раймару,

было тоже коротким, но более содержательным. Он вложил оба письма в один большой конверт и, запечатав его, адресовал банкиру Марлову. Сделав все это, Рональд обрел, наконец, желанный покой, и его не тревожила теперь даже и тень старого шефа.

Вслед за тем он подошел к камину и бросил портрет в пылающий огонь. Пламя охватило его и через несколько секунд превратило в пепел. Тогда Рональд запер дверь… Ключ, как и тогда, тихо щелкнув, повернулся в замке, и Немезида выполнила свой долг.

18

Прошло три года, и снова наступила весна. Гейльсберг по-прежнему продолжал наслаждаться идиллическим спокойствием и уединением. Здесь ничто не изменилось, только из города уехал нотариус, и его обязанности стал выполнять другой.

Между тем в Штейнфельде и Нейштадте произошли крупные перемены. Штейнфельдские заводы, находившиеся сначала в ведении конкурсного управления, перешли к новому хозяину; он приобрел их за ничтожную цену и не намеревался вести производство в прежнем объеме. Все эти массы рабочих, гигантские постройки и дорогостоящее оборудование оказались обманом. Действительный доход был возможен только при ведении небольшого производства, что и подтвердилось на деле. Большая часть рабочих получила расчет, лишние строения были проданы или сданы в аренду, а производство было сведено к размерам второстепенного или даже третьестепенного предприятия.

Нейштадт, получивший известность только благодаря штейнфельдским заводам, разумеется, сразу ее потерял. Большая часть квартир рабочих в его предместье пустовала, оживленное сообщение с этими районами, весьма выгодное для интересов города, значительно сократилось, а связи с Берлином и заграницей и вовсе прекратились. Цветущее

время промышленного местечка кануло в Лету.

Эрнст Раймар переселился в Берлин, что вызвало общее недовольство гейльсбергцев. Ведь весь город как бы купался в лучах его славы. Его брошюра «Заклятое золото» и блестящая защитительная речь на громком процессе о ней сразу поставили его в ряды знаменитостей. К тому же не успело его имя прогреметь в связи кс этим, как о нем заговорили по поводу другого события. Умирая, Рональд признал себя виновным в похищении вкладов в банкирском доме Раймара; перед гробовой доской он хотел совершить акт величайшего самоотречения и снять позор с имени и чести покойного Раймара.

Теперь Эрнст мог расправить долго связанные крылья. Перед ним открылись все двери, и все, кто знали отца и были несправедливы к сыну, поспешили теперь загладить свою вину и выказать ему высшее расположение.

Как ни странно, все эти перемены отразились только на старшем брате Раймаре. Тем не менее, Макс жил в свое удовольствие и продолжал считаться талантливым художником, хотя ничем не подтверждал этого. Правда, после известного разоблачения он воспользовался популярностью брата и выставил свои этюды. Их заметили, и критика снисходительно отнеслась к ним, но только потому, что они были написаны Раймаром. Эрнст был выдающейся личностью и потому сумел упрочить за собой положение, Максу же пришлось отойти на задний план, тем более что цель всей его жизни – же-

нитьба на богатой невесте – до сих пор не осуществилась.

Гернсбах по-прежнему сдавали в аренду. Господский дом большую часть года пустовал, но дни отпусков майор Гартмут со своей семьей неизменно проводил здесь.

Вот и теперь на террасе сидели Вильма Гартмут и нотариус Трейман. Сегодняшний визит последнего был связан с ожидавшимся приездом в Гернсбах его племянника Эрнста и его «племянницы» Эдиты. Молодые люди возвращались сюда из свадебного путешествия.

В конце аллеи, ведущей к террасе, показался майор верхом на отличном коне и рядом с ним Лизбета на маленьком пони. Они заметили сидевших на террасе и, свернув с дороги, быстро погнали лошадей прямо через лужайку. Белокурые волосы девочки развевались на ветру от быстрой скачки, но она уверенной рукой управляла поводьями.

– Стой! – скомандовал майор, когда они поравнялись с террасой, и лошади стали как вкопанные.

Соскочив с лошадей, они передали поводья подоспевшему слуге; майор торжественно подвел падчерицу к гостю и сказал:

– Смотрите-ка, она скачет верхом уже лучше своей мамы! Ей незнакомо чувство страха, и она смело преодолевает все препятствия. Сразу видна моя школа!

– О, я всегда так езжу с папой! – воскликнула двенадцатилетняя Лизбета, гордясь такой похвалой. – Разве это не весело?

– Но зато слегка небезопасно, – возразил Трейман.

Лизбета рассмеялась и взяла несколько кусков сахара со стола, чтобы дать лошади. Но при этом она и не подумала воспользоваться лестницей, а попросту перемахнула через перила террасы, вызвав этим крик ужаса со стороны матери и одобрительный возглас со стороны отчима.

– Итак, мы готовы к встрече! – воскликнул майор. – Но только к чему такой торжественный вид, дядя Трейман? Ведь мы в семейном кругу. На свадьбе вы даже ощущали священный трепет перед миллионершей.

– Трепет! – повторил Трейман почти обиженным тоном. – Не мог же я выказывать родственную близость на таком большом и великолепном торжестве. А я давно мечтал о такой племяннице; вы сами убедились в этом во время нашей встречи с ней на крепостном кургане.

– Но тогда вы серьезно думали, что она достанется дураку Максу! – смеясь, воскликнул майор. – А тот теперь лечится от испуга в Карлсбаде. Желтуха! Так, по крайней мере, он написал Эрнсту, от которого, конечно, получил деньги на путешествие.

– В этом виноват мой муж, – сказала Вильма, обращаясь к нотариусу. – Во время помолвки Эрнста мы были в Берлине и встретили Макса на улице. Арнольд рассказал ему новость без всякого сожаления…

– Да ты не поняла меня, – прервал ее Гартмут. – Наоборот, я сделал это крайне нежно и осторожно. «Видишь, Макс, –

сказал я ему в утешение, – в Гейльсберге ты считал будущее своего брата безнадежным, а между тем он получает миллионы, на которые ты так надеялся, и красавицу-жену. Эрнста она любит, а тебя не выносит. Но утешь себя мыслью о том, что и тебя не минуют брачные узы». Он весь позеленел, потом пожелтел, буркнул что-то относительно «измены» и кинулся от нас со всех ног, словно ужаленный. А теперь он пьет минеральную воду, чтобы вернуть себе хороший цвет лица. Меня очень удивляет, как это до сих пор на Макса с его смазливой рожицей и непроходимой глупостью не надели венца.

Трейман лишь презрительно пожал плечами. Он не любил, когда в его присутствии говорили об этом человеке, которого он не считал своим племянником. В этом вопросе он был непреклонен.

В эту минуту на террасу, как вихрь, влетела Лизбета с громким криком:

– Едут! Едут! Я вижу экипаж.

Действительно, вдали показался экипаж. Нотариус опять пришел в отличное настроение.

– Да, это они! – повторил он. – Наш Георгий Победоносец! Я ведь первый назвал его так, вся пресса подхватила эти слова, и они стали боевыми в процессе Рональда. О, он выдержит еще не один такой бой, как только попадет в рейхстаг. Ведь на следующие выборы выставляют его кандидатуру. Если Эрнста выберут, то я поеду в Берлин, и буду присутствовать на каждом заседании парламента, ни одного не

пропущу! – и старик даже подскочил от радости на стуле.

Но вот экипаж свернул на аллею, и через несколько минут семья майора и Трейман приветствовали возвратившихся на родину молодоженов.

– Сразу видно, что вы возвращаетесь из свадебного путешествия. У вас обоих какой-то неземной вид! – смеясь, сказал майор, пожимая руку друга.

Эдита обняла свою кузину и обратилась к Лизбете, робко смотревшей на «красивую и важную тетю». Но тетя сбросила с себя холодную важность и крепко обняла маленькую дикарку. Затем наступила очередь старого нотариуса, который колебался между родственной близостью дядюшки и «трепетом» перед наследницей; но любезность «его племянницы» разом устранила «трепет». Эдита сразу же расположила к себе старика тем, что обещала завтра же побывать у него в доме и полюбоваться «старинным зданием, о котором она слышала от Макса так много интересного». Затем она потребовала от дяди Треймана, чтобы тот звал ее «Эдитой», и подставила ему обе щечки для поцелуев. Это было уже слишком для старика; он, конечно, поцеловал ее, но от умиления заплакал.

Вильма проводила молодую женщину в приготовленные для нее комнаты и помогла ей там снять дорожное платье.

– Мне кажется, ты стала еще красивее, Эдита! – с неподдельным восхищением сказала она. – Арнольд прав; вы все еще не похожи на обыкновенных людей.

– Мы, действительно, как будто только что побывали в раю, – весело отозвалась Эдита. – Мы ведь впервые могли всецело принадлежать друг другу, а как долго ожидали этого!

– Да, но чего ради вы откладывали это? – спросила Вильма. – Мы уже давно заметили вашу взаимную симпатию, да и внешние обстоятельства тоже не могли быть препятствием. Ведь ты достаточно богата.

Молодая женщина, поправлявшая перед зеркалом волосы, смеясь, обернулась.

– Значит, ты не знаешь моего гордого Эрнста! Он ни за что не вынес бы зависимости от моего отца. Он взял с меня слово ждать, пока не создаст себе положения в столице. И это случилось намного раньше, чем мы предполагали. Мне лучше чем кому бы то ни было известно, как теперь перед ним заискивают.

– Это как раз в твоем вкусе, – поддразнила ее Вильма. – Ведь, по-твоему, твой супруг должен быть выше толпы. Вот теперь Эрнста избирают в рейхстаг!

– Да, ему дадут депутатские полномочия, – с гордостью во взгляде произнесла Эдита. – Эрнст уже давно посвятил себя политической деятельности; надеюсь, он и на этом поприще сыграет видную роль.

– А мы все еще ожидаем скромного чина полковника, – смеясь, объявила Вильма. – Твой супруг, видимо, метит намного выше и не успокоится без министерского портфеля.

Но ты готова, Эдита? Так пойдем к нашим кавалерам.

В это время Эрнст на террасе рассказывал друзьям новость:

– Третьего дня я получил от Макса письмо. Он сообщает о своей помолвке. Официальное уведомление об этом мы получим на днях.

– Как? И он нашел, наконец, себе невесту? Слава Богу! – воскликнул майор. – Она, конечно, богата, и ты, по крайней мере, избавишься теперь от его вечного попрошайничества.

– Макс пишет мне, что познакомился со своей невестой в Карлсбаде; она, кажется, уже немолода и не особенно красива, но очень богата, о чем он сообщает с явной гордостью. Ты, должно быть, знаешь эту даму, Арнольд, она живет в Ганновере, а ты был там четыре года тому назад. Это некая Альтрингер.

– Альтрингер… Господи, Боже мой! – с ужасом воскликнул Гартмут. – Неужели она подцепила Макса? Спаси его, Бог, теперь он поплатится за все свои грехи!

– Следовательно, ты знаешь ее? Она вдова помещика?

– Совершенно верно, они спекулировали землей и, разбогатев на этом, переехали в Ганновер. Их прежние соседи перекрестились от радости, узнав об этом. Впрочем, что касается самого Альтрингера, то он был довольно безвреден и во всем подчинялся своей супруге. Она командовала им денно и нощно, пока благополучно не похоронила. Она приблизительно лет на двадцать старше Макса. Берегись своей своя-

ченицы, Эрнст! Это воплощенный сатана.

– Да мы и не думаем поддерживать отношения с Максом, – спокойно произнес Эрнст. – В последние годы мы совершенно разошлись; он приходил ко мне и писал мне лишь в случаях крайней необходимости…

– В деньгах, – договорил за него нотариус, – а ты всегда делал ему поблажки. Что касается меня, то я никогда не прощу этому человеку того, что он хотел продать мой дом нейштадтцу и только и ждал моей смерти.

– Простите его, дядя Трейман! – торжественно произнес майор. – Теперь вы можете это сделать: человек, у которого супруга госпожа Альтрингер, достоин сожаления. Она сумела подчинить себе Макса, который слишком глуп, чтобы оказать сопротивление… впрочем, тут не поможет никакое сопротивление, а потому пусть несет свой крест сам!

* * *

Следующее утро было пасмурным и туманным, но вскоре погода прояснилась, и весело засияло солнце. Поездка в Гельсберг была отложена на послеобеденное время, потому что Эрнст и Эдита объявили, что хотят совершить небольшую прогулку по окрестностям. Они пошли одни и стояли теперь на том самом месте, где четыре года тому назад произошла их первая встреча, решившая их судьбу.

Маленькое кладбище по-прежнему было одиноким и за-

брошенным. Бури, пронесшиеся над миром, проблемы людей его не коснулись. Покойники так же мирно спали под осенней листвой и зимним снегом, как и под яркой весенней зеленью. Лучи солнца по-прежнему освещали осевшие могильные холмики и истертые надгробные камни, и аромат ежегодно пробуждающихся цветов наполнял это царство мертвых. Из разрушенных стен маленькой кладбищенской церкви, поросшей удушливой бузиной, доносилось пение дрозда – старая ликующая весенняя мелодия… все было, как и тогда…

Только в них двоих, теперь медленно ступавших по пышной траве, произошла огромная перемена. Правда, свое счастье они обрели в тяжелой борьбе, а тот, кто стоял между ними, покоился теперь в своей одинокой могиле. Они только что говорили о нем; это сразу можно было видеть по серьезному выражению их лиц; на ресницах молодой женщины еще дрожали слезинки, когда она сказала взволнованным голосом:

– Ты не можешь представить себе, Эрнст, какое большое впечатление произвело на меня его последнее «прости». Всего два слова: «Прощай. Феликс». Ни объяснений, ни просьб. Я прогнала его от себя тем ужасным словом, а он своей предсмертной исповедью возвратил тебе жизнь – тебе, повергшему его. Он ведь мог унести эту тайну с собой в могилу, но не хотел оскорблять свою память таким поступком. Несмотря на все, в этом человеке все же была черта величия.

Эрнст нахмурился. Его ответ не был резок, но и мягким его тоже нельзя было назвать.

– Я не питаю ненависти к покойникам, но не могу забыть, что он был виновником смерти моего отца и в течение десяти лет не снимал позорного пятна с его имени. А то, что сделал Рональд умирая, было совершено им не ради меня и не во имя справедливости, а только ради тебя, Эдита! Он хотел сохранить в тебе добрую память о нем, желал, чтобы ты оплакивала его.

– И я плакала! – тихо произнесла Эдита.

– Знаю. Но оставим все это в покое! Ведь не ради этих воспоминаний пришли мы сюда. Смотри, вот там стоит наше многообещающее слово… оно оправдалось!

Они сделали несколько шагов вперед и остановились перед маленькой часовней, где из-за серых развалившихся стен возвышался старый памятник. Ветви плюща еще гуще обвили его со всех сторон, однако это не мешало солнечным лучам играть на старом, поросшем мхом камне с полуистертой надписью и тем многообещающим словом, которое некогда, подобно солнечному лучу, засияло в мрачном существовании почти обреченного человека: «Пробуждение! К жизни и свету!».